

РУКОПИСЬ ВЪ ТЮРЬМѢ.

Сочиненіе дворянина Волынской губерніи Каспера Мошковскаго.

Эта рукопись доставлена въ „Русскій Архивъ“ покойнымъ Николаемъ Эварестовичемъ Писаревымъ, который служилъ начальникомъ канцеляріи Кіевскаго генералъ-губернатора Д. Г. Бибикова. Примѣчанія вѣроятно составлены въ Кіевской Комиссіи, вѣдавшей дѣла по заговору Канарскаго. Читатели припомнятъ печатавшіеся въ „Русскомъ Архивѣ“ статьи Н. В. Берга о Польскихъ заговорахъ и возстаніяхъ. П. Б.

I.

Настанетъ время, когда Исторія Польскаго народа, послѣ упадка революціи 29 Ноября 1830 года, будетъ писана, время, въ которое будутъ судить о нашихъ дѣйствіяхъ. И потому всякій обязанъ собирать извѣстныя ему свѣдѣнія о событіяхъ этихъ годовъ, дабы онѣ могли служить матеріаломъ для изрѣченія справедливаго суда о людяхъ, нынѣ живущихъ, ихъ стремленіи на пользу общую, усиліяхъ, дѣйствіяхъ и послѣдствіяхъ оныхъ. По сему-то я вознамѣрился, не взирая на время и мѣсто, въ которомъ нахожусь нынѣ, описать, чтѣ знаю, въ особенности то, чтѣ мнѣ болѣе извѣстно, т. е. чтѣ происходило въ Волынѣ, Подоліи и Украинѣ*). О другихъ частяхъ Польши едва буду имѣть возможность упомянуть. Весьма сожалѣю, что очень мало сѣумѣю сказать о Литвѣ, принимавшей во всемъ столь дѣятельное участіе, Литвѣ, которой эта священная борьба стоила столькихъ жертвъ. Не буду обращать вниманія на слогъ, подробности, менѣе важныя, пропущу, дѣлать критическаго разбора дѣйствій не стану. Сочиненіе будетъ носить отпечатокъ поспѣшности и опасенія; силюсь окончить его, въ нѣсколько дней, дабы его не захватили. Пишу въ тюрьмѣ, въ

*) Украиную Поляки называютъ по сіе время еще Кіевскую губернію, а жителей оной Украинцами.

казематѣ, состоя подѣ слѣдствіемъ именно за участіе въ томъ, что буду описывать.

Начиная разсказъ о томъ, что происходило въ трехъ помянутыхъ провинціяхъ, съ 1835 года, я долженъ сперва упомянуть о 1833 и 1834 годахъ.

Въ 1833 г. подполковникъ Булевскій¹⁾ прибылъ на Волынь. былъ въ Литвѣ, принялъ нѣсколько обывателей въ общество имъ основанное²⁾. Вернувшись въ Галицію, онъ поѣхалъ во Францію и весною 1833 года прибылъ снова оттуда нѣ Галицію вмѣстѣ съ Ныкою, Чарнецкимъ и Торчинскимъ, имѣя цѣлю распространять это общество. Въ это же самое время прибылъ изъ Франціи подполковникъ Заливскій, не знаю, въ сопровожденіи какого числа лицъ. Съ нимъ прибыли: Дзѣвицкій, Бобинскій, Карлъ Борковскій, Ходзько, Волловичъ, Завиша и многіе иные. Намѣреніемъ Заливскаго было тотчасъ приступить къ дѣйствіямъ съ оружіемъ въ рукахъ, призывая поселянъ участвовать въ этой борьбѣ, посредствомъ обѣщаній, что имъ будетъ возвращено то, что отнято у нихъ шляхтою въ прошедшія столѣтія. Мысль великая, единственная, которая одна можетъ спасти край. Но прежде надобно было народъ этотъ приготовить къ тому, чтобъ онъ объявилъ требованія о возвращеніи принадлежащихъ ему правъ, и приготовить шляхту (дворянъ), чтобы не только не противилась отреченію отъ своихъ привилегій, но еще по отреченіи и послѣ отдачи крестьянамъ того, на что они имѣютъ неоспоримыя права, вмѣстѣ общими силами, ударили на врага³⁾. Все это не могло сдѣлаться въ одну весну.

Въ эту весну прибылъ въ Лембергъ Свирскій⁴⁾, бывшій нѣкогда депутатомъ изъ Рубиншова, потомъ министромъ, высланный изъ Франціи княземъ Чарторійскимъ. Главною цѣлю его было сдѣлать недѣйствительными замыслами Заливскаго и его товарищей, названныхъ имъ Лелевелистами и убѣдить, что только князь, дипломатика, кабинетныя дѣйствія способны воскресить край, и на этомъ основаніи онъ соста-

¹⁾ Кіевскою Коммисією, между прочимъ, обнаружено, что Булевскій, возвращаясь за границу изъ Литвы, гдѣ были имъ основаны тайныя общества, встрѣтилъ въ кормчѣ ксендза Павловскаго, которому далъ запрещенныя книги и сдѣлалъ нѣкоторыя сообщенія о своихъ намѣреніяхъ. Въ послѣдствіи Булевскій, какъ уведомилъ Галиційскій президентъ, пойманъ въ Галиціи и высланъ за границу.

²⁾ Члены общества, основаннаго Булевскимъ въ 1833 году въ Мозырскомъ уѣздѣ, обнаружены въ Виленской Коммисіи. Они принадлежали къ обществу Канарскаго.

³⁾ Т. е. Русскихъ.

⁴⁾ Свирскій дѣйствительно былъ въ Лембергѣ въ 1833 году и открылъ правительству о замыслахъ нѣкоторыхъ изъ партіи Лелевеля, которые извѣстны были тогда подѣ названіемъ Гверильясовъ.

вилъ общество, къ которому приставали Галиційскіе графы, эмиграціонная аристократія и люди ихъ мнѣній.

Ясно, что прибытіе сихъ гроихъ лицъ, т. е. Булевскаго, Заливскаго и Свирскаго въ одно мѣсто, съ столь различными намѣреніями, столь несходнымъ образомъ мыслей о вещахъ, долженствовало родить между ними и ихъ послѣдователями несогласія, которыя вскорѣ замѣнились открытыми спорами. Всякій изъ нихъ, тотчасъ по прибытіи своемъ, собиралъ послѣдователей своихъ мнѣній и товарищей въ своихъ предпріятіяхъ, какъ между Галиційскими обывателями, такъ и между находившимися въ Галиціи выходцами, и легко обрѣталъ охотниковъ. потому что всякаго призывалъ во имя отечества. Каждый послѣдователь которой либо изъ партій защищалъ ее жарко, громко опровергалъ противурѣчія, дѣланныя послѣдователями иныхъ партій до того, что межъ ними явная возгорѣлась война, съ помощію которой Австрійское правительство, извѣстившись обо всемъ и опасаясь въ особенности дѣйствій Заливскаго (которыя и на самомъ дѣлѣ болѣе другихъ были страшны, какъ для Австріи, такъ и для прочихъ грабителей Польши), стало преслѣдовать выходцевъ, принуждая однихъ возвратиться въ Край. иныхъ высылая въ Триестъ, откуда самая большая часть отправлена населять лѣса Мичигана и Иллиное въ Сѣверной Америкѣ, другихъ же заключая въ темницу. Конецъ усилій сихъ трехъ партій былъ слѣдующій.

Свирскій поручилъ руководство сообщества послѣдователямъ своихъ мнѣній въ Галиціи и нѣкоторымъ обывателямъ (или самъ лично или чрезъ другихъ) провинцій, находящихся подъ игомъ Россіи и, собравъ отъ десяти до двадцати тысячъ червонцевъ, вернулъся во Францію*). Сообщество это въ нашихъ провинціяхъ вскорѣ послѣ его основанія омертвѣло, не смотря на усердныя старанія одного изъ начальниковъ: ибо зданіе, имѣвшее такое непрочное основаніе, должно было упасть само собою. Осталось однакожь вредное вліяніе: ибо сообщество то имѣло въ основаніи утвержденіе гибельной мысли, что воскресить Польшу кто-то послѣ насъ; напримѣръ какіе-то кабинеты, въ слѣдствіе стараній знаменитыхъ людей, имѣющихъ связи свои при дворахъ. Таковымъ называли князя Чарторійскаго.

Партія Заливскаго или Гверильсовъ была самою дѣятельною. Люди, соединившіеся съ Заливскимъ, исполнены были самоотверженія и жертвовали собою, какъ истинные апостолы народа, не страшившіеся

*) Къ обнаруженію того, кто были тѣ лица, которыя въ 1833 году снабдили Свирскаго деньгами и вступили въ общество, принимаются мѣры.

неудачъ, именно такіе, какіе рано или поздно спасутъ Польшу. Не взирая на несчетныя препятствія, многіе изъ нихъ отправились въ Царство и Литву. Назначенные на Волынь не вышли еще, когда положеніе дѣлъ прочихъ партій, невозможность, преслѣдованіе правительства и другіе удары принудили оставить намѣреніе дѣйствовать вооруженно и заставили довольствоваться пропагандою или распространеніемъ своихъ правилъ. Тогда возникло товарищество Карбанаровъ, которое въ послѣдствіи подвергалось различнымъ перемѣнамъ. Дзѣвицкій въ началѣ еще, ворвавшись съ отрядомъ въ королевство, билъ Москалей гдѣ встрѣчалъ; но былъ окруженъ превосходными силами и ядомъ отнялъ у себя жизнь. Завиша повѣшенъ въ Варшавѣ, Волловичъ въ Гроднѣ. Заливскій, Борковский, Дмуховскій, Жабоклицкій, Бялковскій, Будзинскіе Михаила и Викентій и многіе другіе выходцы и Галиційскіе обыватели взяты подъ стражу. Первые пять осуждены въ 1835 году на заключеніе въ крѣпость Кувштейнъ на 20, 15, 10 и 5 лѣтъ. Будзинскіе, по истеченіи трехъ лѣтъ, освобождены и высланы въ Триестъ, многіе другіе испытали подобную же участь. Нѣкоторые изъ нихъ, что вгоргнулись въ Литву и въ Царство, ушли и воротились во Францію. Иные бравшіе въ томъ же участіе, какъ напримѣръ Гоцинскій, Кульчинскій и Бобинскій скрывались въ Галиціи. Имена ихъ всегда будутъ священны для Поляковъ. Когда повѣсили Завишу, дѣти Варшавскихъ жителей брали землю съ его могилы и раздавали какъ святыню, за что наказаны были тѣлесно, а нѣкоторые отданы въ солдаты. Но дѣйствія ихъ не имѣли никакого почти вліянія на наши провинціи. Литва, претерпѣвъ жестокое преслѣдованіе по случаю поимки Волловича и Шиманскаго, который многихъ уговорилъ, утихла. Предпріятія къ возстанію на Волынѣ, Подоліи и Украинѣ были безплодны. Тѣ, кои, возвращаясь въ 1834 году изъ Галиціи¹⁾, обязались приготовить жителей сихъ провинцій, вовсе сего не исполняли, и только двое изъ нихъ не измѣнили своему призванію²⁾. Процессъ Польши въ сихъ провинціяхъ ничего не выигралъ; напротивъ, соблазнительныя ссоры начальствовавшихъ партіями внесены сюда изъ эмиграціи. Печальный конецъ Гверильясовъ, разсѣяніе Галиційской эмиграціи, обманутыя надежды уничтожали почти вѣру въ возможность дѣйствовать, ослабляли духъ и оцѣпняли даже ревностнѣйшихъ. Усилій Булевскаго не осталось и слѣда; всѣ его дѣйствія обратились въ пренія съ партизанами Заливскаго, и

¹⁾ По дозволеніямъ, какъ просившіе помилуванія.

²⁾ Одинъ извѣстенъ: Леопольдъ Немѣровскій; о другихъ производятся допросы. Немѣровскій содержится въ Кіево-Печерской цитадели и сознался въ участіи въ тайномъ обществѣ.

наконецъ и онъ, арестованный въ Лембергъ, потомъ уволенный, куда обратился, не знаю¹⁾).

Такимъ образомъ уже въ началѣ 1834 г. не существовало зародыша партіи Булевскаго. Уполномоченные Свирскимъ ничего не принимали, изъ послѣдователей Заливскаго одни легли въ могилу, другіе остались въ тюрьмахъ, иные разсѣялись и въ испугъ бѣжали. Все замолкло, всеобщее омертвѣніе поразило почти всѣхъ, въ особенности же провинціи, о которыхъ пишу: ни малѣйшаго слѣда жизни... даже не проявлялась мысль о необходимости какого либо дѣйствія! Такое состояніе для народа, находящагося въ положеніи подобномъ Полякамъ, ужасное и есть самое гибельное. Правительство съ своей стороны ничего не упускало изъ виду, что могло содѣйствовать ему къ истребленію напей народности, къ отвращенію умовъ отъ стремленія и усилій возрождать отчизну; уничтожало заблаговременно всѣ оставшіеся у насъ средства, а имѣя все въ своихъ рукахъ, могло все....

Надо было непременно противопоставить что либо такимъ посягательствамъ правительства; нужно было какое либо сильное средство для отвращенія вредныхъ послѣдствій, отразившихся на краѣ отъ случившихся обстоятельствъ; нужно было лекарство противъ болѣзней, которыя съ давнихъ поръ привели край этотъ къ гибели, нужно было непременно пробудить усыпленныхъ, ибо это омертвѣніе было невыносимо; надобно было, чтобы Польша находилась (какъ всегда бывала) ежели не въ состояніи явнаго возстанія, то въ состояніи тайнаго заговора, безъ котораго никогда существовать не можетъ²⁾).

Въ началѣ 1835 г. нѣсколько разъ собирались нѣкоторые сосѣди³⁾ и знакомые къ Касперу Мошковскому, проживавшему въ Староконстантиновскомъ уѣздѣ, и передавали взаимно другъ другу замѣчанія о причинахъ упадка революціи 1831 года, о порокахъ и ошибкахъ, не

¹⁾ Высланъ за границу изъ Австріи.

²⁾ А развѣ, еще до раздѣла Польши, не было тайныхъ взаимныхъ заговоровъ между разными кружками, передъ выборами въ сеймы? Екатерина не безъ соболѣзнованія писала графинѣ А. В. Браницкой, что между Поляками нѣтъ двухъ человѣкъ, виолнѣ между собою согласныхъ, и сравнивала Польшу съ соловьемъ, который весело распѣваетъ, не видя жабы, готовой проглотить его. Къ участію въ раздѣлѣ Польши Россія была вынуждена давленіемъ Пруссіи и Австріи, во время нашихъ неудачъ въ Турецкую войну, когда обѣ онѣ имѣли на своей сторонѣ Францію. Екатерина и графъ П. И. Панинъ не желали раздѣла Польши. П. Б.

³⁾ Лепковский, Орачевскій, Подгороденскій, Пининскій, конъ всѣ арестованы по принадлежности къ обществу Союза Польскаго народа. Лепковский умеръ въ госпиталѣ отъ горячки, Орачевскій еще не признался, Подгороденскій и Пининскій сознались, а сей послѣдній открылъ о существованіи тайнаго общества прежде появленія Канарскаго.

дозволявшихъ никогда народу пользоваться плодами ревностнѣйшихъ своихъ усилій, о нынѣшнемъ его положеніи и средствахъ ускорить возрожденіе Польши, и когда согласились въ мнѣніяхъ, то положено составить изъ себя Общество и распространять оное. Каждый вступающій въ это общество долженъ былъ всею душою вѣрить, что Польша собственными только силами, безъ всякой посторонней помощи, возвратитъ себѣ свободу, и что эта сила есть въ 20-ти миллионномъ¹⁾ народѣ; что безъ соціальной революціи Поляки возстать и свергнуть ярмо не могутъ, что эта соціальная революція необходима. во первыхъ: какъ средство, безъ коего невозможно побѣдить внѣшняго врага, и во вторыхъ, какъ цѣль, дабы, по сверженіи чуждаго ига, измѣнить донынѣ продолжающееся противное природѣ и человѣчеству состояніе вещей. По сему-то вѣрованіемъ каждаго члена общества было не только отреченіе отъ всѣхъ историческихъ правъ и привилегій дворянства, но безусловное равенство и свобода всѣхъ состояній, отдача крестьянамъ земли въ собственность и та увѣренность, что онъ можетъ народъ нашъ приготовить къ тому, что вмѣстѣ съ нимъ пойдетъ сражаться съ врагами. Совершенно иныя мнѣнія были доселѣ вкоренены въ нашемъ народѣ; и потому истреблять ихъ, на ихъ мѣсто вводить новыя, готовить другихъ къ ихъ принятію и приготовляемыхъ внѣдрять въ общество было главною обязанностью всякаго сообщника. Написанъ былъ уставъ сообщества, въ которомъ ясно изображены были его основанія, обязанности каждаго члена, составлена простая организація, приспособленная къ мѣстности. Не знаю, находится ли теперь гдѣ либо этотъ уставъ, который назывался уставъ общества, составляющагося къ благу человѣчества и нашего отечества²⁾. Въ составленіи онаго участвовали: Леонардъ Лепковскій, Орачевскій³⁾. Маріанъ Подгороденскій, Касперъ Мошковскій и другіе (Лепковскій прежде еще написалъ было полезную брошюрку подъ заглавіемъ: Что должны нынѣ дѣлать честные люди). Собирались въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ у Мошковскаго, совѣщались о способахъ распространить это общество и придать ему столько силы и могущества, чтобы вліяніе его могло дѣйствовать на весь край. Въ уставѣ основанія выражены были общими словами, почему на одномъ изъ засѣданій Орачевскій предложилъ, чтобы пространно и подробно описано было, что каждому дѣлать должно. во что вѣрить и какія употреблять средства. чтобы

¹⁾ Ужъ будто? П. Б.

²⁾ Уставъ этотъ переданъ былъ Лепковскимъ и Пининскимъ Боровскому, который передалъ его студентамъ университета св. Владимира, подъ названіемъ „уставъ общества вѣры, надежды, любви“.

³⁾ Сей Орачевскій, 28 Декабря, отправленъ въ С. Петербургъ.

вѣру эту переливать въ другихъ, готовить и прощрять къ подобному же дѣйствованію. Вышеупомянутые четыре челоѣка раздѣлили межъ себя предметы, потомъ написали и составили изъ сего на трехъ листахъ брошюрку, подъ заглавіемъ или съ надписью въ началѣ: обязанностію каждаго есть: 1-е, держаться народности, 2-е, возбуждать духъ самопожертвованія, 3-е, распространять просвѣщеніе, 4-е, исправлять обычаи, 5-е, поселянъ готовить такъ, чтобы могли быть присяжными защитниками отчизны и истинныхъ гражданъ, 6-е, исправлять ложныя мнѣнія. Всѣ эти 6 пунктовъ содержались въ томъ сочиненіи. Оно было такъ написано, что даже непринадлежавшіе къ обществу могли читать его; оно повсюду принято было какъ нельзя лучше и сдѣлало много добраго вліянія; думаю, что, не взирая на участь, какой нынѣ подверглось это сочиненіе, оно будетъ сохранено и будетъ лучшимъ свидѣтельствомъ мнѣній, стремленія, усилій и дѣйствій членовъ общества, равно употреблявшихся ими средствъ, дабы достигнуть священной цѣли, оживлявшей ихъ души, укрѣплявшей души. Еще весною присоединился къ этому обществу Уминскій ¹⁾, недавно прибывшій изъ Галиціи, гдѣ въ дѣйствіяхъ Гверильясовъ принималъ дѣятельное участіе. Возвратившись въ край, вѣрный своему призванію, онъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ приготовлялъ юношество. Челоѣкъ этотъ былъ просто въ обхожденіи, неутомимъ въ предпріятіяхъ еще съ 1831 года, перенесъ много трудовъ на пользу отчизны и о немъ справедливо отзывался одинъ: „Уминскій не большой грамотѣй, но, судя о немъ глубоко, онъ стоить больше многихъ ученыхъ“. Общество приняло за правило скорѣе соединяться съ подобными людьми, нежели съ людьми на видъ блестящими, суемудрыми, имѣющими вѣсь или значеніе, соображаясь въ семъ случаѣ со словами въ одномъ изъ 6 вышеупомянутыхъ пунктовъ сказанными: „тотъ у насъ истинно уменъ, кто узналъ права челоѣка, а тотъ истинно добръ, кто для освобожденія людей отъ ярма, а права отъ насилій, готовъ на все“.

Умноженіе числа членовъ шло медленно, ибо большее вниманіе обращено было на характеръ и достоинства челоѣка, нежели на многочисленность членовъ. Лѣтомъ 1835 г. принято нѣсколько членовъ изъ Кременецкаго уѣзда. Осенью Мошковскій соединился съ приготовленными Уминскимъ. былъ въ Житомирѣ и иныхъ еще принялъ ²⁾. Во время сѣзда у Лепковского въ Ноябрь въ окрестностяхъ Немирова Орачевскій предположилъ составить словарь выраженій, имѣющимъ

¹⁾ Уминскій арестованъ и сознался.

²⁾ Райковского. Кто же были приняты изъ Кременецкаго уѣзда и кто былъ принятъ Уминскимъ, производятся допросы.

соотношенія съ нашими цѣлями и понятіями и всякое слово описать не такъ, какъ въ обыкновенномъ смыслѣ значить, но какъ мы желаемъ понимать его. Такихъ словъ собрали нѣсколько десятковъ, изъ коихъ приведу нѣкоторые, а именно: крестьянинъ, шляхтичъ, обыватель, солдатъ, жизнь, кабинеты, мнѣніе, неистовый, собственность, право, христіанинъ, свобода, равенство, возстаніе, революція, деспотизмъ, Рѣчь-Посполита, истинный Полякъ и проч. Написанъ былъ проектъ сего словаря, и нѣкоторымъ членамъ роздано по нѣскольку словъ, для описанія. Нѣкоторые изъ нихъ это исполнили. Словарь этотъ долженъ былъ много содѣйствовать къ истребленію ложнаго и вреднаго способа смотрѣть на вещи, долженъ былъ навести умы на истинный путь и приготовить къ революціи, которая только одна способна спасти край, но онъ не былъ конченъ, по случаю перемѣны, которой вскорѣ подверглось общество. Много однакожь написано; статья можетъ, отрывки эти когда нибудь вырты будутъ изъ пыли. Самые дѣйствительнѣйшіе способы освобожденія, какъ то: дарованіе крестьянамъ правъ гражданства, поземельной собственности, веденіе партизанской войны и тому подобное, не были приняты при послѣднемъ возстаніи только потому, что не согласились съ народнымъ мнѣніемъ и мыслями тѣхъ, которые руководили дѣломъ. Революція общественная, единственное средство къ возвращенію отечества, не можетъ совершиться дотолѣ, доколѣ умы и сердца всѣхъ жителей не будутъ ею проникнуты, а посему распространеніе сочиненій и книгъ, приготовляющихъ къ этой революціи, входило въ обязанность членовъ общества.

Зимой тогожь года пріѣхалъ Мошковскій въ Украину¹⁾ и тамъ сообщилъ уставъ товарищества Креховецкому и Сарнецкому, людямъ честнымъ, любящимъ отечество выше всего, на что дали доказательствъ²⁾, всюду уважаемымъ, потому что этаго заслуживаютъ и основательно понимающимъ, что нужно для спасенія Польши и которые въ началѣ 1833 года подобные прожекты ему сообщали. Они охотно вошли въ общество.

1836 года въ Кіевѣ на контрактахъ Мошковскій опять принялъ нѣкоторыхъ изъ разныхъ мѣстъ³⁾, а до того еще Боровскій⁴⁾ принялъ

¹⁾ Къ Креховецкому.

²⁾ Участвовали въ мятежѣ, скрываясь во время онаго за границую.

³⁾ Кто были тѣ лица, еще неизвѣстно.

⁴⁾ Боровскій арестованъ и сознался, что принялъ студентовъ: Гордона, Винницкаго и Янишевскаго къ демократическому обществу вѣры, надежды, любви, въ Маѣ 1836 года.

нѣсколько Кіевскихъ студентовъ какъ то: Винницкаго, Гордона, послѣ чего и составилось между ними сообщество.

Въ Февралѣ, въ Житомирѣ, Мошковскій принялъ Немѣровскаго, только что выпущеннаго изъ крѣпости за принадлежность къ возстанію 1831 года¹⁾; молодой эготъ человѣкъ. съ отличной душою, рѣдкимъ характеромъ и необыкновенными способностями, вскорѣ послѣ того принялъ въ Ковельскомъ уѣздѣ нѣсколькихъ равно хорошихъ и способныхъ людей.

Въ Житомирѣ Р. ²⁾, человѣкъ рѣдкихъ правилъ, усердно трудился надъ тамошнею молодежью, и труды его не были напрасны³⁾; все шло хорошо, тихо, безъ шума, подружески, не обращая вниманія правительства, но успѣшно, потому что слѣды его уже были видимы; соединялись между собою хорошо знакомые, и потому не было никакого опасенія. Довѣренность, согласіе, братская любовь, связывали всѣхъ, дѣйствіе переходило изъ одного уѣзда въ другой и такимъ образомъ должно было вскорѣ обнять весь край; не было принужденія, ни пристрастія, ни насилія въ мнѣніяхъ, не было жалобъ, ни споровъ, на все была добрая воля cadaго, и происходило все отъ чистаго сердца. Какія роскошныя, безсонныя ночи проводили мы въ началѣ и при распространеніи сообщества; въ кругу нашей молодежи видѣли мы надежду и опору начатыхъ усилій! Какая бывала радость, когда прибывалъ новый товарищъ. Прекрасна была эта пора нашей жизни! Нѣтъ ничего прелестнѣй этихъ минутъ; недавнія язвы народа вышли изъ памяти, потому что уже роились мечты о его счастіи. Понемногу, тихо возросло бы это дерево, усилило свою крѣпость, потому что не было подражаніемъ иноземному обществу, но возникло само изъ себя, по доброй волѣ и по чувству необходимости cadaго, какъ проявленіе воли, мыслей и желаній народныхъ, потому что мы знали мѣстность, пособія и препятствія, какія имѣемъ, знали чего должны остерегаться и что можемъ употребить съ пользою. Росло дерево, корень его былъ въ родной землѣ и въ родномъ климатѣ, росло натурально, созрѣло бы и принесло бы плоды; но надобно было, чтобы

¹⁾ Немѣровскій судился за участіе въ мятежѣ, по высочайше утвержденной конфирмаціи выдержанъ въ Кіево-Печерской цитадели 1 мѣсяцъ, имѣніе его конфисковано, освобожденъ 9 Февраля 1836 года, въ общество поступилъ въ томъ же мѣсяцѣ, былъ секретаремъ Ковельскаго обвода, потомъ находился въ Одессѣ, гдѣ видѣлся съ эмиссаромъ Канарскимъ весною 1837 года.

²⁾ Рошковскій, бывшій секретаремъ Житомирскаго обвода, когда общество, образованное Мошковскимъ, приняло уставъ эмиссара Канарскаго.

³⁾ Принималъ Прушинскаго, Огородинскаго.

оно имѣло возможность расти такъ, какъ дозволяли его природа и соки питательнаго грунта, въ которомъ находилось, т. е. тайно, скрывая даже настоящее его наименованіе.

Въ Декабрѣ 1835 года прибылъ въ Волюнь въ мѣста, пограничныя съ Литвой, молодой человѣкъ, оставившій за нѣсколько мѣсяцевъ предъ тѣмъ Францію¹⁾ съ цѣлію основать въ краѣ общество. Провѣзжая чрезъ Краковъ и Галицію, онъ познакомился съ *Бабинскимъ*, *Гончинскимъ* и *Кульчинскимъ*, а также иными, написалъ самъ или съ другими правила общества подъ названіемъ: Союзъ Польскаго народа, составилъ организацію и, не останавливаясь почти въ Волюнѣ, отправился въ Литву къ лицамъ, къ коимъ имѣли рекомендацію²⁾, дорогою отъ мѣста до мѣста; прибылъ въ Вильну, въ чемъ помогъ ему возвратившійся предъ нимъ изъ Галиціи Литвинъ Наполеонъ Новицкій³⁾. Этотъ молодой человѣкъ, котораго настоящее прозваніе *Канарскій* только теперь сдѣлалось извѣстнымъ для края нанесеннымъ ему самымъ жестокимъ ударомъ, Канарскій, который, не взирая на то, что имѣлъ самыя лучшія намѣренія, какъ язва народная съ конца въ конецъ, вдоль и поперекъ обтекъ всю Польшу и заставилъ нынѣ ее плакать такими слезами, какими еще никогда не плакала: ибо слезъ этихъ не сопровождаетъ никакое облегченіе, никакое ни отколь утѣшеніе; который нѣсколько сотъ семействъ ввергнулъ въ горестъ, въ отчаяніе и окровавилъ ихъ сердца ранами, которымъ нѣтъ врачеванія, который не одну мать, супругу, дитя, при жесточайшихъ мученіяхъ души, лишилъ средствъ къ прожитію; который однихъ ввергъ въ тюрьму, наложивъ на нихъ оковы и влилъ адъ въ ихъ души; другихъ оставилъ въ домахъ въ печали, убійственнѣе всякихъ мукъ, въ состояніи медленной кончины. Канарскій наконецъ сдѣлалъ то, что братья наши, мученики и братья наши скитальцы никогда не увидятъ родную землю, а многихъ изъ нихъ кости почіютъ въ чуждыхъ могилахъ. Канарскій, нанесшій краю сему ударъ, быть можетъ самый чувствительный изъ всѣхъ, какіе онъ испытывалъ, такъ сказать, положилъ Польшу въ гробницу на много лѣтъ.

Онъ родился въ Августовскомъ воеводствѣ, служилъ до возстанія 29 Ноября въ пѣхотѣ, отличался во время войны и по окончаніи оной.

¹⁾ Пробылъ два дня у Бринка и Родзевича, Литовскихъ дворянъ.

²⁾ Имѣлъ письма въ Вильну.

³⁾ Новицкій, со времени тайнаго прибытія изъ заграницы, жилъ въ Гродненской губерніи въ имѣніи князя Витгенштейна, у брата своего Оадея, скрывалъ Канарскаго въ домѣ брата своего, когда онъ былъ въ Гродненской губерніи, задержанъ нынѣ въ Вильнѣ.

отправился во Францію, откуда съ Гверильясами прибылъ въ 1833 году; былъ въ Литвѣ и Польшѣ и тогда находясь близъ дома матери, навлекъ отвѣтственность на брата, который поплатился за сіе продолжительнымъ заключеніемъ. Снова вернулся за границу, былъ въ Брюселѣ, Швейцаріи¹⁾, потомъ въ Парижѣ и въ Маѣ 1835 года выѣхалъ изъ онаго, съ согласія, какъ сказывалъ. Валентія Зверковскаго, Карла Ружицкаго²⁾ и другихъ лицъ, хорошо извѣстныхъ своимъ патріотизмомъ, заслугами, правилами и принесенными для края и эмиграціи пользами, которые знали о его цѣли и намѣреніяхъ, и чрезъ Лондонъ, Брюссель, вмѣстѣ съ Адольфомъ Залѣскимъ, съ чужимъ паспортомъ прибылъ въ Краковъ³⁾, тамъ соединилъ между эмигрантами раздвоившееся было общество Карбонаровъ и образовалъ въ новое общество подъ названіемъ: Союзъ Польскаго народа. Обезпечившись на счетъ сношеній съ Галиціею и Краковымъ чрезъ Кульчицкаго⁴⁾, имѣвшаго пребываніе въ Злочевскомъ циркулѣ, перешелъ границу⁵⁾ и, какъ я сказалъ выше, обратился въ Литву. Много встрѣтилъ онъ трудностей, пока нашелъ тамъ хорошій пріемъ; ибо Литва была поражена недавними несчастіями послѣ Гверильясовъ. Но добрыя желанія Литовцевъ, но прелесть, какую каждый эмигрантъ имѣетъ для сердецъ нашихъ, но призывъ кого бы то ни было изъ Поляковъ во имя отчизны и свободы побѣдилъ боязнь, испугъ, опасенія и даже самую невозможность. — Основавъ въ Литвѣ общество, онъ весною 1836 г.⁶⁾ прибылъ къ одному Литовцу Родзевичу⁷⁾, недавно поселившемуся въ Волыни въ Луцкомъ уѣздѣ, въ с. Лисовѣ, на границѣ Пинскаго уѣзда, котораго былъ уроженцемъ. Пробывъ тамъ нѣсколько недѣль, онъ поѣхалъ въ Воютинъ къ Фелинской и Ржонжевскимъ⁸⁾, въ сихъ домахъ имѣлъ пріемъ и прежде, какъ только сюда прибылъ. Былъ во Владимирскомъ уѣздѣ и

¹⁾ Участвовалъ въ нападеніи на Савойю.

²⁾ Начальникъ шайки мятежниковъ, бывшей на Волынѣ, находится въ числѣ изгнанниковъ.

³⁾ Паспортъ Канарскій получилъ въ Парижѣ отъ ГанOVERскаго посланника на имя Букгорта Сивуса и съ онымъ прибылъ въ Краковъ.

⁴⁾ Кульчицкій находится въ числѣ изгнанниковъ, проживать въ Галиціи: объ отысканіи его сдѣланы съ Галиційскимъ президентомъ сношенія.

⁵⁾ Близъ Бродъ, съ помощію также изгнанника Наполеона Новицкаго, который жилъ въ Гродненской губерніи и задержанъ нынѣ въ Вильнѣ.

⁶⁾ Въ Маѣ мѣсяцѣ съ Юріемъ Бринкомъ, Литовскимъ дворяниномъ, который задержанъ и сознался.

⁷⁾ Тотъ самый, который пойманъ вмѣстѣ съ Канарскимъ.

⁸⁾ Фелинская Валеріана и Юзефа Ржонжевскія въ пріемѣ Канарскаго и участіи въ его замыслахъ сознались и находятся въ Кіево-Печерской цитадели.

въ этой сторонѣ нѣсколькихъ лицъ принялъ въ общество¹⁾ и случайно познакомился тогда съ однимъ Владимирцемъ, принадлежащимъ къ обществу, существовавшему въ краѣ²⁾, о которомъ я рассказывалъ выше. Тотъ извѣстилъ его объ ономъ, и Канарскій пожелалъ познакомиться съ прочими членами. Узнавъ же, что Мошковскій, на котораго получилъ указаніе въ Краковѣ³⁾, имѣетъ участіе въ этомъ обществѣ, желалъ сблизиться съ нимъ и съ иными; познакомился съ Уминскимъ, тотъ привезъ его къ Плоновскому, гдѣ собрались Лепковскій и Орачевскій, которые и сообщали ему Уставъ своего общества, а онъ имъ свой; послѣ нѣскольконедельныхъ преній жители сего края согласились принять уставъ Канарскаго съ нѣкоторыми малыми перемѣнами, которыя сами сдѣлали.

И такъ уставъ первоначальнаго общества⁴⁾ въ Вильнѣ былъ освященъ а принять уставъ Союза Польскаго народа⁵⁾. Это сдѣлано во-первыхъ для того, что, какъ сказывалъ Канарскій, Галиція, Литва и многіе въ Волынѣ приняли уже этотъ уставъ и надѣются, что вскорѣ всѣ провинціи оной примутъ, и потому недолжно было разниться и нарушать единства; дѣйствительно причина эта важна и справедлива, тѣмъ болѣе, что цѣлость и единство должны имѣть мѣсто не только въ основаніяхъ, но и въ формѣ и названіи, ибо въ Польшѣ единой долженъ быть одинъ духъ и одно тѣло, чтобы весь народъ, одного требующій, къ одному стремящійся, былъ соединенъ однимъ и тѣмъ же обществомъ; даже названіе Союза Польскаго народа, весьма соответственное цѣли, могло говорить въ пользу принятія правилъ этого общества. Во вторыхъ, трудно было не принять, чего Канарскій требовалъ и хотѣлъ. Канарскій призывалъ къ дѣйствию для прекращенія бѣдствій отчизны, говорилъ отъ имени братьевъ-скитальцевъ, разсѣянныхъ по всѣмъ землямъ, къ коимъ столько почитанія хранится въ сердцѣ истиннаго Поляка. Онъ былъ одинъ изъ этихъ скитальцевъ! Каждый кто его видѣлъ, отъ всей души заявлялъ уваженіе, желая тѣмъ почтить его и эмиграцію, желая показать тѣмъ, какъ велики для сердецъ народа святыя изгнанники. Каждый, видѣвши его, чувствовалъ, что кровь

¹⁾ Яржинъ двонхъ, Киселя, Чапскаго, Рудинскаго, Рошковскаго и Уминскаго.

²⁾ О томъ, кто таковъ сей злоумышленникъ, производятся допросы.

³⁾ Отъ злоумышленника Верцинскаго, родственника Мошковскаго, бывшаго вмѣстѣ съ нимъ въ мятежѣ и оставшагося за границей.

⁴⁾ Хотя Канарскій отрекся въ Вильнѣ въ томъ, что онъ никакого общества здѣсь не находилъ, но Кіевскою Коммисіею открыто положительно, что тайныя общества существовали какъ здѣсь, такъ и въ Вильнѣ съ 1833 г. Но всѣ они сдѣлись къ одно обществу Союза Польскаго народа, основанное Канарскимъ.

⁵⁾ Полный уставъ сей отысканъ по распоряженію Кіевской Секретной Коммисіи.

течетъ въ немъ быстрѣе, ощущалъ волненіе, котораго объяснить не возможно, другими совѣмъ взирали на него глазами, чѣмъ на своихъ; онъ приносилъ слова спасенія, онъ былъ апостоломъ, предвѣстникомъ несказаннаго счастья и возбуждалъ въ нѣкоторыхъ совершенно особенныя чувства. Все это есть доказательство доброты сердецъ, искренно любящихъ Польшу. Его самопожертвованіе придавало ему много прелести. Онъ пришелъ сюда, гдѣ на всякомъ шагу угрожали ему жестокость и мщеніе того, который изрекъ уже на подобныхъ ему губителей приговоръ, пришелъ ведомый чистою искренною любовію къ отчизнѣ, которую любилъ безъ границъ, для которой все готовъ былъ сдѣлать. Личныя достоинства этого человѣка были: огненная душа, независимый характеръ, великое безкорыстіе, совершенное забвеніе себя, обиліе внутренней жизни, проявлявшейся въ сильныхъ волканическихъ чувствахъ, которыми воспламенялъ все, что на пути ему встрѣчалось. Онъ имѣлъ много природныхъ способностей, но они не были образованы ученіемъ. Дѣянія революціи и эмиграціи зналъ хорошо, но исторію древней Польши, которую всякій, тѣмъ болѣе тотъ, который берется за такое дѣло, знать долженъ, зналъ, говоря искренно. очень мало и слѣдственно почти не зналъ. Демократическія правила исповѣдывалъ искренно и былъ ими проникнутъ глубоко. Но это болѣею частію были чуждыя теоріи, правда прекрасныя, которыя быть можетъ, когда нибудь воплотятся, но теперь еще не приходившіяся ни по способамъ, ни по нуждамъ нашимъ. Народный духъ древней Польши и эти драгоценныя, милые душѣ образы прошедшаго, даже въ ихъ незначительныхъ очеркахъ, изгладились въ немъ чтеніемъ чуждаго и разсужденіями о разныхъ системахъ, возобновленій и реформы цѣлаго міра: духъ партій владѣлъ имъ сильно; иногда Канарскій увлекался лицами, воспоминаніями не важныхъ несогласій, личностей эмиграціи и тѣмъ потемнялъ и ослаблялъ истину, которую проповѣдывалъ. Канарскій немного имѣлъ знанія людей, изъ сего проистекало много дурныхъ послѣдствій. Незнакомый съ краемъ, его природой, особенностями, мѣстностію, онъ не хотѣлъ познакомиться и не умѣлъ: отъ этого и не имѣлъ понятія, какъ согласить теорію съ практикой. Но за то даръ говорить имѣлъ рѣдкій, краснорѣчіе плавное, убѣдительное. Что говорилъ, было отъ сердца и шло къ сердцу, имѣлъ въ готовности все, что нужно ему было, для подкрѣпленія своихъ разсужденій, для опроверженія противурѣчій, потому, что сильно былъ проникнутъ своимъ дѣломъ. Умѣлъ приноравливаться къ лицамъ, съ которыми говорилъ, тихій, уступчивый, когда видѣлъ охотниковъ; но когда это было нужно, возставалъ всею душою своею, употреблялъ все, что въ немъ было для убѣжденія несогласныхъ. Тогда глаза его наполнялись слезами,

лице свѣтлѣло и потокъ словъ лился его устами прямо отъ сердца, отъ увѣренности въ себѣ, сильнаго убѣжденія въ справедливости того, что говорилъ и воспламенялъ слушателей. Голосъ имѣлъ пріятный, пріивлекательный, пѣлъ съ большимъ чувствомъ, грудь его издавала гармоническіе звуки, проникавшіе душу, пѣлъ изгнанническія пѣсни, въ которыхъ столько мелодій; пѣніемъ своимъ онъ плѣнялъ, приводилъ въ восторгъ чувствительныя сердца. Его обхожденіе, и манеры, хотя иногда слишкомъ лагерныя, были пріивлекательны непринужденностію и простотою, доброта сердца врожденная. Всякъ слушалъ его съ усиленнымъ вниманіемъ, слушалъ дѣянія и приключенія его и братьевъ, отъ которыхъ присланъ, и трепеталъ, ибо оттуда мила и увлекательна всякая мелочь. Несовершенство и недостатки, какіе въ немъ были, не обращали вниманія, терялись въ обворожительности его чувствъ, намѣреній и самопожертвованія. На многихъ онъ сдѣлалъ сильное впечатлѣніе, и надъ нѣкоторыми вскорѣ получилъ диктаторскую власть, которую хотѣлъ распространить надъ всѣми.—Изъ этого произошло много и весьма много зла. Не хотѣлъ слушаться добрыхъ, справедливыхъ совѣтовъ, проистекавшихъ отъ доброжелательства и тотчасъ обвинялъ въ нерасположеніи къ себѣ, или въ охлажденіи къ дѣлу. Въ многихъ мѣстахъ взглядомъ покорялъ себѣ; мнѣнія, слова его были оракуломъ. Приговоръ, имъ произнесенный (часто совершенно несправедливо, иногда за сопротивленіе его прихоти) содѣлывался не измѣненнымъ. Были въ послѣдствіи такіе люди, которые ему смѣло говорили правду, не обращая вниманія на его мнѣніе и неудовольствія, но были и такіе и гораздо болѣе, которые по убѣжденію, по привязанности къ нему, или ради успокоенія повиновались ему во всемъ; больше же всего помогало ему въ томъ то, что обожалъ Польшу, и дѣйствовалъ для Польши. Въ минуту, о которой пишу, стоялъ онъ еще въ самомъ выгодномъ положеніи, пріобрѣталъ послѣдователей, все къ нему склонялось. Прозванія въ различныхъ мѣстахъ и временахъ носилъ разныя, сообразно тому, на какое имя могъ имѣть паспорта, которые ему туземцы доставляли. Былъ Родзевичемъ, Лоевскимъ ¹⁾ Дунинымъ, потомъ г. Винцентіемъ, Игнатіемъ, но вообще между братьями звался Янушемъ, ибо прозваніе его по обществу въ семь краѣ было: Янушъ Немрава ²⁾, которымъ подписывался на организациіи и на исходившихъ

¹⁾ Паспортъ на имя Родзевича былъ выданъ самому Родзевичу, Минск. гражд. губернат. и переданъ Канарскому.—Паспортъ Лоевскаго, выданный эконому Вильгельма Михальскаго отъ Подольскаго граждан. губернатора, переданъ Канарскому Михальскимъ, съ симъ-то паспортomъ онъ былъ въ Подольской и Кіевской губерніяхъ и ѣздилъ въ Одессу.

²⁾ Такъ подписанъ и уставъ Союза Польскаго народа.

отъ него бумагахъ. Въ эмиграціи звался Рембекъ¹⁾. Миѣ извѣстны два его сочиненія: отзывъ къ женщинамъ. на нѣсколькихъ листахъ, въ которомъ живыми красками изобразилъ несчастіе скитальца, состояніе дѣлъ отчизны, заблужденія и ошибки туземцевъ, необходимость исправить ихъ и возбудить жизнь публичную; но въ которомъ рядомъ съ прекрасными, истинными образами, много было надутостей и несообразностей; за всѣмъ тѣмъ по достоинствамъ, какими отличался и по благорасположенности одноземцевъ, отзывъ его былъ принятъ и сдѣлался общимъ. Второй отзывъ былъ къ Шляхтѣ (Дворянству), великія въ немъ были истины, но источникомъ ихъ были угрозы и выраженія. доказывающія хотя знаніе тѣхъ, которымъ говорилъ, ихъ положенія и мѣстныхъ соотношеній; но угрозы эти сдѣлали то, что самое твореніе. не принесло никакой пользы, осталось безъ вниманія²⁾.

Изъ Староконстантиновскаго уѣзда, Канарскій переданъ былъ³⁾ одному Подолянину⁴⁾ и отвезенъ въ Вербку къ Фридриху Михальскому⁵⁾, и былъ принятъ какъ нельзя лучше. Михальскій послалъ за нѣсколькими сосѣдами: Морхоцкимъ, Голынскимъ, Лѣсневичемъ, Осипомъ Старорипинскимъ⁶⁾, коимъ Канарскій сообщилъ цѣль своего прибытія и уставъ общества. Туда прибыли: Мошковскій⁷⁾ и Лепковскій⁸⁾, чтобы познакомиться съ нимъ; ибо во время бытности Януша въ Староконстантиновскомъ уѣздѣ⁹⁾, перваго тамъ не было. Они тѣсно тамъ соединились и тамъ Мошковскій обѣщалъ ему облегчить путь въ Украину¹⁰⁾. Фридрихъ Михальскій принялъ обязанность и званіе Подольскаго секретаря. Канарскій ѣздивъ отъ него въ нѣсколько мѣстъ: всѣхъ его переѣздовъ упоминать не буду, затѣмъ, что это къ дѣлу не принадлежитъ; упомяну только главнѣйшіе: изъ Верки взялъ его съ собою Вильгельмъ Михальскій въ Брацлавскій уѣздъ, тамъ пробылъ нѣсколько времени и облегченнымъ ему путемъ прибылъ въ Украину¹¹⁾

¹⁾ Какъ сказывалъ самъ Вильгельму Михальскому.

²⁾ Сочиненій сихъ не было найдено.

³⁾ Маріанъ Подгороденскій.

⁴⁾ Адаму Обнинскому.

⁵⁾ Секретарю и главному распорядителю Подольскаго общества.

⁶⁾ Всѣ лица сии въ Кіевской Коммисіи сознались въ принадлежности къ тайному обществу.

⁷⁾ Главный распорядитель въ Волынской губерніи и вообще самый дѣятельнѣйшій агентъ Канарскаго.

⁸⁾ Умеръ отъ горячки въ Кіевскомъ Госпиталѣ прежде допросовъ.

⁹⁾ У Маріана Подгороденскаго, сознававшегося въ Кіевской Коммисіи.

¹⁰⁾ Мошковскій познакомилъ Канарскаго съ Креховецкимъ и Сарнецкимъ, помѣщиками Кіевской губерніи.

¹¹⁾ Въ Украину привезъ Канарскаго Вильгельмъ Михальскій, къ дядѣ жены своей, Кончинскому, а потомъ къ Креховецкому.

въ Уманскій уѣздъ къ Креховецкому¹⁾), котораго отрекомендовалъ ему Вильгельмъ. Оттуда Мошковскій свезъ его къ Сарнецкому²⁾ въ Тарашанскій уѣздъ, куда прибылъ Креховецкій и украинцы³⁾), послѣ нѣкоторыхъ совѣщаній приняли то, что принесъ Канарскій⁴⁾); но съ ними ему было труднѣе всего. Однакоже счастливая звѣзда и тутъ ему сопутствовала; условились однако, что онъ не будетъ вмѣшиваться въ ихъ дѣйствія, что они не будутъ давать ему отчета, не знакомились съ членами, что они берутъ на себя дѣйствовать въ Украинѣ, принимаютъ его уставъ, присоединяются къ союзу Польскаго народа; но изъ эмигрантовъ только съ однимъ Гоцинскимъ⁵⁾ въ откровенныя вошли бы сношенія потому, что онъ извѣстенъ имъ хорошо, заслуживаетъ совершенное довѣріе, знаетъ состояніе, свойства сей провинціи, и слѣдственно средства къ дѣйствию, и о томъ написали ключемъ, даннымъ отъ Канарскаго, на что Канарскій обѣщалъ доставить украинцамъ отвѣты Гоцинскаго чрезъ нѣсколько недѣль. Креховецкій принялъ званіе секретаря Украины.

Такимъ образомъ отъ Вильны до Умани все сдѣлалось согласно желанію Канарскаго; чего хотѣлъ, что принесъ, было принято; чрезъ весь край открылъ себѣ дорогу; провинціи, присоединенныя къ Россіи, обнялъ и соединилъ однимъ союзомъ, въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Никому счастливѣе не могло удаться въ подобномъ случаѣ. Ни кѣмъ неузнанный, приходитъ къ тѣмъ, которымъ прибытіе его угрожаетъ Сибирью, но никто нигдѣ его не отринулъ. Повсюду ему сопутствовали чествованіе и исполненіе его желаній; незначительныя преграды, имъ встрѣченныя, ниспровергъ онъ легкимъ прикосновеніемъ. Все сдѣлалось по его волѣ. Надо было умѣть беречь это счастье; надо было видѣть, чего напоминать ему не забывали, что оно можетъ перемѣниться, что въ жизни человѣка есть предѣлы, далѣе которыхъ нельзя идти безнаказанно. Надо было имѣть болѣе вѣры въ чувствованія народа, въ любовь къ отечеству всѣхъ Поляковъ, надо было, наконецъ, послушаться совѣтовъ, неоднократно и прежде и послѣ ему дѣланныхъ, что спасеніе края можетъ развиваться только его собственными усиліями и дѣйствіями; что если въ народѣ нѣтъ желаній и способностей возстать, одинъ человѣкъ не дастъ ихъ, и если они есть, то опаснымъ пребываніемъ своимъ не должно было подвергать ихъ гибели. Надо

¹⁾ Сознался въ Кіевской комиссіи, что былъ секретаремъ тайнаго общества.

²⁾ Сознался въ Кіевской комиссіи.

³⁾ Кто именно, дѣлается розысканіе.

⁴⁾ Уставъ Союза Польскаго народа.

⁵⁾ Гоцинскій состоитъ въ числѣ изгнанниковъ.

было быть вѣрну правиламъ, которыя проповѣдывалъ, о чемъ ему столь часто дѣлали намеки. Не должно было облекать себя никакою властью, но помнить, что высочайшая власть народа есть въ немъ самомъ, и такъ должно было уважать его волю и быть ему послушнымъ. Не надо было имѣть столько дурнаго мнѣнія о единоземцахъ и столь высокаго о себѣ самомъ; надо было по исполненіи своей миссіи удалиться; этого желали тѣ, которые взяли на себя обязанность руководить дѣйствіями сообщниковъ, дѣломъ народа, которые были нѣкоторымъ образомъ настоящими представителями народа. Всѣ эти совѣты были напрасны. Довольно было намекнуть о томъ, чтобы заслужить имя дурнаго Поляка. Канарскій бывалъ въ разныхъ мѣстахъ, а въ Августѣ вернулся въ Староконстантиновскій уѣздъ къ Подгороденскому, гдѣ собрались Мошковскій, Лепковскій, и самъ Мошковскій на счетъ устава Канарскаго сдѣлалъ замѣчанія. Уставъ имѣлъ девизомъ: свобода, равенство, братство и чрезъ народъ къ народу¹⁾, состоялъ въ исповѣданіи вѣры, организаціи и присягѣ. Исповѣданіе вѣры заключалось въ 30-ти, кажется, пунктахъ, совершенно республиканскаго и демократическаго содержанія, въ которомъ было почти тоже, только сильнѣе изложено, что въ правѣ человѣка и гражданина, служившемъ основаніемъ конституціи Французской республики; изложеніе было порядочно, но организація была и сбивчива, и несоотвѣтственна мѣстности, и безъ толку, на примѣръ пятеро урядниковъ съ званіями: внутренній, внѣшній, просвѣщенія, военный, финансовъ. Можетъ ли быть что безтолковѣе? Эти титулованные сановники должныствовали составлять власть, какъ въ округахъ или въ уѣздахъ, такъ и въ провинціяхъ или губерніяхъ. Далѣе солтысы, отъ нихъ опять низшіе простые члены, а надъ всѣми старшій секретарь, какъ въ округѣ, такъ и въ провинціи. Забавная іерархія! Можно ли было все это принаровить? Въ каждомъ уѣздѣ нужно было шестерыхъ для управленія. Гдѣ ихъ взять, когда столько старѣйшихъ, сколько должно быть младшихъ, а какъ создать ихъ? По сему Мошковскій отвергъ это и установилъ, что довольно одного секретаря въ уѣздѣ и одного въ провинціи. Онъ взялъ на себя въ Волинѣ распространеніе общества, образованіе онаго, устройство сообщеній и назначеніе окружныхъ секретарей²⁾ и когда, при умножившемся числѣ членовъ, найдется между ними человѣкъ способный, то возвыситъ его въ секретари земскіе. Въ это

¹⁾ Прежній уставъ имѣлъ девизомъ: вѣра, надежда и любовь, по чему и назывался нѣкоторыми студентами Обществомъ вѣры, надежды и любви.

²⁾ Въ слѣдствіе сей обязанности Мошковскій назначилъ секретарей въ разныхъ уѣздахъ Волинской губерніи: Олизара, Булевскаго, Орду, Яржину, Залѣнскаго, Щепковского, Рошковскаго, кои всѣ были арестованы и сознались.

время Лепковскій принялъ Бопрé¹⁾, человѣка рѣдкихъ способностей, много ученаго, твердаго характеромъ, съ сердцемъ, готовымъ на помощь ближнему, истиннаго демократа, но не по теоріи, а по дѣйствіямъ; эта демократія соединилась въ немъ съ духомъ древней Польши, которой исторію онъ изучилъ не только критически, но со всею поэзіею минувшей жизни этого народа, которою былъ налитанъ и, можно сказать, дышалъ; его-то Мошковскій упросилъ въ послѣдствіи принять секретарство Волинское. При томъ положеніе Кременца, гдѣ онъ жилъ, весьма тому способствовало.

Упомяну здѣсь, что слово демократія употребляю потому, что оно сдѣлалось народнымъ, хотя безъ всякой нужды; слово это, прежде народу неизвѣстное и безъ котораго вѣчно могъ бы онъ обходиться, которыми въ послѣдствіи такъ часто стали у насъ расходовать въ разныхъ случаяхъ, появилось только съ прибытіемъ Канарскаго и послѣ чтенія эмиграціонныхъ сочиненій. Впрочемъ кажется мнѣ, что настоящими событіями владычество этого выраженія, которое столько уже очернено, оканчивается; но за то наши давнія: отчизна, свобода, человѣчество, общее благо, займутъ его мѣсто.

Канарскій въ каждой провинціи рассказывалъ, что въ Галиціи существуетъ сборъ главный, который составляетъ главнѣйшую власть Союза въ семь краѣ. Этотъ главный сборъ былъ намъ извѣстенъ только по названію и, кажется, существовалъ только въ воображеніи Канарскаго²⁾.

Канарскій не довольствовался основаніемъ общества мужчинъ, онъ написалъ уставъ и для женщинъ³⁾ и, разъѣзжая по домамъ, принималъ ихъ въ общество. Наши Польки всегда готовы на все, чѣмъ можно бы помочь дѣлу освобожденія отечества, проникнутыя любовію и чествованіемъ къ братьямъ-скитальцамъ, изъ коихъ одного видѣли среди себя и который представлялся имъ въ видѣ предшественника возвращенію мужей, отцовъ и братьевъ, слушали съ восхищеніемъ его рѣчи, его картинныя описанія скитальческой жизни, приключеній, обѣтованій,

¹⁾ Находится въ Кіевѣ, и по недавнемъ приреченіи изъ Вильны сдѣлалъ подробное сознаніе въ участіи своемъ въ дѣйствіяхъ Союза.

²⁾ Какъ показываетъ Бопрé, онъ въ здѣшнихъ губерніяхъ имѣлъ намѣреніе учредить главный сборъ, и для того были совѣщанія въ Кіевѣ, Житомирѣ и м. Фильшинѣ (Подольской губерніи); въ Бердичевѣ должны были происходить окончательныя совѣщанія, но по непробытію всѣхъ депутатовъ оныя не состоялись.

³⁾ Уставъ общества для женщинъ найденъ Кіевскою Секретною Коммисіею въ бумагахъ Фелинскои. Общество женщинъ предпологалось составить, для вліянія надъ мужчинами, въ духѣ Союза Польскаго народа, подъ видомъ благотворительности. Матка или начальница каждаго обвода должна была знать одного изъ членовъ общества мужчинъ.

надеждъ. Онъ и трогалъ ихъ и воспламенялъ желаніемъ участвовать въ дѣйствіяхъ. Да развѣ нашимъ Полькамъ много надо объ этомъ говорить!

Ни слова противъ того, что женщины способны много сдѣлать своимъ вліяніемъ, сильно могутъ способствовать домашней реформѣ, исправленію нравовъ, истребленію вкоренившихся въ народѣ пороковъ и предрасудковъ, утвержденію спасительныхъ мнѣній, направленію умовъ къ благимъ дѣламъ и воспламененію сердецъ къ благородному стремленію и поступкамъ, и наши Польки не забываютъ исполнять это ¹⁾; впрочемъ общество и безъ извѣщенія женщинъ о его существованіи и дѣйствіяхъ не только могло бы обойтись совершенно, но даже это послужило бы къ лучшему. Канарскій слишкомъ довѣрялъ женщинамъ ²⁾. Не говорю обо всѣхъ женщинахъ, знающихъ про общество, ибо нѣкоторыя изъ нихъ и дѣйствовали съ величайшимъ усердіемъ и свято сохраняли тайну, даже тогда, когда это было болѣе всего нужно; но нѣкоторыя изъ нихъ были причиной, что бытность Канарскаго въ краѣ стала извѣстіе, чѣмъ слѣдовало. Рамификаціи этого женскаго общества мнѣ неизвѣстны ³⁾. Знаю только, что Кіевская крѣпость вмѣщаетъ нывѣ много женщинъ, съ которыми обходятся почти съ одинаковою строгостію, какъ и съ ихъ мужьями, братьями, сыновьями. Знаю также, что многія, и безъ принадлежности къ обществу, способствовали распространенію полезныхъ сочиненій и введенію нужныхъ реформъ. Упомяну только о Фелинской, просвѣщенной и ревностной ученицѣ Канарскаго на Волини, которая по своему усердію и по тому, что Канарскій ввѣрялся ей во всемъ, имѣла дѣятельное участіе, иногда даже слишкомъ большое, хотя это не ея вина: но зло и тутъ было немалое ⁴⁾. Вообще о нашихъ женщинахъ можно бы сказать много хорошаго, есть даже много именъ достойныхъ воспоминанія. Скажу здѣсь нѣсколько словъ о дѣвицѣ Дорогѣ Ольжинской вотъ уже другой годъ мученицѣ ⁵⁾. По уничтоженіи возстанія 1831 года, когда всѣ тюрьмы наполнены были узниками, изъ коихъ почти всякій день часть высылалась въ Сибирь или на Кавказъ, Дорота Ольжинская предпри-

¹⁾ Нѣкоторыя изъ маленькихъ дѣтей повторяютъ слова ненависти и оскорбленія противу Русскихъ.

²⁾ Особенно Фелинской.

³⁾ Не имѣло никакого развитія, кромѣ нѣсколькихъ женщинъ, которыя лично были Канарскихъ приготовлены ко вступленію въ оное, если бы оно образовалось.

⁴⁾ Намекаетъ, кажется, на то, что Фелинская открыла многихъ сообщниковъ, въ томъ числѣ и сагого Молковскаго.

⁵⁾ Намекаетъ на наказаніе содержаніемъ въ монастырѣ, которому подвержена Ольжинская за увезеніе арестанта Шишки, о которомъ онъ говоритъ впоследствии.

няла намѣреніе спасать изъ нихъ, кого представлялась возможность, хитростію вырывала ихъ изъ рукъ палачей и посвятила на это все свое достояніе. Я не буду описывать ея дѣйствія, время не позволяетъ; скажу только, что въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ неутомимо безбоязненно исполнила она свои замыслы и исторгла у Царя не одну жертву; не одинъ осужденный, на пути къ мукамъ, освободился ея предпримчивостію, и всякій случай исхитить кого изъ рукъ тираниіи былъ для нея истиннымъ удовольствіемъ. Въ Ноябрь мѣсяцѣ 1836 года освободила она изъ подъ сильнаго караула веденнаго въ оковахъ съ обритою головою Шишку, взятаго за переходъ изъ Россіи въ Галицію; его спасла, но сама пала жертвою, и новые мученики потеряли свою избавительницу.

Нельзя не признаться, что появленіе Канарскаго, оживившее общественный духъ, дало ходъ мыслямъ, посѣяло спасительныя правила, пробудило многихъ безчувственныхъ и обратило ихъ къ священнымъ цѣлямъ. Онъ своимъ лицомъ соединялъ нѣкоторымъ образомъ съ эмиграціею новымъ звѣномъ, былъ сильно проникнутъ своимъ положеніемъ, прямо и открыто шелъ къ цѣли. Но съ другой стороны, незнаніе людей, излишнее стараніе умножать число членовъ, къ чему много способствовало продолжительное пребываніе по домамъ; ибо иногда случай, неосторожность или, наконецъ, необходимость, заставляли его открывать себя и свою тайну предъ тѣми, которымъ знать о томъ было бы не должно; отъ того-то въ общество набралось множество сволочи, и происходило въ немъ не прогрессивное, но возвратное движеніе; это породило неисчислимыя бѣдствія, чего никогда бы не было, если бы мы предоставлены были самимъ себѣ.

Изъ Староконстантиновскаго уѣзда ¹⁾ ѣздилъ онъ въ Новоградволинскій ²⁾, оттуда чрезъ Кременецъ вернулся къ Фелинской и Родзевичу. Когда онъ оставлялъ мѣста, о коихъ мы говорили выше, то по его рѣчамъ казалось, что онъ болѣе уже не воротится.

Между тѣмъ всюду начали распространяться общества. Мошковскій на Волынѣ въ ту же осень въ уѣздахъ Староконстантиновскомъ, Кременецкомъ, Дубенскомъ, Владимирскомъ, Ковельскомъ, Луцкомъ, Ровенскомъ, Новоградволинскомъ и Житомирскомъ, принималъ членовъ, установилъ секретарей, далъ приказанія, учредилъ сообщенія, пріохочивалъ къ дѣйствию, давалъ наставленія ³⁾, ѣздилъ къ Родзевичу, ко-

¹⁾ Отъ Подгороденскаго и Лепковского.

²⁾ Къ Будзійской.

³⁾ Всѣ эти дѣйствія Мошковскаго, а равно участники и сообщники обнаружены въ Кіевской Комисіи.

торый былъ пунктомъ соединенія съ Литвой, у котораго до послѣдняго времени было главное мѣстопробываніе Канарскаго, который возилъ его по своей Литвѣ и который (увы! нельзя забыть того) всѣ услуги свои погубилъ и уничтожилъ во время своего заключенія¹⁾.

Родзевичъ былъ человѣкъ малыхъ способностей, но хорошо понимающій дѣло, искренній, совершенно преданный обществу и Канарскому, у котораго былъ въ полномъ повиновеніи, готовый на всякія жертвы и, какъ говорятъ, не жалѣлъ себя. Кромѣ того, что онъ служилъ Канарскому самъ и своимъ достояніемъ, онъ дѣлалъ еще иныя пожертвованія. Доказательствомъ забвенія себя и желанія его помочь несчастнымъ есть то, что онъ далъ пристанище двумъ скитальцамъ, которыхъ нѣсколько-лѣтнія приключенія, если бы были описаны со всѣми подробностями, можно бы счесть за вымыселъ. Намекну о томъ въ нѣсколькихъ словахъ. Послѣ упадка Литовскихъ возстаній, въ разныхъ мѣстахъ, по дебрямъ скрывались незначительные вооруженные отряды, которые не могли понять, какимъ образомъ война эта имѣла столь печальное окончаніе. Наступила зима 1831 года, все уже было кончено, и бѣлый орелъ нигдѣ въ родной землѣ не имѣлъ пристанища; но отряды, безпрестанно уменьшавшіеся, не теряли еще бодрости и надежды и хотя въ послѣдствіи увѣрились уже, что война кончилась, однакожъ страхъ наказанія и ожиданіе минуты возобновленія оной (и кто изъ нихъ въ то время не ожидалъ этого?) удерживали ихъ въ болотахъ и лѣсахъ даже и безъ оружія. Многихъ, пойманныхъ изъ нихъ, постигъ ужасный жребій; но положеніе тѣхъ, которые не попались еще въ руки врага, не было лучшее: изгнанные изъ родныхъ пепелищъ, даже отъ своихъ близкихъ, безъ крова, одежды, пищи подъ открытымъ небомъ, проводили они лѣто и зиму. Имѣя дебри и воды вмѣсто ограды, ямы вмѣсто жилищъ, корни и лѣсныя овощи вмѣсто пищи, средь дикихъ звѣрей дичали сами.

Наконецъ, ихъ осталось только трое. Послѣ двое: Янушкевичъ²⁾, а другой не знаю какъ прозывался³⁾, переходили съ мѣста на мѣсто,

¹⁾ Намекаетъ на открытія, сдѣланныя Родзевичемъ въ своихъ сознаніяхъ.

²⁾ По дѣлу видно Юшкевичъ.

³⁾ О сихъ двухъ злоумышленникахъ производится розысканіе. О Юшкевичѣ: Кіевская Комиссія открыла, что послѣ побѣга изъ Лисова, гдѣ дѣлалъ обыскъ чиновникъ Минскаго гражданскаго губернатора Богдановичъ съ Луцкимъ исправникомъ (отъ должности давно уже уволенный), Юшкевичъ жилъ подъ именемъ Лукаша Гуменнаго, по паспорту изъ Пинскаго казначейства, на имя одного изъ людей Родзевича. Сестрою сего послѣдняго. Терезою Родзевичъ, былъ тайно отвезенъ къ Былевскому въ с. Рафаловку, оттуда привезенъ Юлією (Соколовскою) къ брату ея Ивану въ Зеленицу,

изъ пустыни въ пустыню, держась уѣздовъ Кобринскаго и Пинскаго. Весною перебирались они на острова, кормились рыбами, зимою возвращались въ лѣса. къ ямамъ, гдѣ въ величайшей нуждѣ проводили плачевные дни, прося у Бога смерти; иногда ночью выходили въ ближнія деревни, открывались крестьянамъ и получали отъ нихъ пищу: иногда заходили украдкой и въ дома давнихъ своихъ знакомыхъ, или къ тѣмъ, отъ коихъ надѣялись себѣ помощи, получали отъ нихъ провизію и деньги и въ деревняхъ, въ крестьянскомъ платьѣ, которое было обыкновенною ихъ одеждою, покупали хлѣбъ и другія необходимыя вещи. 1833 годъ сдѣлалъ судьбу ихъ еще тягостнѣе. Частыя облавы Гверильясовъ угрожали имъ опасностію. Такъ прожили они и протрадали до 1835 года, въ которомъ Родзевичъ принялъ ихъ къ себѣ. Янушкевичъ въ Лисовѣ исполнялъ должность гуменнаго, другой батрака, тогда какъ полиція усиленно ихъ отыскивала и облавы дѣлать не переставала. Укрывательство такихъ людей, которые извѣстны и легко могли быть обнаружены, доказываетъ великое самоотверженіе для пособія ближнимъ.

Возвращаясь къ обществу и Канарскому. Изъ Лисова Канарскій съ Родзевичемъ въ Сентябрѣ поѣхали въ Литву и Вильну¹⁾; въ нашихъ же провинціяхъ общество болѣе и болѣе пріобрѣтало соотрудниковъ, и прилагаемо было стараніе сдѣлать изъ ксендзовъ поборниковъ нашихъ правилъ и помощниковъ въ нашихъ предпріятіяхъ. Должно признаться, они намъ сильно помогали. Уже показывались и плоды этого, особенно въ тѣхъ окрестностяхъ, гдѣ поселяне католическаго или уническаго исповѣданія. Мошковскій, по представленію ксендза Нарцижи Яржины²⁾, пробоща въ Локагахъ, принялъ въ Луцкѣ ксендза Карла Гаасса³⁾. вице-регента Луцкой семинаріи и бывшихъ въ распоряженіи его молодыхъ людей поручилъ его попеченіямъ, что онъ исполнялъ исправно и распространилъ общество въ семинаріи⁴⁾, на

потомъ въ с. Казимировку къ ксендзу Яржинѣ, отсюда перевезенъ къ Леопольду Яржинѣ въ Владимирскій уѣздъ, и наконецъ сей послѣдній отвезъ его до Кременца; тамъ переданъ былъ дворянину Ильницкому, который перевезъ его Подольской губерніи въ имѣніе Старорипинскаго. О дальнѣйшемъ преслѣдованіи Юшкевича сдѣланы строжайшія распоряженія.

¹⁾ Все перѣзды эmissара показаны здѣсь совершенно согласно съ открытіями, сдѣланными въ Кіевской Коммисіи, кромѣ многихъ еще подробностей, о коихъ здѣсь еще не упоминается.

²⁾ Яржина приیاتъ былъ самимъ Канарскимъ; сознался въ Кіевской Коммисіи.

³⁾ Карлъ Гаассъ давно арестованъ въ Кіевѣ, но, не смотря на убѣжденія Коммисіи и улики, упорствуетъ въ сознаніи съ необычайнымъ ожесточеніемъ.

⁴⁾ Приняты въ общество изъ семинаріи Соковичъ и Мрозовскій, сознавшіеся въ Кіевской Коммисіи.

глазахъ раболѣпнаго служителя престола, епископа Пивницкаго. За то духовенство наше приноситъ теперь много жертвъ. Мошковскій принялъ Сигизмунда Прушинскаго, Діонисія Огородзинскаго, Яна Залѣнскаго; Лепковскій Александра Опольскаго¹⁾. Въ Подолію прибылъ Андріянъ Бинкевичъ и Адамъ Держежъ²⁾, на Украинѣ число членовъ также умножилось. Нѣтъ надобности называть лицъ въ разныхъ мѣстахъ, въ разное время вступившихъ въ общество. Истина требуетъ только сказать, что, не говоря вообще, но большею частью, тѣ, которыхъ принималъ Канарскій по собственному произволу, принадлежали къ числу хорошихъ; а межъ тѣми, коихъ сами туземцы принимали или представляли, большею частью была разборчивость. Но это весьма натурально, потому что мы сами себя лучше знали. Впрочемъ надо терпѣть и прочихъ. Сами мы виноваты, не должно было позволять гостю такъ хозяйничать; но очарованіе, какимъ увлекалъ эмигрантъ, этотъ представитель драгоцѣннѣйшей части народа, такъ сказать, оглушило многихъ, держало ихъ въ какомъ-то очарованіи и совершенно отняло у нихъ волю.

Зимою Канарскій снова вернулся на Волынь и путемъ, который былъ уже для него открытъ, пробрался въ Подолію³⁾, а оттуда въ Украину, въ Генварѣ 1837 года къ Игнатію Копчинскому⁴⁾, но не показывался Креховецкому и Сарнецкому; во первыхъ потому, что не позволяло условіе, во вторыхъ, что до сихъ поръ не имѣлъ отъ Гоцинскаго отвѣта, который обѣщался такъ скоро доставить Украинцамъ. Онъ пригласилъ къ себѣ бывшаго въ близи Мошковскаго⁵⁾ и чрезъ него обѣщалъ, что Гоцинскій самъ будетъ чрезъ шесть недѣль, и снова тѣмъ же путемъ возвратился въ Литву, а мѣсяца чрезъ два опять пріѣхалъ въ Подолію. Эти разъѣзды его не приносили никакой пользы, а дѣлали только пребываніе его въ краѣ болѣе гласнымъ. Сверхъ того Канарскій, пріѣхавъ напримѣръ изъ Литвы въ Волынь, имѣлъ привычку говорить: какъ тамъ хорошо идетъ! Тоже повторялъ, возвратившись изъ Подоліи въ Украину, думая, что этимъ ничтожнымъ способомъ можно болѣе пріохотить; имена лицъ и ихъ отношенія вѣрялъ всякому, потому-то одни о другихъ столько знали, изъ чего воз-

¹⁾ Кромѣ Опольскаго всѣ упомянутыя лица сознались въ Кіевской Коммисіи; Опольскій же, хотя арестованъ въ Декабрѣ, но въ признаніи еще упорствуетъ. Опольскій сознался, что былъ секретаремъ Новоградволынскаго уѣзда.

²⁾ Оба сознались въ Кіевской Коммисіи.

³⁾ Къ Михальскимъ.

⁴⁾ Арестованъ, но еще не сознался совершенно.

⁵⁾ Мошковскій жилъ въ Таращанскомъ уѣздѣ у Тарновецкаго, въ недалекомъ разстояніи отъ Копчинскаго. Тарновецкій также арестованъ.

никло много зла и прежде, и послѣ. Когда его не было въ какой сторонѣ, то навѣрное недѣли чрезъ двѣ, посредствомъ коммуникаціонной линіи, были въ пересылкѣ¹⁾ отъ него письма къ кому нибудь, большею частію пустыя. Все дѣлало только ненужное движеніе, и то, что долженствовало быть скрыто въ величайшей тайнѣ, почти дѣлалось явно. За подобными переѣздами Канарскаго и открытіемъ себя тамъ, гдѣ не было надобности, слѣдовали неосообразные поступки прочихъ членовъ. Далѣе Канарскій не забывалъ хвалить и порицать однихъ предъ другими, преувеличивая то и другое. Первое открывало дѣйствія однихъ предъ другими, послѣднее не исправляло, но поселяло отвращеніе и несогласіе. Желаніе его въ семъ случаѣ было владѣть мнѣніями, возвышая однихъ и унижая другихъ, какъ это дѣлается въ администраціи. И такимъ образомъ то, что родилось тамъ изъ неотвратимой необходимости, онъ вводилъ здѣсь по недостатку проницательности, незнанію людей и мѣстности. Между братьями рождались споры и несогласія, вмѣсто того, чтобы связывала ихъ братская любовь и чтобы они служили примѣромъ согласія и единства.

Канарскій, сначала не желавшій копѣйки, сталъ потомъ домогаться денегъ; но тотъ бы поступилъ несправедливо, кто сказалъ бы, что онъ желалъ имѣть ихъ для себя, а не для дѣла, какъ только средство для способствованія оному. Однакожъ трудно было требовать денегъ отъ насъ, когда мы ихъ не имѣли. Въ обществѣ находились люди бѣдные; дѣлали складчины²⁾, исполняли ими потребности по обществу, да и Канарскій никогда не оставался безъ денегъ: онъ всегда имѣлъ ихъ больше, нежели каждый изъ членовъ. Однакожъ мы не были въ состояніи собрать для него значительную сумму. Во время послѣдней бытности своей въ Подоліи³⁾, онъ ѣздилъ къ Сарницкому и Креховскому и вытребовалъ у нихъ 1000 червонцевъ⁴⁾. Они сказали, что не имѣютъ; онъ сталъ бранить ихъ за бездѣйствіе. Тѣ напомнили ему условіе, съ коимъ приняли его уставъ и сверхъ того то, что онъ не сдержалъ обѣщанія, прежде на счетъ письма, а потомъ на счетъ прибытія Гоцинскаго. Изъ сего возникли споры; онъ стращалъ ихъ Гонтою⁵⁾; онъ часто, въ особенности въ началѣ пугалъ этимъ губи-

¹⁾ Чрезъ Ржонжевскихъ, Уминскаго, Фелинскую, Бопрѣ, Пинскаго и Михальскихъ.

²⁾ Въ Волинѣ каждый членъ по 3 руб. сер., въ Подоліи по злоту съ души.

³⁾ Весною нынѣшняго года.

⁴⁾ Креховецкій сознался въ этомъ.

⁵⁾ Въ 1776 году, когда Умань, принадлежавшая старостѣ Феликсу Потоцкому, была осаждена Гайдамаками, остатками Запорожцевъ, то Потоцкій послалъ противу нихъ Говту на помощь осажденнымъ. Гонта, какъ козакъ и Греко-россійскаго исповѣ-

тельствомъ, желая понудить шляхту или дворянство къ дѣятельности. Сверхъ того была одна важная причина, по которой Креховецкій и Канарскій не могли сносить другъ друга, что имѣло сильное вліяніе на судьбу Украинскаго союза. Креховецкій ревностный католикъ, Канарскій былъ напитанъ началами атеизма; Креховецкій въ религію вѣрилъ, Канарскій умствовалъ, отъ чего между ними никогда не могло быть согласія. Слова Канарскаго были мертвы для Креховецкаго; отсюда произошло раздѣленіе съ Украинцами, и когда еще слышали отъ него, что онъ хладнокровно совершилъ бы убійство, если бы оно доставило ему большую сумму для братьевъ-скитальцевъ и для поддержанія дѣйствій общества, то эти безумныя слова, хотя проистекавшія отъ преданности своему дѣлу, лишили его совершенно всякаго уваженія у Креховецкаго и у многихъ. И въ самомъ дѣлѣ, какъ они обезчестили апостолическія уста, какое поношеніе наносили священному нашему дѣлу, какъ будто для него необходимы были средства недостойныя! Онъ и не думалъ, что и огромнѣйшія суммы не въ состояніи наградить вреда, причиненнаго дѣлу этимъ выраженіемъ, оскверненіемъ намѣренія. Даже ревностные его послѣдователи умолкли бы! Нашлись однакожъ иные сговорчивѣе къ прощенію, которые, видя всегда въ Канарскомъ искреннее желаніе служить краю, старались защищать его и снова водворить согласіе между враждовавшими; но это было уже невозможно; вышло только то, что тамъ, гдѣ прежде съ сердцемъ, проникнутымъ чистою любовью къ Польшѣ, совѣщались о способахъ къ ея спасенію, взаимно изливали сладостныя чувства, разбирали дѣянія временъ прошедшихъ и поучались ими, стали говорить о Канарскомъ, обвиняли и защищали его и наконецъ спрашивали: что съ нимъ дѣлать?

Но и Канарскій, дѣлая упреки Украинцамъ, имѣлъ ту справедливую причину, что главнѣйшіе дѣйствователи въ Украинѣ были люди вообще уважаемые, имѣли обширныя связи, могли имѣть вліяніе на людей сильныхъ и помогать нуждамъ общества, однакожъ сего не дѣлали собственно по равнодушію къ Канарскому.

За всѣмъ тѣмъ воспламенялся духъ, который будущимъ поколѣніямъ могъ обѣщать сильную жатву. Молодые люди усердствовали и

данія, вмѣсто помощи, соединился съ Гайдаками, взялъ Умань, вырѣзалъ всѣхъ католиковъ и Жидовъ, повѣсилъ между прочимъ на одной висѣльницѣ ксендза, Жиду и собаку, дѣтей побросалъ въ колодезь. Послѣ многихъ подобныхъ неистовствъ, продолжавшихся въ 1777 и 1778 годахъ, Гонта съ шайкою Гайдамаковъ былъ разбитъ, взятъ въ плѣнъ и казненъ Поляками. Гонта былъ начальникъ надворныхъ козаковъ Потоцкаго.

не на однихъ только словахъ во многихъ мѣстахъ перемѣнили образъ обращенія съ крестьянами, и ложныя мнѣнія уступали мѣсто здоровымъ, спасительнымъ началамъ.

Мошковскій весною 1837 г. совершилъ снова объѣздъ Волини, порученія земскаго секретаря передалъ секретарямъ обводовымъ, развозилъ сочиненія и книги, принималъ въ общество.

Въ началѣ этаго года Родзевичъ съ другимъ кѣмъ-то принялъ нѣкотораго Рапцевича¹⁾, жительствовавшаго въ Варшавѣ, который тамъ основалъ ли общество или соединился съ прежде существовавшимъ, не знаемъ; но, не смотря на то, что мы имѣли и посредствомъ другаго пункта соприкосновеніе съ обществомъ въ Царствѣ²⁾, ничего однакожь болѣе объ этой части Польши сказать не умѣю.

Со свойственною откровенностію, въ служеніи отечественному дѣлу, Литва распространяла Союзъ во всѣхъ своихъ губерніяхъ. Имена Ромеровъ, Курженецкаго, Ивана и Наполеона Еленскихъ, Оржешки, Булгака, двухъ Радзеевскихъ, Шумскаго, Казакевича и многихъ другихъ, сдѣлала мнѣ извѣстными теперь ужасная катастрофа³⁾; но эти имена очень и очень малая частица жертвъ, которыя нынѣ приносятъ Литва. Ничего не знаю изъ ея подробностей; но, кажется, Литва превзошла въ усердіи всѣ другія провинціи.

Въ Вильнѣ было общество тамошнихъ академиковъ подъ названіемъ Юной Польши. Основателемъ и секретаремъ его былъ Савичъ⁴⁾, юноша способный, усердный, совершенно преданный обществу, пользовавшійся въ обществѣ любовью и уваженіемъ товарищей. Общество это имѣло хорошую организацію, порядочно было устроено и стараніями Савича обширно распространено. Въ эту минуту, въ которую пишу, уже тридцать изъ этихъ превосходныхъ людей въ когтяхъ тирана. Очень много принадлежало казеннокоштныхъ медиковъ, которые, окончивъ курсъ ученія, разосланы были въ полки. Какія неизчислимая выгоды для дѣла Польши и человѣчества⁵⁾! Въ Кіевѣ также между студентами сообщество шло быстрыми шагами и также уже тридцать изъ нихъ стонетъ въ казематахъ. Юношество Польское, это неоцѣненное юношество, всегда самое пылкое въ служеніи отчизнѣ вѣрою и

¹⁾ Арестованъ и сознался въ Варшавѣ.

²⁾ Черезъ Коссаковскаго, сознавагоса въ Кіевской Коммисіи.

³⁾ Всѣ помянутыя лица арестованы въ Вильнѣ.

⁴⁾ Арестованъ въ Вильнѣ.

⁵⁾ Замѣчательно усиленіе числа медиковъ изъ Поляковъ въ полкахъ, особенно когда общество въ главномъ представителѣ своемъ Мошковскомъ считало на нихъ и когда Виленская Академія, откуда они выходятъ, имѣла такія начала.

правдою, предано было Союзу, какъ въ Вильнѣ, такъ и въ Кіевѣ, съ примѣрнымъ для старшихъ самоотверженіемъ. Ихъ-то стараніями изъ подъ стараго черепа возрождалась юная Польша. Въ Дерптѣ также существовало общество академиковъ. И одинаковая судьба всѣхъ постигла¹⁾. Нельзя вспомнить объ этихъ трехъ отдѣленіяхъ общества безъ величайшаго соболѣзнованія, когда разразился надъ ними громъ, исчезла прекраснѣйшая и вѣрнѣйшая надежда края. Въ 1837 году одинъ изъ принадлежавшихъ къ союзу Кіевскихъ студентовъ Буяльскій²⁾, юноша съ сильною душою, и съ немалыми дарованіями, за найденныя случайно у другаго товарища запрещенныя книги, отправился въ Кавказскія степи; а другой Гордонъ³⁾, спасся бѣгствомъ. Всѣ эти отдѣленія Союза соединялись между собою нравственно и матеріально; ибо они имѣли и одинаковыя основанія и соприкасались съ собой въ извѣстныхъ пунктахъ чрезъ лицъ⁴⁾. Дѣло росло быстро, и кто знаетъ, какой бы силы могло достигнуть! Недоброжелатели и глупцы будутъ судить насъ по своему сердцу и по своей головѣ. Пусть судятъ! Намъ все равно. Мы знаемъ что было и что еще могло быть; нынѣ мы, пища свирѣпости деспота, не надъ собой, но надъ прахомъ зданія. руками нашими воздвигнутаго, проливаемъ слезы. О, несчастная Польша!

Въ эту весну Мошковскій сблизился съ У.....⁵⁾ котораго любовь къ отечеству и благородные порывы сердца были ему хорошо извѣстны. Это бывшій адъютантъ Карла Ружицкаго⁶⁾, молодой человекъ съ пламенными чувствами и немалыми природными способностями. при томъ чрезвычайно общежительный и, какъ говорится, имѣлъ душу козацкую. Конь, бурна, степь, труды, невыгоды и наши народныя пѣсни—вотъ его стихія. Онъ отлично зналъ крестьянское нарѣчіе, ихъ

¹⁾ Изъ числа Дерптскихъ академиковъ извѣстно мнѣ одно только имя Болинскаго, который замученъ во время слѣдствія въ Вильнѣ, для открытія пункта соприкосновенія и сношеній Дерптскаго общества съ Виленскимъ.

²⁾ Вхѣстѣ съ Богдановичемъ въ Октябрѣ 1837 г. разжалованъ въ солдаты въ Оренбургскій корпусъ, за найденные у нихъ возмутительные стихи.

³⁾ Гордонъ бѣжалъ не потому, что нашли стихи, а изъ страха открытія существованія общества чрезъ записку, которую послалъ къ Буяльскому и Богдановичу. Гордонъ, по сдѣланнымъ въ Кіевской Коммисіи открытіямъ, скрывается въ Молдавію, и объ отысканіи его сдѣлано распоряженіе.

⁴⁾ Чрезъ студента Маціевскаго съ обществомъ въ Литовскихъ губерніяхъ, чрезъ Боровскаго съ обществомъ на Волынѣ.

⁵⁾ Шимкевичемъ.

⁶⁾ Начальникъ шайки Волынскихъ бунтовщиковъ, во время мятежа находится за границею.

пѣсни, ихъ присказки, ихъ образъ жизни, обычаи и любилъ эго. Въ его характерѣ много было самостоятельности. Сверхъ того доступный, дружественный, привлекалъ къ себѣ всѣхъ; въ особенности умѣлъ пріобрѣтать привязанность молодыхъ людей и между ними первенствовалъ. Онъ былъ вождемъ во всѣхъ собраніяхъ, на охотѣ, ярмаркахъ, конскихъ скачкахъ. Куда ни ступилъ онъ, толпа его окружала; что дѣлалъ—всѣ ему подражали; чего желалъ онъ—мигомъ исполнялось. Его манеры, нарядъ, образъ жизни, все перенимали молодые люди. Онъ-то частію создалъ эту молодежь, которая появилась въ послѣдніе годы, о которой столько ходило рассказовъ, столько сдѣлано сужденій, которая по временамъ буйная, шаловливая, но при взглядѣ на которую болѣе проницательнымъ глазомъ можно было высмотрѣть то, что, кажется, не было слѣдствіемъ мысли, но что предчувствовала, отгадала она юношескимъ, никогда не ошибающимся, инстинктомъ. Что было въ этомъ нарѣчій и пѣсняхъ Русскаго племени, столь къ нему близкаго, если не предчувствіе необходимости слиться нѣкогда съ народомъ въ одно тѣло и не признаніе того, что мы первые къ этому соединенію должны сдѣлать шагъ? Что выражала эта смѣлая, піитическая, рыцарская, свободная осанка, на которую изнѣженный молокососъ не могъ взглянуть не краснѣя, какъ не объявленіе войны всякимъ свѣтскимъ формамъ? Что было въ ихъ жизни, не въ подушкахъ, но на конѣ проводимой, какъ не предчувствіе, что наши домъ нужно обратить въ лагери? Соединеніемъ съ У. дѣло наше много бы выиграло, много симъ прибавлялось.

Столь долгое пребываніе Канарскаго въ краѣ и потому уже было невыгодно, что родило опасеніе, которое нѣкоторымъ образомъ связывало шаги туземцевъ, въ то время когда мы, бывъ одни, могли смѣло дѣйствовать, не боясь на себя обратить подозрѣніе правительства, могли бы соединяться, сообщаться, распространять общество и почти ни откуда не имѣть препятствій. Когда, напротивъ того, правительство со времени прибытія въ край Канарскаго, вѣдая о томъ*), бдительнѣе смотрѣло и едва могло истолковать себѣ неловкость полиціи, что при столь чинномъ и продолжительномъ его пребываніи, при такомъ, какъ было, движеніи, онъ могъ такъ долго оставаться дѣй-

*) О нахожденіи въ краѣ Канарскаго не было никакихъ свѣдѣній; равно не подозрѣвалось даже существованіе тайнаго общества, кромѣ того, что объ университетскомъ обществѣ въ недавнее время предъ помкомъ Канарскаго доходили неясныя свѣдѣнія и, на сборъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ помѣщиковъ, а равно на съѣзды по ярмаркамъ было обращено особенное вниманіе, вслѣдствіе подозрѣній, что между Поляками что-то скрывается.

ствовать. Нельзя однакожъ не сказать, что человекъ этотъ всею душою былъ преданъ дѣлу, дѣятеленъ, неутомимъ, ревностенъ; что если бы всѣ ему были въ этомъ подобны?

Въ Маѣ онъ ѣздилъ къ Мигурскимъ¹⁾ въ Одессу, видѣлся съ Леопольдомъ Немѣровскимъ,²⁾ не давно тамъ поселившимся, вошелъ въ знакомство съ книгопродавцемъ³⁾ купилъ книгъ на 100 чер., заказалъ болѣе, купленные привезъ. Одесса со временемъ могла бы сдѣлаться важнымъ для насъ пунктомъ. Лѣтомъ воротился въ Лисово, ѣздилъ оттуда въ Литву, а осенью въ Ноябрь прибылъ снова въ Подолію въ Брацлавскій уѣздъ, въ Вильгельму Михальскому въ Кордышевку, у котораго проживалъ часто и долго, ибо сердце его горѣло не одною любовью къ отечеству: любилъ Емилию Михальскую, молодую дѣвушку, сестру Вильгельма⁴⁾. Вильгельмъ Михальскій, сверхъ прочаго, тутъ для общества дѣлалъ услугу, что чрезъ посредство отца жены своей Петра Копчинскаго⁵⁾, находившагося въ Брюсселѣ, поддерживалъ сообщеніе съ эмиграціею. Можно тогда было имѣть вѣрное свѣдѣніе о томъ, что тамъ дѣлалось и что такъ сильно насъ интересовало. Равнымъ образомъ и эмиграція симъ способомъ была извѣщаема о существующемъ въ краѣ сообществѣ. Когда нѣкоторые, въ особенности изъ Украинцевъ, настаивали, чтобъ объяснить, кто такой былъ этотъ Янушъ, то Вильгельмъ Михальскій писалъ къ Лелевелю⁶⁾, извѣстному въ нашемъ Союзѣ подъ именемъ Лелека, отъ коего получали мы иногда письма, извѣщавшія насъ о движеніяхъ въ эмиграціи и перемѣнахъ, каковымъ въ разное время различныя подвергались партіи, и спрашивалъ о Канарскомъ. Лелевелъ отвѣчалъ ему похвалами, чѣмъ усилилъ къ нему довѣріе въ краѣ. Мы получали письма и Карла Гужицкаго. О какъ много цѣны и вѣсу имѣло для насъ всякое отсюда слово, особенно отъ такихъ людей! Этихъ-то двухъ человекъ союзъ нашъ, особенно въ провинціяхъ Русскихъ, почиталъ какъ-бы своими невидимыми начальниками; Лелевеля, какъ представителя нашихъ мнѣній, какъ того, съ кѣмъ согласовались мы въ выборѣ условій, на коихъ желаемъ утвердить существованіе нашего края, который представлялъ собою такой прекрасный примѣръ добродѣтельной домашней жизни,

¹⁾ Сознался въ Кіевской Секретной Коммисіи.

²⁾ Сознался въ принадлежаніи къ обществу въ той же коммисіи.

³⁾ Съ какимъ книгопродавцемъ входилъ въ сношеніе Канарскій, дѣлается мѣстное розысканіе.

⁴⁾ Емилиа Михальская арестована, созналась въ любви къ Канарскому.

⁵⁾ Участвовалъ въ мятежѣ и ушелъ за границу.

⁶⁾ Вильгельмъ Михальскій, хотя упоминается въ сношеніяхъ съ Лелевелемъ многими показаніями, но самъ еще не сознался.

въ бытность его у насъ и столько доблестей самоотреченія, добровольной нищеты въ изгнаніи; и Рожицкаго, какъ единственнаго человѣка, къ которому изъ числа всѣхъ, поколебавшихся въ краѣ и въ эмиграціи знаменитостей, общее уваженіе ни въ чемъ не было наруσιμο, къ которому всѣ питають любовь, уваженіе и неограниченную довѣренность, столько ему принадлежащія, на голосъ коего все, что живетъ въ этихъ провинціяхъ Польскаго, кинулось бы къ оружію¹⁾.

Въ краѣ получались чрезъ Одессу²⁾ и чрезъ Галицію³⁾ разныя книги и періодическія сочиненія, издаваемые въ эмиграціи. При всѣхъ достоинствахъ этихъ сочиненій, объяснявшихъ происшествія, случившіяся въ 1831 году, показывавшихъ причины безуспѣшности ихъ, указывавшихъ какого держаться способа, если бы снова возгорѣлась борьба, имѣли они тотъ важный недостатокъ, что, опираясь на Французскіе журналы и проникаясь духомъ, господствовавшимъ у народа, у котораго эмиграція нашла пристанище, позабыли то, что оставили въ своей землѣ, къ чему были приготовлены и способны жители, мысли свои сдѣлали чрезъ-чуръ идеальными и въ своей сторонѣ давали нѣкоторыя преобразованія, не обращая вниманія на то, что это не согласовалось еще ни съ нуждами, ни съ понятіями. Это-то заставило Бопрѣ, Волинскаго секретаря, человѣка, знакомаго и съ нашимъ прошедшимъ и съ свойствомъ и нуждами народа, приняться за изданіе повременнаго сочиненія подъ названіемъ: Другъ истины⁴⁾. Четыре довольно большіе номера вышли и пущены въ провинціи, первый объ аристократіи, 2-й о демократіи, 3 и 4-й шляхта и народъ. Сочиненіе это, стараясь выказать пустословіе названій двухъ противныхъ партій, стремилось къ цѣлостному сліянію народа и, устраняя космополитизмъ, проявляющійся нынѣ во многихъ сочиненіяхъ Западной Европы, какъ вредный для отдѣльныхъ народностей. въ особенности тѣхъ, которыя упали и желаютъ возстать, указывало на эту народность, какъ на главнѣйшую цѣль, которой достигать подлежало. Постигая, что столь великое предпріятіе свергнуть наше иго не можетъ обойтись безъ содѣй-

¹⁾ Рожицкій, какъ изъяснено выше, былъ начальникомъ шайки на Волыни: онъ долженъ былъ соединиться съ Дворницкимъ во время его отторженія на Волыни: но скорое бѣгство Дворницкаго въ томъ ему воспрепятствовало. Въ эмиграціи за это онъ поссорился съ Дворницкимъ и по послѣднимъ свѣдѣніямъ начальствуетъ во Франціи новымъ образовавшимся между эмигрантами обществомъ.

²⁾ Чрезъ кого, еще неизвѣстно; падаетъ подозрѣніе на Яловецкаго, находящагося подъ арестомъ въ Кіевѣ.

³⁾ Чрезъ Кульчицкаго и Лисецкаго.

⁴⁾ Бопрѣ сознался въ Кіевской Комисіи въ томъ, что дѣйствительно онъ писалъ эти сочиненія, которыя были розданы нѣкоторымъ членамъ Союза.

ствія народа, оно представляло въ трогательныхъ, убѣдительныхъ словахъ, что народъ этотъ въ самой большой части провинцій нашихъ отъ безпрерывнаго притѣсненія и невѣжества находящійся въ совершенномъ усыпленіи, заслуживаетъ лучшей участи, заслуживаетъ возстановленія его въ правахъ человѣка и довѣренности, которую легко пріобрѣсть другимъ и совершенно противоположнымъ съ настоящимъ обхожденіемъ. Для сего сочиненіе это сперва говорило о другихъ партіяхъ, а потомъ представляло общее состояніе народа, въ особенности поселянъ и вины противу нихъ владѣльцевъ; изображало все это не въ преувеличенныхъ, не въ натянутыхъ картинахъ, но истинными и живыми красками. Большая потеря для Польши, для человѣчества, что сочиненіе это, какъ списываемое, не легко расходилось въ краѣ. Еслибы не такой конецъ, сочиненіе это продолжало-бы быть поученіемъ. Кромѣ сего изъ подъ пера Бопре вышли брошюры о возможности и пользѣ веденія у насъ партизанской войны, и съ этой цѣлю усиленно требовалъ онъ отъ членовъ составленія статистическаго описанія мѣстностей, и разослалъ обводовымъ секретаремъ форму съ наименованіемъ, что и какъ описывать должно, переводилъ также изъ Шиллера Отпаданіе Нидермандовъ; равно отрывки изъ сочиненій о войнѣ Гверильясовъ въ Испаніи, о войнѣ Вандейцевъ для того, чтобы ознакомить народъ съ этимъ родомъ войны. Если бы осуществлялся проэктъ устройства въ краѣ типографіи, еслибы не этотъ страшный ударъ, мы бы наводнили страну и перепечатанными и полезными эмиграціонными сочиненіями и выходившими здѣсь; какія изъ сего были бы выгоды, говорить не нужно.

Препятствія, замедлившія распространеніе общества и усвоеніе оному нѣкоторой твердости и силы, были неисчислимы. Одни происходили изъ нашего прошедшаго, какъ то отъ несбывшейся столько разъ надежды и за тѣмъ отъ нѣ котораго упадка духа и родившагося убѣжденія въ невозможности дѣйствовать. отъ несчастнаго конца прежнихъ обществъ и всегдашняго опасенія входить въ новыя. Другія заключались въ правилахъ, чуждыхъ народу, проникнутому иными мнѣніями и въ невозможности, въ скоромъ времени, возбудить вѣрованіе, котораго Союзъ требовалъ; ибо не такъ-то легко одно уничтожить и замѣнить другимъ. Сверхъ сего, правила эти противны интересу многихъ, т. е. людей, владѣющихъ имѣніями, которые изъ сихъ послѣднихъ нескоро къ намъ приставали. отъ чего подвергались насмѣшкамъ, а затѣмъ явилась даже какая-то тѣнь раскола между членами. Но все это однакожъ вліяніемъ Союза мало по малу могло бы уничтожиться. Еще препятствія происходили частію изъ обстоятельствъ, коихъ Союзъ не былъ въ возможности уничтожить съ перваго раза, частію изъ са-

мага Союза, какъ то: недостатка матеріальныхъ средствъ, несовершенства организаціи и самаго Канарскаго, который, по вышеупомянутымъ причинамъ, возростилъ въ обществѣ вредныя начала, который своимъ пребываніемъ подвергалъ страну, въ особенности Союзъ, опасности и удару, наконецъ надъ нами разразившемуся. Именно по сему-то многіе чувствовали эту опасность пребыванія эмисара, нѣкоторые давали это сильно ему понять. Онъ общалъ нѣсколько разъ выѣхать, но медлилъ, находилъ извиненія и оставался.

Дабы отклонить эти препятствія, отъ коихъ избавиться или по крайней мѣрѣ умалить оныя зависѣло отъ насъ самихъ, одинъ изъ членовъ¹⁾ предложилъ мысль о сѣздѣ, мысль, которую раздѣлялъ каждый изъ участвовавшихъ ближе въ дѣлахъ Союза, дабы взаимно переговорить и посовѣтываться объ всемъ, что могло бы касаться и самаго Союза, и лица²⁾, бывшаго доселѣ главнѣйшимъ дѣятелемъ онаго. Въ слѣдствіе сего сошлись въ Кіевѣ во время контрактовъ 1838 г., въ квартирѣ Генриха Тауба³⁾: изъ Волыни Мошковскій и Сигизмундъ Прушинскій⁴⁾, изъ Украйны Креховецкій и Сарнецкій⁵⁾, изъ Подоліи Людвигъ Янушевскій⁶⁾. (Другой назначенный Яцковскій⁷⁾ не явился). Но прибывшіе къ этому совѣщанію не были, такъ сказать, приготовлены. Больше всего говорено было о томъ, какъ сбыть Канарскаго, потому что это болѣе всего тяготило, о вредѣ, проистекающемъ отъ его пребыванія и о томъ, нуженъ ли былъ онъ, если не онъ, то иной какой эмигрантъ, и сознались, что ни онъ, ни другой какой либо эмигрантъ, тѣмъ болѣе намъ неизвѣстный, не нуженъ. Ибо Канарскій, узнавъ о предположенномъ въ Кіевѣ совѣщаніи, предлагалъ, если не желаютъ его, то приняли бы другого, не упоминая кого. Трудно было согласиться съ тѣмъ, чтобы кто либо неизвѣстный прибылъ и, какъ желалъ Канарскій, былъ свидѣтелемъ и руководителемъ всѣхъ нашихъ дѣйствій. Предпочитали лучше самимъ нести всю тягость и, что всего лучше, назначить денежную складку на выѣздъ Канарскаго. Говорили о надобности замѣнить инымъ чѣмъ существовавшій только въ наименованіи главный сборъ; разсуждали о централизаціи или сосредоточеніи власти. Мнѣнія были различны; но привести это въ испол-

¹⁾ Кто таковъ этотъ былъ членъ, производится розысканіе.

²⁾ Канарскаго.

³⁾ Арестованъ, но обнаруживаетъ крайнее упорство въ сознаніи.

⁴⁾ Прушинскій сознался и первый открылъ Коммисіи о семъ сѣздѣ.

⁵⁾ Также сознались.

⁶⁾ Сознался и обнаружилъ другихъ депутатовъ, бывшихъ съ нимъ на сѣздѣ.

⁷⁾ Еще не сознался въ принадлежности къ Обществу.

неніе было невозможно, потому во первыхъ, что этого сосредоточенія не дозволяетъ мѣстность; во вторыхъ, власть не имѣетъ никакой силы въ Союзѣ чисто-моральномъ, гдѣ исполненіе требованій ея зависитъ только отъ доброй воли исполнителей: въ тѣлѣ, соединенномъ нравственно, власть ничтожна, потому что она требуетъ орудій и силы матеріальной къ своему поддержанію, употребленіе же ихъ могло бы тотчасъ разстроить слабыя связи, единственно на доброй волѣ основанныя. И такъ надобно было прежде всего укрѣпить узы, указать что надо было дѣлать, что есть, что быть должно. Надобно было изобразить картину того, что есть и что можетъ быть, если такія или другія предпримутся средства. Таковое соображеніе слѣдовало сообщить всѣмъ, потребовать отъ нихъ мнѣнія и согласія и по изъясненіи онаго аккуратно ихъ исполнять¹⁾.

Это собраніе въ Кіевѣ, потому что прибывшіе не были приготовлены и потому, что не чувствовало себя совершенно законнымъ, разошлось, съ условіемъ сѣхаться вновь въ Бердичевъ 3 Іюня, куда должно было прибыть по два изъ каждой губерніи съ уполномочіемъ отъ братій и съ выраженіемъ ихъ воли.

Вслѣдствіе сего, Подоляне сѣхались въ м. Фельштынъ на ярмарку въ Маѣ²⁾, въ квартирѣ Станислава Грабянки, уполномочили³⁾ Іоахима Лесневича и Людвигъ Янушевскаго. Волынцы, во время выборовъ въ Маѣ въ Житомирѣ, собравшись въ квартиру Мошковскаго, уполномочили Бопрѣ и Евстафія Ручинскаго⁴⁾, чему предшествовало основательное совѣщаніе, о чемъ должны разсуждать, какія включить измѣненія въ организацію, какія принять мѣры, представляя при томъ совершенную уполномоченнымъ свободу принять все, что признаютъ нужнымъ для блага Союза и дѣла, вмѣстѣ съ высланными изъ другихъ губерній⁵⁾. Изъ Украйны долженствовали прибыть: Креховец-

¹⁾ Бопрѣ и Янишевскій о Кіевскомъ сѣздѣ показали, что на ономъ кромѣ Мошковскаго и Прушинскаго, депутатовъ отъ Волынской губерніи, были отъ Кіевской Сарненскій и Краховецкій, а отъ Подольской онъ Янишевскій. Собраніе было въ квартирѣ Таубе; кромѣ опредѣленія объ изгнаніи эмиссара, положено было, чтобы сѣздамъ по обводамъ не быть, быть только секретарямъ, которымъ придать помощниковъ и наконецъ сѣхаться въ Бердичевъ для окончательнаго мѣроположенія.

²⁾ Въ Апрѣлѣ.

³⁾ На сѣздѣ въ Бердичевѣ.

⁴⁾ Всѣ лица участвовавшіе на совѣщаніяхъ въ Фельштынѣ и Житомирѣ Коммисією обнаружены и сознались, равно какъ и упоминаемые здѣсь депутаты.

⁵⁾ Бопрѣ о семъ сѣздѣ показалъ, что находили нужнымъ измѣнить уставъ; былъ вопросъ объ отмініи присяги, о томъ, что, какъ на Кіевскомъ сѣздѣ, много власти предоставлено секретарямъ, то чтобы не произошло самовластия, поставить въ обязанность секретарей, чтобы они давали отчеты собранію членовъ.

кій и Сарнецкій. Мошковскій поѣхалъ, дабы взаимно познакомить должествовавшихъ съѣхаться; но какъ срокъ 3-го Іюня, прежде назначенный, пришелся уже дней десять послѣ поимки Канарскаго и Родзевича, то Волынцы прибыли только, какъ будто возвращаясь съ выборовъ; прочіе же не успѣли, потому что правительство сильно начало присматривать и воспретило выѣзды, въ особенности возбранило особыми циркулярами прибытіе въ Бердичевъ¹⁾. Сарнецкій, возвращенный съ пути засѣдателемъ, выслалъ съ извѣщеніемъ о томъ Карла Таубе²⁾, которому отставка изъ Русскихъ войскъ³⁾ облегчила проѣздъ. Янишевскому удалось пріѣхать; Лѣсневичъ, задержанный исправникомъ въ Литинѣ, прибылъ едва 5 Іюня, когда оные уже разѣхались. Такимъ образомъ съѣздъ этотъ кончился ничѣмъ, и хотя не пригодился бы уже ни къ чему, я долженъ однакоже сказать, что обязавшіеся прибыть не должны были обращать вниманія ни на какія препятствія.

Канарскій выжидалъ въ Кордышевѣ⁴⁾ Кіевскаго совѣщанія, и когда объявили ему требованіе, чтобы онъ оставилъ край, и что на прибытіе другаго эмиссара согласія не изъявлено, тогда гдѣ былъ только, съ кѣмъ видѣлся и во весь переѣздъ свой чрезъ Волинь и Подолію, бросалъ громы на Кіевское совѣщаніе. Въ концѣ Февраля оставилъ онъ Подолію, въ началѣ Марта проѣзжалъ въ послѣдній разъ чрезъ Кременецъ, и какъ многорѣчивость была его порокомъ, къ тому же былъ еще раздраженъ, то и разсѣвалъ на пути до самой Литвы свои жалобы и кидалъ сѣмяна недовѣрчивости и несогласія между братьями, такъ что новымъ, послѣ него, переѣздомъ чрезъ эти мѣста, надобно было исправлять это обнаруженіемъ истины⁵⁾.

Ревность къ дѣлу (чего осправить у него нельзя) подала ему мысль служить оному инымъ образомъ и исполнять то, чтѣ онъ и двое туземцевъ прежде предлагали, т. е. основать въ краѣ типографію. Въ сей цѣли, подъ предлогомъ на выѣздъ свой во Францію и на привозъ книгъ, онъ собралъ отъ членовъ Союза значительную сумму, ибо въ проѣздѣ чрезъ Кременецъ вмѣстѣ съ полученными тамъ имѣлъ 700 черв., а

¹⁾ Такого распоряженія не было, кромѣ подтвержденія, чтобы смотрѣла полиція на счетъ безпаспортныхъ и бродягъ.

²⁾ О семъ показалъ Янишевскій, самъ же Таубе въ этомъ еще не сознался.

³⁾ Таубе, отставной поручикъ, служилъ въ конной артиллеріи, потерялъ ногу и находился въ отставкѣ.

⁴⁾ У Вильгельма Михальскаго.

⁵⁾ Подгороденскій въ письмѣ, писанномъ къ Мошковскому, которое найдено между бумагами Рошковскаго, изъяснилъ, что Янушъ не доволенъ Украинцами, а въ показаніи своемъ объявилъ, что Канарскій или Янушъ упоминалъ ему о Креховецкомъ и Сарнецкомъ.

послѣ Евстафій Ручинскій далъ ему еще 100 черв.¹⁾; въ это число не входятъ вспоможенія Литовскія, которыя въ прежнее время, сколько мнѣ извѣстно, нѣсколько разъ превышали это количество денегъ, да и теперь ожидалъ ихъ получить²⁾. Для исполненія этого намѣренія вмѣстѣ съ Родзевичемъ поѣхалъ онъ въ Пинскій уѣздъ, и тамъ изъ имѣнія Радзивиль взялъ въ посессію деревушку, окруженную водами и лѣсами, такъ что доступъ въ нее былъ только лодками, гдѣ никогда не бывало постоя, никогда земскіе суды не заглядывали, заплатилъ за нее въ годъ, кажется, слишкомъ 1000 руб. сер. Это должноствовало быть мѣстомъ для типографіи, въ которую не было труда достать молодыхъ людей въ наборщики; дѣло стало только за станкомъ и буквами. Онъ входилъ по этому предмету въ сношенія съ издателемъ Беруты Крхечковскимъ³⁾ и съ той же цѣлю поѣхалъ съ Родзевичемъ въ Вильну на ярмарку св. Георгія, не возмется ли кто изъ бывшихъ въ оной доставить станки и буквы.

Пока возвратимся еще къ Канарскому, оцѣнимъ со всѣмъ безпристрастіемъ нашъ Союзъ въ общихъ чертахъ, потому что частная его исторія кончилась. Выше мы упомянули уже, что при образованіи Канарскимъ сего общества попало въ оное много людей не только безплезныхъ, даже вредныхъ, потому что Союзъ, бывъ чисто-нравственнымъ, долженствовалъ имѣть, въ особенности въ самомъ началѣ, людей отличающихся нравственными качествами, т. е. съ прямымъ характеромъ, и если не съ высшими умственными способностями, то по крайней мѣрѣ такихъ, которые бы понимали, о чемъ идетъ дѣло, въ чемъ состоятъ ихъ призваніе и цѣль; между тѣмъ были такіе, которыхъ нравственность можно было упрекнуть во многомъ; умственные же способности нѣкоторыхъ столь были малы, что они не постигали и цѣли Союза и не могли опредѣлить своего собственнаго въ отношеніи его положенія. Сверхъ того порокъ Союза состоялъ еще и въ томъ, что не былъ хорошо сплавленъ, т. е. что раздѣлялся на провинціи, отчего между членами иногда оставалось много провинціальныхъ предразсудковъ, и Союзъ, такъ сказать, стѣснялъ себя, принаравливаясь къ каждой изъ провинцій, откуда происходило нѣкоторое несогласіе въ дѣйствіяхъ, нѣкоторая недовѣрчивость между членами разныхъ губерній и

¹⁾ Ручинскій далъ деньги эмиссару чрезъ Коссаковского, что Коммисією раскрыто.

²⁾ Во время изслѣдованія узналъ я, что онъ въ послѣднюю бытность въ Вильнѣ взялъ у Ромера 700 руб. ассигнац., отъ Шумскаго нѣсколько десятковъ червонцевъ, у иныхъ еще нѣсколько сотъ руб. серебр. Виленскіе академики дали каждый по 9 руб. сер., что немалую сумму составитъ: сверхъ обыкновенной подати Козакевичъ далъ 50 червонцевъ.

³⁾ Арестованъ въ Вильнѣ.

нѣкоторыя однихъ предъ другими превозношенія. Однакожь не было въ томъ ни чьей вины, потому что это происходило отъ мѣстности. отъ того, что хотя провинціи эти, всѣ вмѣстѣ, составляютъ одно въ отношеніи къ общей народности всего края, однако каждая изъ нихъ имѣетъ фizioномію и природу, а изъ сего и нѣкоторый родъ провинціализма. Но если бы со временемъ Общество распространилось болѣе и еслибы организація его, какъ было предположено въ общемъ трехъ провинцій совѣщаніи¹⁾, была измѣнена, то возникавшія изъ сего неудобства должны были исчезнуть. Губернія Волынская имѣла болѣе лицъ въ своемъ составѣ, болѣе порядка, болѣе единообразія, чѣмъ въ особенности обязана была одному изъ своихъ членовъ, преданному Союзу ревностно, секретно и съ самоотверженіемъ²⁾; но была бѣдна запасами матеріальными, не вмѣщая въ себѣ членовъ, имѣющихъ вѣсъ въ общественномъ мнѣніи губерніи. Трудно было ей идти собственными силами и смѣло разсѣвать свои правила, ибо не довольно прекрасно разсуждать, хорошо защищать сторону, когда дѣло идетъ о матеріальномъ пожертвованіи: надобно еще доказать примѣромъ, что владѣемая матеріальность приносится въ жертву, и что никакая личность, ни корысть, не побуждаютъ къ провозглашенію истинъ, основанныхъ на великомъ отреченіи отъ самаго себя: иначе мало пріобрѣтается довѣрія, и люди, столь склонные сомнѣваться въ добросовѣстности другихъ, пока не коснутся, такъ сказать, чувствами тому, что предлагали и не удостовѣряются, что слова подтверждаются дѣйствіями, не даютъ вѣры проповѣдывающимъ истины, но относятъ все къ личнымъ видамъ.

Лица, стоявшія во главѣ дѣйствія въ Украинѣ, могли избѣжать сего упрека, пользовались довѣріемъ и значительнымъ уваженіемъ, по ихъ головѣ и по сердцу, но были спутаны домашними обязанностями и не подвигали сильно дѣла Союза, къ чему также приложились несогласія съ Канарскимъ, упомянутыя выше. Въ минуту, когда забывали о Канарскомъ, помнили о Союзѣ, потому что они были и способные и добрые Поляки, и хотя на Украинѣ общество не слишкомъ было распространено, но принадлежавшіе къ оному тамъ были такіе, какихъ нужно, что и было слѣдствіемъ того, что Канарскій не слишкомъ тамъ увивался³⁾.

¹⁾ Въ Бердичевѣ 3 Іюня.

²⁾ Подразумѣваетъ самаго себя, какъ главнаго распорядителя по Обществу.

³⁾ Комисіею обнаружено, что къ обществу въ Украинѣ принадлежали, какъ главные дѣйствователи, помѣщики Креховецкій и Сарнецкій, которые хотя уже сознались, но еще таятъ своихъ сообщниковъ; ибо назвали только еще двухъ братьевъ Таубе, которые хотя арестованы, но еще не сознались.

Подолія была совершенно разрознена: одни изъ вошедшихъ въ составъ общества имѣли хорошее намѣреніе, но не отвѣчали имъ своими способностями; другимъ недоставало необходимаго усердія, а притомъ заняты были домашними дѣлами, иные же имѣли и способности, и ревность, и средства. Въ послѣдствіи присоединились лица¹⁾, которыя могли дать обществу быстрѣйшій ходъ и болѣшую обширность; но никто не принялся устроить дѣйствія, дабы изъ этихъ частей составить одно тѣло и дать ему жизнь.

Такія препятствія имѣлъ Союзъ, съ ними долженъ былъ не только подвизаться наружно, но и терпѣть посреди себя препятствія, избавиться отъ которыхъ въ началѣ существованія не было возможности. За всѣмъ тѣмъ Общество исподоволь выходило изъ своего тѣснаго круга, всякій день дѣлалось свободнѣе, и можно навѣрное сказать, что послѣ изаимнаго окончательнаго объясненія быстрѣе двигалось бы къ своей цѣли и даже, въ случаѣ удара, какой нынѣ грянулъ, могло бы устоять, потерявъ нѣсколько жертвъ.

Нынѣ какая горестная представляется картина, какой ужасающій видъ столькихъ несчастій! Есть что-то въ судьбѣ народовъ, обществъ, равно непостижимое, неистолкованное, какъ и въ составъ самой природы. Иногда неважныя причины имѣютъ вліяніе, хорошее или худое, на участь народовъ и государствъ, и вся человѣческая мудрость кажется ничтожною, болѣе вредною человѣку.

Общество, столь несчастнымъ образомъ стѣсненное, соединяя всѣхъ, кои еще не забыли своихъ обязанностей къ родной сторонѣ, соединяло тѣмъ самымъ усилія всѣхъ къ одной цѣли, какъ людей зрѣлыхъ, такъ и юношей, полагая, что для будущей судьбы края кладется основной камень, на коемъ созидается новое зданіе прочное и твердое, старалось заранѣе отклонить сильныя потрясенія, какія могли случиться въ будущемъ при домогательствѣ съ одной стороны²⁾ новыхъ правъ, съ другой³⁾ сохраненія прежняго быта; сверхъ того вселяло надежду и довѣріе, укрѣпляло ослабѣвшія сердца, утверждало колеблющіеся умы, одобряло благонамѣренныхъ. Оно не имѣло довольно времени для развитія своихъ дѣйствій. Начинаясь, образовываясь, расширяясь, оно должно было дѣйствовать тихо и почти за всякимъ шагомъ испытывать землю, на которую ступить хотѣло; однакожъ сдѣлало вліяніе и на

¹⁾ Полагательно, здѣсь разумѣется докторъ Орачевскій, одинъ изъ основателей съ Мошковскимъ первоначальнаго тайнаго общества; онъ арестованъ, но сознался еще не вполне.

²⁾ Крестьянъ.

³⁾ Дворянство.

такихъ, которые до того, уклоняясь отъ всякаго участія въ дѣлѣ народномъ, самыми лучшими намѣреніями и чувствами затворялись въ тѣсномъ кругу домашнихъ стѣнъ. Еслибы длилось долѣе (и даже если память его не истребится), то слѣдующее поколѣніе было бы уже такимъ, какое нужно, дабы принести плоды, обезпечивающіе желаніе всѣхъ добрыхъ и честныхъ жителей. Пусть никто не удивляется, что во всѣхъ дѣйствіяхъ Союза не видно ничего блестящаго, изумительнаго. Много и много обстоятельствъ останавливали его успѣхъ, уничтожали дѣйствія, пріостанавливали стремленіе. Средства Союза были небольшія, начало малое, притомъ же не доставало опытовъ въ прежнихъ примѣрахъ, и потому Общество долженствовало быть собственнымъ себѣ наставникомъ-руководителемъ, должно было само все угадывать, изслѣдовать, нѣкоторымъ образомъ предчувствовать, дабы сблизиться къ предположенной цѣли. Поэтому слѣдуетъ удивляться даже, что съ столь слабыми средствами, какими оно обладало, столько сдѣлало. Наконецъ, это была живая протестація, дѣйствительнѣе и сильнѣе самой эмиграціи, противу всего того, что устанавливало и вводило правительство; ибо видимо ощутительно являло истинный духъ жителей и истинныя чувства въ отношеніи къ краю и правительству, и тогда какъ вся Европа думала, что слѣпое повиновеніе власти подавляло даже моральныя силы, существовало дѣйствіе довольно уже сильное, противное могучей власти, а со временемъ грозившее ей гибелью.

Далеко однакожъ отъ того, чтобъ самое благо было слѣдствіемъ Союза. Всякое дѣйствіе имѣетъ въ мірѣ двѣ свои стороны; отсюда и въ Союзѣ было зло. Главнымъ зломъ была почти явность дѣйствій, столь несогласная съ нужною въ подобныхъ дѣлахъ таинственностію. Это, особенно съ начала, затрудняло наши предпріятія. Явность эта происходила, во первыхъ отъ пребыванія шлявшагося вездѣ и часто безъ нужды Канарскаго; онъ разъѣзжалъ, посылалъ гонцевъ, дожидался, разсылалъ письма, безъ чего можно было обойтись. Натурально, что мы скрывали его отъ взора полиціи и отъ людей, которыхъ не желали съ нимъ ознакомить, чего не всегда однакожъ избѣжать было можно, а ему казалось часто, что онъ находится въ странѣ, гдѣ все безъ исключенія можно дѣлать, и никто, особенно въ началѣ, не смѣлъ ему противиться. Во вторыхъ, къ явственности этихъ дѣйствій способствовали нѣкоторые изъ тѣхъ, коихъ познакомилъ съ нимъ случай на первыхъ порахъ его прибытія, случай не всегда счастливый. но онъ ему довѣрился*); въ третьихъ, посѣщенія Канарскаго знакомили его со всѣми:

*) Напоминаетъ на Родзевича и Фелинскую, открывшихъ многихъ злоумышленниковъ.

въ домахъ всѣ домашніе, всѣ слуги знали кто онъ, по крайней мѣрѣ вѣдали, что не здѣшній. И здѣсь надобно отдать должную похвалу нашимъ слугамъ, что ни одинъ изъ нихъ не измѣнилъ господину, а Канарскій бывалъ въ столькихъ домахъ, и физіономія его, отражавшая что-то иностранное, что-то Германское, удареніе рѣчи нездѣшнее, походка, движеніе, отличныя отъ нашихъ, измѣняли ему легко. Въ мѣстахъ, куда онъ не заглядывалъ или бывалъ рѣдко, и дѣйствія шли лучше, и тайна сохранялась. Въ четвертыхъ, явность дѣйствій происходила отъ дурнаго устройства Союза, и это было слѣдствіемъ организаціи, въ которой іерархическая постепенность вышепоказанная не соответствовала вовсе мѣстности и надобностямъ. Творецъ сей организаціи, Канарскій принесъ ее съ собой въ страну, которой былъ совершенно чуждъ. Одаренный энергіею, легкостію выраженій, когда оживлялся, дѣлался краснорѣчивымъ, чувствовалъ сильно, говорилъ пламенно, какъ представитель эмиграціи, которую всѣ считаютъ народнымъ представительствомъ. Онъ всюду получалъ легкій доступъ, рассказывалъ про страданіе и самоотверженіе эмиграціи, большой части коихъ былъ очевидцемъ и даже участникомъ; интересовалъ любопытство, пріобрѣталъ доброе мнѣніе и довѣренность, пробуждалъ духъ, пріохочивалъ къ исправленію, пробуждалъ притуплявшіяся чувства къ собратіямъ, сдѣлавшимся жертвою самоотверженія для края и образовавшихся въ нынѣшнемъ вѣкѣ идей. Такимъ образомъ человѣкъ этотъ родился на то, чтобы положить, такъ сказать, фундаментъ; но тутъ и окончивалась его роль; направлять, развивать, двигать онъ не былъ способенъ и совсѣмъ тѣмъ былъ главнымъ лицомъ въ Союзѣ.

Все это однакоже не извиняетъ туземцевъ въ упрекѣ, почему тотчасъ въ началѣ не подумали о перемѣнѣ организаціи. о составленіи ея сообразно съ мѣстностію и потребностію; много зла отвратили-бы! Въ минуты, когда собирались переформировать совершенно Общество, выкинуть изъ него все, что было вредно, составить организацію и употребить дѣятельныя средства: въ минуту, когда дѣти усерднѣе стали заботиться о помощи своей матери, поразилъ ударъ, который сдѣлалъ тщетными и всѣ ихъ прежнія старанія и затворилъ на много лѣтъ крышу гроба, изъ котораго мать-отчизна уже подымалась.

Около трехъ недѣль Канарскій жилъ въ Вильнѣ, выдавая себѣ то служителемъ Родзевича въ полубубкѣ, то проводилъ время въ сертукѣ среди братій-сообщиковъ и академическаго юношества. Полиція была дѣятельнѣе, чѣмъ когда либо. Правительство получало болѣе и болѣе доказательствъ о пребываніи въ краѣ Канарскаго и даже о сношеніяхъ его съ жителями. Миньятюру Канарскаго, очень удачно сдѣланную,

знать всякій полицейскій *), всякій шпіонъ и безъ труда могъ узнать его; дѣятельность чиновниковъ была очень усилена, и число ловкихъ шпіоновъ вездѣ умножилось, тѣмъ болѣе въ Вильнѣ; но совсѣмъ этимъ онъ избѣгалъ счастливо изъ взоровъ.

Есть въ Вильнѣ Жидъ Розенталь, богатый купецъ, почитаемый патріотомъ. Съ нимъ познакомился Канарскій и 24-го Мая, въ Пятницу, въ полдень, пошелъ къ нему вмѣстѣ съ часовымъ мастеромъ Духновскимъ, извѣстнымъ какъ хорошій Полякъ и пользовавшимся значеніемъ въ городѣ. Выйдя съ Розенталемъ на дворъ его дома, онъ говорилъ съ нимъ о томъ, не взялся ли бы тотъ доставить литеры и типографическіе приборы. Розенталь не отказывался и даже взялъ у Канарскаго въ задатокъ 50 червонцевъ Тутъ примѣтили, что полицейскій внимательно въ нихъ всматривался. Духновскій сталъ заговаривать знакомаго себѣ полицейскаго, Розенталь въ особой комнатѣ поставилъ бутылку вина Канарскому. Полицейскій тотъ часъ ушелъ. Канарскому тоже не за чѣмъ было оставаться, и онъ возвратился къ себѣ. Часа чрезъ два Духновскій арестованъ и отвезенъ къ г. военному губернатору Долгорукому. Розенталь успѣшилъ представить г. военному губернатору 50 черв. Канарскій и Родзевичъ, хотя располагались пробыть нѣсколько дней, стали собираться къ выѣзду, въ чемъ помогали имъ два академика, переодѣтые лакеями; ибо Канарскій сидѣлъ уже на квартирѣ и не показывался. Родзевичъ нанялъ лошадей, не желая съ подорожною показываться въ Вильнѣ на почтѣ до первой станціи по Минской дорогѣ, выѣхалъ самъ въ бричкѣ; Канарскаго же вывезъ на дрожкахъ за городъ Савичъ и отдалъ тамъ Родзевичу. Между тѣмъ Духновскій, битый и уличенный въ представленіи чрезъ Розентала денегъ, сказалъ, что Канарскій съ Родзевичемъ поѣхали къ Минску, куда тотъ-часъ же отправили исправника для ихъ арестованія. Между тѣмъ они пріѣхали на первую станцію. Родзевичъ пошелъ въ почтовую избу за лошадьми; Канарскій въ видѣ слуги остался у брички. Караулившій ихъ исправникъ, увидѣвъ его, велѣлъ ему ѣхать съ собой. Объясненія не подѣйствовали. Навѣрное, если бы только доѣхали до другой станціи, и даже хотя бы до первой корчмы избѣгли бы поимки. Къ Родзевичу приставили караулъ изъ крестьянъ и оставили на станціи. Въ восемь часовъ Канарскій былъ уже предъ Долгорукимъ и всѣмъ собраніемъ высшихъ чиновниковъ. Его узнали тотъ часъ и послали за Родзевичемъ, который, вмѣсто того чтобы сжечь бумаги, какія съ нимъ были и къ чему имѣлъ удобство, изорвалъ ихъ только. Его взяли съ тѣми кусками, которые послѣ подобрали и прочли.

*) Никогда не было нигдѣ его портретовъ.

Трехъ арестованныхъ стали допрашивать; съ ними обходились тирански. Духновскій заболѣлъ, ему дали въ товарищи одного изъ полицейскихъ, переодѣтаго, который выдавалъ себя арестованнымъ и тянулъ слова изъ честной души. Ночью, 29, арестованы четыре академика, съ которыми знакомъ былъ Духновскій, какъ сообщниковъ: Савича, Загорскаго, Ратынскаго, а четвертаго не помню. Князь Трубецкой¹⁾, недавно присланный вице-губернаторомъ въ Вильну, бѣшеный человекъ, извѣстный своими жестокостями въ Самогитіи, производилъ слѣдствіе. По повелѣнію Императора учреждена коммисія. Академики держались мужественно, не смотря на улики, какія говорилъ въ глаза Савичу секретарь академическаго общества, Родзевичъ, начавшій скоро и искренно сознаваться. По случаю открытія въ это же время Варшавскаго Общества арестованіемъ Данцевича, взятъ обвиненный по оному академикъ Валецкій и по отвезеніи въ Варшаву обвинилъ многихъ Виленскихъ товарищей, и такимъ образомъ пошло далѣе. Не могъ держаться и Савичъ, потому что Родзевичъ указывалъ ему въ глаза всѣ самые малѣйшіе случаи и по немногу высказалъ всю исторію пребыванія Канарскаго въ краѣ. Арестовали тотъ часъ Новицкаго, Оржешку изъ Пинскаго уѣзда, который зналъ многое, Бринка, ксендза каноника Зелинскаго, а потомъ всѣхъ Литовцевъ одного за другимъ, потому что Родзевичъ принесъ во всемъ исповѣдь.

Возвратимся къ нашимъ провинціямъ. 5 Іюня²⁾ въ Житомирѣ отъ тамошняго губернатора узнали мы о поимкѣ Канарскаго и Родзевича. Въ два часа послѣ полученнаго извѣщенія высланъ былъ изъ Житомира одинъ человекъ въ Кременецъ³⁾ съ увѣдомленіемъ къ Бопрѣ, а другой въ Украйну. Бопрѣ извѣстилъ Подолію, а присланному изъ Житомира, давъ 33 руб. сер. на дорогу, выслалъ въ Луцкій уѣздъ, гдѣ жилъ Родзевичъ, къ Былевскому, его сосѣду, дабы тотъ доставилъ оттуда вѣрное свѣдѣніе. Между тѣмъ въ Кременецѣ Фелинская получила письмо Былевскаго отъ 7 Іюня, что г. совѣтникъ Богдановичъ былъ въ Лисовѣ, что дѣлалъ изслѣдованіе, что нашелъ только сочиненіе Вротновскаго и уѣхалъ, что послана эстафета къ Канарскому и Родзевичу⁴⁾, съ тѣмъ, что если захватятъ ихъ въ Вильнѣ, то предупре-

¹⁾ Князь Алексѣй Ивановичъ, супругъ скончавшейся 23 Февраля сего года въ Москвѣ княгини Надежды Борисовны, рожд. княжны Четвертинской. П. Б.

²⁾ День полученія перваго свѣдѣнія объ арестованіи эмиссара.

³⁾ Генрихъ Кордашевскій былъ посланъ въ Луцкій уѣздъ, куда прибылъ чиновникъ отъ Виленскаго военнаго губернатора, и выслалъ къ Бопрѣ Вацлава Оржешку, ибо они сознались въ Кіевской Коммисіи.

⁴⁾ На имя графини Эмиліи Олизаръ, жены изгнанника Нарцыза Олизара.

дять ихъ арестованіе, какъ между тѣмъ они были взяты, и бытность Богдановича была слѣдствіемъ ихъ поимки. Извѣстіе же изъ Житомира было такое, будто арестованіе произошло на станціи предъ Минскомъ 12 Мая. Эти два извѣстія поставили въ сомнѣніе Волынскаго секретаря и тѣхъ, коимъ оныя были сообщены. Сверхъ того пронесли слухи, будто они пойманы на дорогѣ, вырвались и ушли. Высланный въ Луцкъ вернулся и, кромѣ свѣдѣнія о Богдановичѣ, сказалъ, что впрочемъ все тихо, а Старорыпинскій, пріѣхавъ въ Кременецъ, привезъ извѣстіе, что Михальскіе получили письмо Канарскаго отъ 17 Мая изъ Минска. Казалась не правдою вѣсть, кинутая правительствомъ о захваченіи Канарскаго; но въ концѣ Іюня Фелинская получила письмо отъ Бринка изъ Литвы отъ 17 Іюня, что они взяты въ Вильнѣ. Тутъ уже не было сомнѣнія; о семъ дали знать въ Подолію, въ уѣзды Староконстантиновскій и Волынскій Житомирскимъ членамъ. Бопрѣ послалъ 20 черв. въ послѣднихъ числахъ Іюня. Леопольдъ Ержина привезъ въ Кременчугъ Юшкевича¹⁾ которому удалось уйти изъ рукъ Богдановича, когда сей былъ въ Лисовѣ. Ержина сказывалъ, будто имѣеть свѣдѣніе, что все тихо, и не хотѣлъ вѣрить письму Бринка. Вдругъ начались аресты: Былевскій, Гутовскій, Чапскій задержаны въ Луцкѣ, а 3 Іюля арестована Фелинская. Перебрали ея бумаги и усади 13 числа въ Вильно. Волынскій секретарь, для отправки Юшкевича въ Подолію, далъ 22 руб. сер., въ Луцкѣ, гдѣ находились арестованные, далъ еще 1000 р. ассигнац. изъ своихъ собственныхъ, а Старорыпинскій 125 р., которые, какъ говорили, вручены женѣ Булевскаго, арестованной²⁾. Для Фелинской собрано 600 руб. асс. Упоминаю объ этихъ подробностяхъ, какъ о доказательствахъ усердія Волынскаго секретаря, который по незначительности суммъ общества, уже израсходованныхъ, потому что недавно все что было забралъ Канарскій, выдавалъ изъ своихъ собственныхъ сколько могъ, и что могъ дѣлалъ, тогда какъ секретари иныхъ провинцій богаче, и имѣли въ обществѣ своемъ лицъ зажиточнѣйшихъ, ничѣмъ не помогли если не для отвращенія, то по крайней мѣрѣ для уменьшенія несчастій, которыя висѣли уже надъ головами.

Слишкомъ сильное довѣріе въ характеры Канарскаго и Родзевича удерживало даже главнѣйшихъ лицъ здѣшнихъ провинцій отъ побѣга; да и опасались побѣгомъ компрометировать эти провинціи, потому что этимъ дали бы знать правительству, что чувствуютъ себя виновными, и слѣдственно о томъ, что Канарскій бывалъ въ здѣшнихъ

¹⁾ О томъ, какимъ образомъ онъ успѣлъ скрыться, изъяснено выше.

²⁾ Деньги привезъ Вацлавъ Оржешко, отдалъ Ржонжевской, которая отдала Карлу Олизару, а сей послѣдній Былевской.

провинціяхъ. Если иные и думали, что будутъ допрашиваны, то по показанію служителей Родзевича, а не по показанію ихъ господина, и потому надѣялись легко оправдаться. Сверхъ того, бѣгство въ Галицію немного обѣщало безопасности въ настоящее время. Далѣе, взятіе въ Подоліи двоихъ, ни о чемъ невѣдавшихъ, сбивало насъ еще съ толку; добыть яду, не смотря на старанія и искреннее желаніе тѣхъ, кои чувствовали себя болѣе виновными, было и трудно, и невозможно, хотя это и ни къ чему бы не послужило, потому что ключъ ко всему былъ уже въ рукахъ. Однакожъ не будемъ оправдываться и скажемъ, что хотя не было въ нашихъ силахъ отвратить эту гибельную катастрофу, но можетъ стать, мы могли бы уменьшить ея послѣдствія. Слѣдовало тотчасъ, по полученіи извѣстія о Канарскомъ и Родзевичѣ, сдѣлать большую складку, послать надежнаго человѣка въ Вильно, для узнанія обо всемъ. Тотъ, съ помощію денегъ, умѣлъ бы отравить обоихъ, а если нѣтъ, то по крайней мѣрѣ привезти намъ извѣстіе, что Союзъ открытъ, о чемъ въ Вильнѣ бы легко можно развѣдать. Здѣсь же намъ и въ мысли не приходило, чтобы кто либо могъ открыть Союзъ. Думали только, что пребываніе въ краѣ Канарскаго будетъ виною тѣхъ, которые держали его у себя или знали о немъ, въ чемъ всякій надѣялся легко оправдаться; ибо Канарскій бывалъ по паспорту, какъ между тѣмъ все теперь обнаружено.

Съ помощію денегъ можно было вездѣ купить тайны канцелярскія и узнать, что дѣйствительно дѣлается; потомъ, увѣрившись, что дѣло объявлено такъ безсострадательно, облегчить обвиненнымъ побѣгъ, дать имъ законное вспоможеніе. Но безъ денегъ нельзя было ничего предпринять; большею частію въ Союзѣ были люди бѣдные; богатымъ и говорить нельзя было, по этому ничего не сдѣлали. Наступило какое-то оцѣпненіе; всякій, надѣясь, что самъ избѣгнетъ, не заботился о томъ, что всѣхъ ожидаетъ, а между тѣмъ, одинъ за другимъ, всѣ попали въ одну западню. Мы виноваты!

Но какого осужденія заслуживаетъ Канарскій, что не лишилъ себя и Родзевича жизни! Онъ, которымъ сердца наша столько плѣнялись, не долженъ ли былъ помнить также и объ насъ? Онъ, коего приняли мы съ такими чувствами, слово коего было оракуломъ, коего взглядъ говорилъ намъ сильнѣе, дѣйствительнѣе, нежели самыя истинныя слова кого либо изъ туземцевъ, не былъ ли обязанъ съ заботливостію матери надъ дитятей, бывшемъ на ея лонѣ, беречься всякую минуту того, чтобы намъ не сдѣлать какого либо зла! Онъ, столько разъ и такъ торжественно обѣщавшій, что въ подобномъ случаѣ отниметъ жизнь у себя и Родзевича, очарованіе коего тѣмъ сильнѣе на насъ дѣйствовало, что

въ немъ видѣли мы человѣка, надъ коимъ, за самопожертвованіе для края, каждую минуту висѣла смерть, который носилъ ее въ своей рукѣ; онъ, громившій насъ, кидавшій въ насъ клятвы, едва не имевшій отечества, за то, что мы недовольно сильно его спасаемъ, а теперь погубившій его самъ, какого сужденія онъ не заслуживаетъ? Не могъ употребить кинжала—согласенъ; но онъ былъ еще три часа въ Вильнѣ послѣ арестованія Духновскаго и зналъ о томъ, потому что именно это ускорило его выѣздъ и эти три часа былъ среди врачей, братьевъ, союзниковъ, которые мигомъ могли бы снабдить его отравой, имѣя въ числѣ сообщниковъ троихъ фармацевтовъ, трудившихся въ аптекахъ. Мы здѣсь послѣ его поимки сочли бы величайшимъ благодѣтелемъ того, который подарилъ бы насъ ядомъ и, ища его, мы кидались въ разныя мѣста; онъ, которому стоило бы только сказать одно слово, по взятіи Духновскаго, не принялъ его и не далъ Родзевичу. Смерть этихъ двоихъ спасла бы все; наконецъ, слѣдовало ему сдѣлаться хотя нѣмымъ. Нѣкоторые категоріи не вылились бы въ показанія другихъ, и можно было бы скрыть многихъ лицъ. Совсѣмъ иное положеніе при слѣдствіи туземцевъ, всѣ шаги коихъ правительству хорошо извѣстны и изъ коихъ нѣкоторые именно для защищенія другихъ, для отклоненія подозрѣнія отъ невинныхъ, не могли не говорить. Но Канарскому ничто болѣе не приличествовало въ тюремѣ какъ совершенное молчаніе, Надо ему отдать должную похвалу. Канарскій въ тюремѣ явилъ много твердости, но принадлежитъ только къ числу тѣхъ, которые лучше держались, кои были непоколебимы въ признаніи. Впрочемъ сколько отъ него, столько и отъ другихъ требовались показанія. Для защиты выдумывалъ онъ сказки, о которыхъ не могли догадаться содержащіеся въ особыхъ каморкахъ, тѣмъ болѣе за 90 миль въ Кіевской крѣпости, и дѣло иногда болѣе запутывалось.

Въ Вильнѣ заняты были монастыри Базиліановъ, Миссіонаровъ и Францышкановъ; стѣснили ксендзовъ; всѣ келіи были наполнены, запирали арестованныхъ и въ другихъ мѣстахъ. Учредили комисіи, одну въ Вильнѣ, потомъ другую въ Кіевѣ и съ величайшею строгостію и тиранствомъ производили слѣдствіе. Тишину монастырей и пасмурность казематовъ прерывали бѣшенство палачей, звукъ цѣпей на рукахъ и на ногахъ и стоны голодавшихъ; тѣхъ же которые были въ погребахъ и ямахъ, голоса не были слышны. Монастырь Базиліановъ въ Вильнѣ былъ занятъ комисіею и важнѣйшими арестантами.

Въ самомъ верхнемъ этажѣ въ первомъ номерѣ Канарскій въ оковахъ имѣлъ у своихъ ногъ все болѣе и болѣе прибавлявшіяся жертвы своего безразсудства; страдалъ отъ этого, и это причиняло ему адскія мученія.

Каждый изъ прибывшихъ приводимъ былъ къ нему. Въ это время въ немъ было что-то торжественное, неземное, и если бы не слезы, не гробовая блѣдность лицъ, не отчаяніе, изображавшееся во всѣхъ чертахъ толпившихся къ дверямъ и окнамъ женъ, матерей, дѣтей, которымъ и доступъ воспрещали, если бы не мысль объ отчизнѣ, пораженной новою раною, онъ пріобрѣлъ бы прощеніе у товарищей своего заключенія. Сначала собирались толпы народа, наполняли улицы, облегали тюрьмы: на всѣхъ видѣнъ былъ ужасъ и чувство народнаго бѣдствія. Потомъ улицы сдѣлались пусты, настала тишина ночи: все укрылось плакать по домамъ, томленія сердца подавляли голосъ, печальный трауръ развернулся на всей Польшѣ.

Родзевичъ, погубивъ всю Литву, не забылъ и о нашихъ провинціяхъ. Взяли Михальскихъ, Генриха Таубе, Бопрѣ, Ругинскаго, Леопольда Яржину, ксендза-каноника Зелинскаго, Мошковскаго *), на котораго тотчасъ же на мѣстѣ надѣли цѣпи: потому что Родзевичъ такъ его описалъ, такъ обозначилъ его дѣйствія, что его сочли великимъ преступникомъ и затащили въ Вильну, иныхъ въ Кіевъ, везли и везли, истязывали; но не мученія, а доказательства вынуждали къ сознанию. Родзевичъ, коему Канарскій вѣрился во всемъ и всегда, открывалъ все, и людей, и ихъ дѣйствія, и тѣхъ, коихъ зналъ, и тѣхъ кого не зналъ, всякаго, какъ кто былъ, со всѣми весьма обличительными подробностями. Онъ описалъ все, о чемъ только когда говорилъ ему Канарскій, и доказывать въ глаза заправившимся. И Фелинская высказала все, что было у нее на сердцѣ; правда, положеніе Родзевича было затруднительно, не могъ скрыть онъ всего: но не годилось и выпѣвать все безъ милосердія, да и принуждаемо не былъ. Гораздо затруднительнѣе было положеніе обвиненныхъ Родзевичемъ, ибо они имѣли уже противу себя сильныя доказательства обвинителя, а этаго Родзевичъ въ началѣ противу себя не имѣлъ. Никто на него не доказывать, потому что знали только онъ да Канарскій. Много также способствовало къ раскрытію дѣла то, что изслѣдованіе Союза соединено было съ изслѣдованіемъ движеній Канарскаго. Двѣ вины были тѣсно съ собою связаны, обнаружить которыя правительство прилагало стараніе; главнѣйшіе пункты пребыванія его, и время, и число разовъ, были уже извѣстны коммисіямъ. Отъ Родзевича теперь легко могли добратъ до остальнаго. Каждый долженъ былъ сказать откуда взялся у него Канарскій, кто къ нему привезъ его, для какой надобности, откуда и куда слѣдовалъ, за чѣмъ тамъ бывалъ? Всѣ его проѣзды и дѣйствія

*) Всѣ лица сіи были отправлены по требованію генер. адъютанта князя Долгорукаго въ Вильну въ Іюлѣ и началѣ Августа.

въ теченіи двухъ лѣтъ должны были выдти наружу; сосѣдъ сосѣда, братъ брата, пріятель пріятеля долженъ былъ оговаривать непременно. И такъ пребываніе Канарскаго, довольно того что было виною открытія Союза, но облегчило разслѣдованіе и сверхъ того обливало адскими муками сердца добрыхъ туземцевъ, когда они видѣли себя въ необходимости называть одинъ другаго. Остальное открыло изслѣдованіе, производившееся ловкими инквизиторами надъ запертыми отдѣльно, самыми низкими происками и способами. Въ Кіевской комисіи предсѣдателемъ былъ Писаревъ очень способный человѣкъ. Шпіонъ Орловскій помогаль въ открытіи. Исторія этого человѣка такая. Житель м. Лабуна въ Волинѣ, гдѣ онъ имѣлъ свою собственность, больше года назадъ, въ Кіевѣ на контрактахъ, продалъ, кажется, 12,000 четверт. пшеницы и значительное количество водки Каменецкимъ и Барскимъ купцамъ, именуясь родственникомъ и повѣреннымъ (для чего имѣлъ подложную довѣренность) Орловскаго, богатаго помѣщика въ Подоліи, взялъ отъ Жидовъ деньги впередъ; но когда тѣ осмотрѣлись послѣ уже выѣзда его изъ Кіева и обратились къ правительству съ просьбою о помощи, онъ былъ схваченъ, заключенъ въ тюрьму, осужденъ и приговоренъ къ тяжкимъ работамъ (въ каторгу). Бездѣльникъ, чтобъ получить свободу, просился въ шпіоны¹⁾. Чудовище, злодѣй будетъ выпущенъ на волю, будетъ продолжать свое ремесло, получать большую награду и милость Царя за то, что доставилъ ему жертвъ. Обязанность свою исполнялъ онъ искусственнымъ образомъ. Безъ всякаго образованія, онъ умѣлъ ловить и выпытывать людей съ ученіемъ, съ умомъ, характеромъ и опытностію. Одаренный отъ природы способностями, употреблялъ ихъ самымъ чернымъ образомъ. Когда провель Жидовъ, старыхъ, опытныхъ, знающихъ купцовъ, которые, статья можетъ, въ жизнь свою не одного надули, чтожъ удивительнаго, что онъ, прикидываясь соучастникомъ вины, союзникомъ, обольщаль честныя, прямодушныя, искреннія сердца, пріобрѣталъ у нихъ довѣріе, вывѣдывалъ о ихъ поступкахъ и что узнавалъ, доносилъ?

Родзевичъ, давшій ключъ ко всему, переѣзды Канарскаго, недостойныя хитрости, коихъ не могли постигнуть сразу честныя души, обнаружили все дѣло. Не только мушны, всѣ принадлежащія по обществу или знавшіе Канарскаго женщины, цѣлыя семейства, родители съ дѣтьми, стонуть въ тюрьмахъ, разлученные съ равною почти жестокостію и строгостію²⁾.

¹⁾ Орловскій былъ употребленъ два раза.

²⁾ Многіе нашли смерть въ тюрьмахъ. Межъ ними Леонардъ Ленковскій, одинъ изъ основателей первоначальнаго общества, благородный душою и чистой нравственности. Когда погибшій на полѣ битвы достоинъ воспоминанія, тѣмъ болѣе умершій въ темницѣ, въ рукахъ палачей за святое дѣло. *Примѣчаніе сочинителя. Примѣчаніе Кіевской Комисіи.* Ленковскій умеръ въ госпиталѣ, прежде допроса, отъ горячки.

Таковъ конецъ почти трехлѣтней исторіи нашего Союза и того, что дѣлалось въ это время въ краѣ, имѣющемъ связь съ нашимъ дѣломъ. Конецъ самый печальный, какой бывалъ когда въ процессѣ Польши, носящій въ себѣ причину настоящихъ и зародышъ будущихъ бѣдствій страны, погрузившій въ слезы всю Польшу, которыя ужасно отзовутся и на будущемъ поколѣніи, конецъ, послѣ котораго не остается даже пріятнаго между соотечественниками воспоминанія, конецъ для участниковъ сего дѣла жесточайшій, потому что кромѣ сожалѣнія о несбывшихся ихъ искреннихъ желаніяхъ, кромѣ прискорбія, что содѣлались виновниками столькихъ несчастій, кромѣ мученій ихъ, статьи можетъ, будутъ преслѣдовать ихъ упреки тысячи семействъ. Сверхъ того, намъ извѣстно, какого должны мы ждать суда отъ нѣкоторыхъ. Людское мнѣніе обыкновенно прославляетъ успѣшныя дѣйствія, неудачныя же знаменуются пятномъ безславія. Конецъ для оставшихся въ домахъ плачевнѣйшій, потому что въ сердца ихъ влилъ столько яду, что вся сладость, какую знали когда либо сердца сіи, умерла въ нихъ отъ конвульсіоннаго потрясенія. Конецъ самый гибельный дѣлу возрожденія Польши; ибо пролилъ нравственное вліяніе на упадокъ духа добрыхъ, утвердилъ злыхъ въ ихъ ошибочныхъ и ложныхъ мнѣніяхъ; ибо народная апатія, привыкшая всего ожидать отъ случая и отъ другихъ, а самимъ ничего не дѣлать, усилится еще болѣе и даже можетъ измѣниться въ вѣрованіе восточнаго фанатизма: ибо средства, какія еще были въ нашихъ рукахъ, всѣ открыты правительству. Знаемъ, что теперь будетъ въ краѣ! Но юные сыны Польши растутъ. Можетъ быть, когда нибудь, если пойдетъ столь несчастно, что и нашихъ замысловъ память погибнетъ, будутъ по крайней мѣрѣ вспоминать о нашихъ мукахъ. Надежда на это въ такихъ случаяхъ есть единственная опора нашего дѣла.

Начертывая этотъ отчетъ нашихъ дѣяній, въ минуту когда мрачность настоящаго, полная терзаній, примѣшивала къ собственнымъ мученіямъ стенанія и вздохи собратій, тутъ же страдающихъ, когда уединеніе узника, запертаго въ темную, мрачную тюрьму, есть только приготовленіе въ сравненіи ужаснѣйшей будущности, долженствующей окончиться, если не смертію, то продолжительнымъ бorenіемъ съ нею: въ минуту столь торжественную ничего изъ устъ и изъ подъ пера не могло выдти, кромѣ самой истины, не помраченной никакими видами, никакимъ земнымъ расчетомъ, никакою личностію, истины равно священной, равно строгой. Я писалъ какъ христіанинъ, долженствующій предстать вскорѣ предъ Высочайшаго Судію, Который вѣдаетъ сокровѣннѣйшія тайны сердца человѣческаго; какъ человѣкъ, оживотворенный горячею, чистѣйшею любовію къ любезнѣйшему отечеству нашему.

Примите ее соотечественники, какъ послѣднія слова человѣка, уже не помышляющаго о мірскихъ дѣлахъ; ибо дѣло отчизны нашей, столь прекрасное, столь несчастное, покрытой гробовымъ трауромъ, всякій день истекающей кровью, всякій день испытываемой новыми язвами, новыми оскорбленіями, новою смертію, не окончившейся еще потому, что не можемъ умереть: ибо она безсмертна, подобна Тому, Который минутно скончался на крестѣ за всѣхъ насъ. Дѣло это не есть земное дѣло, но небесное, божеское, стоящее всѣхъ сихъ жертвъ, какихъ уже стояло и еще будетъ стоять. Вѣрьте, соотечественники, человѣку, который разорвалъ уже всѣ связи съ землею, что справедливость, добродѣтель и истинная свобода на этой испорченной, составившейся разслабленіемъ, развратомъ, неправдою, тщетою дышащей Европѣ, не прежде процвѣтетъ, пока не возсіяетъ отечество наше новымъ блестящимъ, непорочнымъ, подобно Новому Іерусалиму, свѣтомъ. Это не иначе настанетъ, какъ развѣ вы всѣ обратитесь на путь добродѣтели, истины, доброты и чистой, непорочной любви къ вашей матери-отчизнѣ. Все, что предпринято было доселѣ для воздвиженія этой любезнѣйшей намъ родительницы, большею частію было только своекорыстіе, не соотвѣтствовавшее ни дарованіямъ, ни трудамъ, ни подвѣтамъ стараніямъ. Многіе искали своихъ видовъ, или славы, значенія, или суетныхъ рукоплесканій невѣжественной толпы. Поэтому они не умѣли ни пользоваться счастливымъ нашимъ случаемъ, ни сохранить въ неудачахъ то постоянство и силу души, которая тотъ же переменчивый рокъ могъ преклонить на нашу сторону. Въ благополучіи засыпали и полагались на судьбу, въ неудачахъ отдѣляли собственное благо отъ общаго жребія края. Кто стремится къ великому дѣлу, кто предпринимаетъ отстроить зданіе не старостію и лѣтами растравленное, но разрушенное безпорядкомъ и небрежностію,—того никакія препятствія, никакое непостоянство случая, никакія драгоцѣннѣйшія жертвы не должны отрывать отъ высокой его цѣли. Народъ не гибнетъ, не умираетъ, пока сохраняетъ двѣ вещи, въ особенности: языкъ и обычаи *). Это два основные камня его долговѣчности, его будущей надежды. И такъ ваша обязанность, чтобы эти два драгоцѣннѣйшія наслѣдія вашихъ предковъ не были у васъ отняты. Время много вещей можетъ истребить въ краѣ, нанести много тяжелыхъ ударовъ, но этихъ двухъ ни одно, ни другое не коснется, коль скоро хранимы будутъ въ вашихъ душахъ и сердцахъ. Почитайте остатки воспоминаній предковъ вашихъ,

*) Хотя Польскій языкъ выведенъ изъ судопроизводства, но въ семъ краѣ онъ общій и занимаетъ первую степень, изучается тщательно въ школахъ, совершенствуется многими печатаемыми здѣсь и привозимыми изъ за границы книгами.

смотрите на нихъ не какъ на монументы, но какъ на достояніе дѣтей, вашихъ внуковъ и отдаленнѣйшихъ потомковъ, которымъ вы обязаны разсказать это наслѣдіе, вамъ доставшееся неизмѣннымъ, неиспорченнымъ, непорочнымъ. Перестаньте, какъ было доселѣ, вы, кои желаете первенствовать, вы, для коихъ отечество ваше было истинною матерью. которымъ благопріятствуютъ судьба и природа, перестаньте, говорю, вы поселять въ дѣтяхъ вашихъ чуждыя понятія, учить ихъ съ перваго младенства произносить иностранныя слова, не основывая своей суетности, своей гордости на томъ, что можете одинаково искусно владѣть чуждымъ языкомъ, какъ и тѣмъ, коимъ онъ свойственъ. Бѣдная эта слава, недостойна сердецъ благородныхъ и унижаетъ истинныхъ Поляковъ. Отцы ваши оставили вамъ прекрасный, богатый, величественный языкъ; вы ли станете безразсудно искажать его чужестранными оборотами, выраженіями, несоотвѣтствующими ни его плавности, ни устройству, ни благозвучію? Помните, что этимъ враги ваши всюду устрояюгъ ковы, желаютъ его всяческими способами уничтожить, закрыть, изгладить; и вы ли, ослѣпленные легкомысліемъ и малодушнымъ хвастовствомъ, захотите помогать имъ къ погубленію того, что единственно бережетъ будущія ваши надежды? Развѣ къ столькимъ упрекамъ, оттягчающимъ нашу голову, хотите еще прибавить и проклятiе современниковъ и потомства? Помните, что есть Богъ, есть будущность, страшный, неподкупный, строгій судья. Хотите первенствовать и забываете о томъ, что должно быть для васъ драгоцѣннѣйшимъ. Живите всѣ согласно, побратски, какъ прилично дѣтямъ одной несчастной матери, которая судьбу свою поручила единомушiю и согласію дѣтей своихъ. Не довольно того, что враги наши разъединили насъ и усиленно желаютъ превратить насъ въ презрѣнныхъ своихъ клеветовъ; надобно же еще, чтобы сами вы, водимые тщеславіемъ, слѣпотой, мелкими страстями себялюбiя, посѣвали и питали межъ собой раздоры, не доброжелательства, несогласiя. Чѣмъ выше стоитъ кто, тѣмъ охотнѣе должно представлять собою примѣръ другимъ тѣхъ добродѣтелей, которыми только народъ благородный и достойный нашей славы отличаться долженъ. Да будетъ вашимъ словомъ, вашимъ правиломъ это прекрасное ученіе Божественнаго Учителя, давашаго его Своимъ Апостоламъ: „кто хочетъ быть выше, да смирится предъ всѣмъ“; не смѣшно ли было бы, если бы этотъ ученикъ. при звукѣ цѣпей своихъ. облакался въ златыя одежды и пировалъ за столомъ уставленнымъ изысканными яствами? О, не даждь Господи, чтобы притча о Лазарѣ просящемъ крохъ и богачѣ-расточителѣ могла быть принаровлена къ вамъ. Сохраните со тщаніемъ все, что напоминаетъ вамъ наше прошедшее, нашихъ предковъ, славу отечества и могущество. Отвергнете то, что было погрѣшительно. что

довело край къ упадку и злополучію. Берегите какъ можно старательнѣе тѣ добродѣтели, коими отличались прадѣды ваши отъ иныхъ народовъ. Все это должно быть почитаемо, соблюдаемо какъ важная часть вашей народности. Должно ли мнѣ еще говорить къ сердцамъ, къ умамъ вашимъ, за вашихъ братій, находящихся въ униженіи, стѣсненіи, омраченіи и испорченности? Развѣ собственный интересъ вашъ, ваше убѣжденіе ничего еще предъ вами не открыли? Развѣ не понимаете еще, что судьбы ваши и края, надежды дѣтей вашихъ, вашей будущности зависятъ отъ вашего съ ними обхожденія? Развѣ ни Божеская вѣра, ни свѣтъ ума, ни требованія вѣка не открыли вамъ очей доселѣ, не показали вамъ вашихъ несправедливостей, нарушенныхъ вами Божескихъ и человѣческихъ правъ, поправленныхъ священнѣйшихъ чувствъ, всего человѣчества? Вѣрите, не только личное существованіе ваше, не только весь христіанскій міръ требуетъ у васъ этаго, но судьба вашихъ сыновей, внуковъ, правнуковъ отъ вашей нынѣ рѣшительности въ семъ отношеніи зависить. Не сомнѣвайтесь, что слезы этихъ несчастныхъ крестьянъ тяжко обвиняютъ насъ предъ престоломъ Всевышняго; и кто знаетъ, не есть ли эта непрощенная вина причиною, что толикократныя усилія кончились для насъ одними только несчастіями. Еще разъ говорю въ минуту, столь для меня торжественную, какъ настоящая, не пустая и суетная дипломатія подаетъ мнѣ слова сіи, не ложная, спекулятивная философія Запада руководить мною, но ваша и вашихъ дѣтей, о братья, общая польза и, что важнѣе, участь этой матери-отчизны, которой я бы посвятилъ сто жизней, если бы имѣлъ ихъ. Имя мое исчезнетъ въ будущемъ, мало его кто теперь знаетъ, а послѣ меня никто не останется пользоваться счастливѣйшею жизнію. И такъ здѣсь нѣтъ ничего самоличнаго; одно внутреннее чистосовѣстное убѣжденіе побуждаетъ меня обратиться къ вамъ съ сими нѣсколькими словами для блага общаго.

Примиритесь съ Богомъ, оправдайтесь предъ Христомъ, Котораго именуется послѣдователями, и тогда, съ обновленнымъ мужествомъ, съ новою храбростію, чистою совѣстію, съ сердечной правотою, съ душевнымъ самоотверженіемъ, будете всѣхъ насъ счастливѣе въ приведеніи въ дѣйство великаго творенія. Но горе вамъ, соотечественники, о горе, когда сердца ваши, приведенныя въ трепетъ толчками неудачами, охладѣютъ, если ваши души замрутъ и задремлютъ, обезсиленные мнимымъ спокойствіемъ и надѣяніемъ на будущія счастливѣйшія обстоятельства. Горе, повторяю вамъ, когда настанутъ минуты открытаго дѣйствованія и найдутъ васъ немощными, неприготовленными, ищущими только отдохновенія и удобствъ жизни, изнѣженной, мате-

ріальной, растлѣвающей тѣло, убивающей душу! Какъ оправдаетесь тогда предъ великими отцами вашими, предъ столькими, святыми мучениками, вашими братьями? Куда скроетесь, гдѣ найдете убѣжище предъ страшнымъ гнѣвомъ Бога, Который потребуеть отъ васъ отчета въ дняхъ испытанія, въ дняхъ покаянія и исправленія? Ибо вы не иначе должны считать теченіе пропедшихъ и настоящихъ дней, какъ только приготовленіями чрезъ посредство утѣшенія и печали надежды перемѣны на лучшее, къ лучшимъ блаженнѣйшимъ днямъ, кои уже недалеко. Вашимъ лозунгомъ должно быть: бдите, ибо не вѣдаете ни дня, ни часа. Не обижайте также памяти нашей, что будто намѣреніемъ нашимъ было отнимать чужую собственность, возобновлять кровавыя сцены, смертію и огнемъ новый возстановлять порядокъ,—нѣтъ: наши желанія, наши мысли, столько же были чисты, не своекорыстны, какъ священно и чисто дѣло нашей отчизны! Вы же юныя поколѣнія, надежда и подкрѣпленіе будущихъ судебъ края; вы, коимъ предстоитъ обширное поприще, протоптанное столькими пожертвованіями, вы, назначеніемъ коихъ есть вознесеніе не только славы вашего народа, но и возвращеніе ему самобытности, величія и возвращеніе въ лонѣ царства законной свободы и справедливости, знайте, что великое гигантское это дѣло, не можетъ быть исполнено легкими средствами; что для этого нужны великіе труды, продолжительныя жертвы, тяжкія усилія; и потому должно не только укрѣплять тѣло, закалять душу, умъ свой обогащать сокровищами полезныхъ знаній, но имѣть еще чистое сердце, непорочную совѣсть, и прямой никакимъ недостаткомъ не запятанный характеръ. Прочитывайте сочиненіе великаго нашего поэта *), пусть всякой изъ васъ наизусть знаетъ всю оду къ юности и стихи къ матери-Польшѣ: ибо въ нихъ найдете ваши обязанности и правила вашего поведенія, начертанныя пламенными и истинными, какъ Богъ, словамъ. Вамъ предлежитъ загладить вины отцовъ вашихъ, исправить ошибки старшихъ вашихъ братій и сдѣлаться примѣромъ вашимъ дѣтямъ. Прекрасно, безсмертно, хотя тернисто ваше поприще. Не жалуйтесь, но приносите благодареніе Господу, чтобы избрать васъ орудіями къ столь великому дѣлу. Ваши труды и усилія—вамъ будутъ честь и слава за нихъ, въ благодарность же отечества и міра, имена ваши поставятъ на ряду со знаменитѣйшими; но чтобы достигнуть столь высокаго предѣла, не сластолюбивыми, не женоподобными нравами, не пріобрѣтеніемъ пустыхъ блестящихъ знаній, не изысканностію наряда, не старательностію о красотѣ и привлекательности наружности, не подражаніемъ легкомысленности и чужимъ глупостямъ отли-

*) Мицкевича.

чатся должны вы. О нѣтъ! Такое поведеніе въ состояніи породить только немощность, безсиліе, низость и способность сносить ярмо неволи. Сколько высоко назначеніе, столько же должны быть тяжки, тернисты труды. Избирайте: славу и безсмертіе или проклятіе и вѣчное поношеніе.

II*).

Очеркъ духа Виленской Академіи отъ учрежденія оной до 1839 года.

Виленская Академія учреждена на мѣсто упраздненнаго въ 1831 году Университета. Основаніе ея показалось исполнинскимъ дѣломъ нѣкоторымъ льстецамъ, которые провозглашали публично и въ письмахъ: „Кто бы могъ надѣяться, чтобы на развалинахъ одного Университета воздвиглись двѣ Академіи?“ (Ксендзъ каноникъ Фіялковскій въ рѣчи о Церковной исторіи при открытіи Духовной Академіи въ Вильнѣ 1834). Обучающихся съ начала было очень много по причинѣ только что усмиреннаго мятежа. Вся молодежь, намѣревавшаяся до того поступить въ Университетъ, по краткости времени, не соображая о дальнѣйшемъ образованіи, принуждена была вступить въ Академію, не взирая на ненадежность будущности и лишенія, какія ея ожидали. Отъ этого стеклась молодежь изъ сосѣднихъ губерній Литвы, Волыни, Подоліи, Украйны, Курляндіи, Инфляндъ, Полѣсья и Царства Польскаго. Самое большее число студентовъ соотвѣтственно народонаселенію и пространству земли было съ начала изъ Бѣлостокской области, превышавшее 80 человѣкъ.

Въ семъ множествѣ или, такъ сказать, скопленіи нельзя было замѣтить, что это дѣти Польши, будущіе ея обыватели, ученики, только что усмирявавшіеся возмущенія. Прошедшее возмущеніе было еще памятнымъ, но слухъ объ немъ гремѣлъ въ устахъ только нѣкоторыхъ, на подобіе звону колокола къ вечерней молитвѣ, который хотя громокъ, но, разливаясь и теряясь въ волнахъ воздуха, не производитъ на слышащихъ никакого ощущенія, потому что, быть можетъ, и самъ пономарь не зналъ для чего звонилъ, считая свое занятіе обыкновеніемъ, или что такъ ему было приказано. Тоже самое происходило съ здѣшнею молодежью. Шли толки съ начала съ одушевленнымъ чувствомъ пламеннаго сердца, потомъ по немногу холодѣли, и исчезала вѣра въ возможность имѣть свое отечество. Можно сказать,

*) Такъ означено въ рукописи; но дальнѣйшія страницы относятся ко времени раньше того, что разсказано выше. П. Б.

что не знали и не постигали цѣли мятежа, а тѣмъ болѣе обстоятельствъ его движенія и скорого паденія.

Большая часть студентовъ бывшаго Университета оставалась въ домахъ. Они были остатками и возстановителями на будущее время дѣтскихъ лишь шалостей и баловства. Они остались въ домахъ, потому что холоднымъ или вѣрнѣе трусливымъ умомъ предусматривали здѣсь болѣе для себя выгоды; слѣдовательно это былъ отборъ худшей молодежи. Мятежъ и приближеніе Хлоповскаго увлекли лучшую молодежь. Хорошее зерно улетѣло дальше, мякина напротивъ осталась на мѣстѣ, или же улетѣла въ противоположную сторону. Всѣ дѣйствія ихъ заключались въ чванствѣ и кичливости: „что еслибъ это было во времена Университета, какая была тогда вольность и разгулье, а богатыхъ студентовъ было болѣе, нежели въ крестномъ ходу въ день праздника Божьяго Тѣла пригожихъ дѣвушекъ въ окошкахъ большой улицы“. Про общество Бруковыхъ Вѣдомостей, которое уже не существовало, забыли говорить, или же говорили, не понимая его. Оставшаяся старшая Университетская молодежь, какъ уже сказано, съ малыми изытіями была дрянью и притомъ опасною; ибо, помня причуды и площадное чванство, усиливалась переобразовать подобнымъ образомъ и вновь прибывшихъ богатыхъ студентовъ. Бѣдныхъ было много, каждый отправлялся въ Вильно съ надеждою, что здѣсь призрять его товарищи, но обманываясь сею надеждою, рѣшались на всякія интриги и недостойные поступки. Казенный коштъ на 1000 учениковъ, помѣстившій большую частію старыхъ студентовъ, не могъ помѣстить всѣхъ вновь прибывшихъ. Казенное содержаніе сдѣлалось единственнымъ желаніемъ и спасеніемъ для множества бѣдныхъ. Произошло затрудненіе въ поступленіи на казенный коштъ, а отъ сего возымѣли начало взаимныя интриги, клеветы и поношеніе: каждый, представляя свое положеніе самобѣднѣйшимъ, называлъ прочихъ богатѣйшими себя. Недели, по новому крещенію подынспекторы, собирали, и очень легко, свѣдѣнія о состояніи и состоятельности каждаго. При такомъ пристрастномъ поведеніи надзирателей можно вообразить себѣ, какой былъ духъ многочисленной и почти согнанной въ одно мѣсто молодежи!

Въ необходимой нуждѣ спасеніемъ были для бѣдняковъ билиарды и карты, не говоря уже о другихъ домашнихъ спекуляціяхъ. Въ этомъ сбродѣ, гдѣ большая половина думала о дневномъ насущномъ хлѣбѣ, нельзя было завести строгой, приличной и учтивой академической полиціи. Посему вольные слушатели отданы были, какъ и нынѣ, подѣ

надзоръ городской полиціи, которая, гоняясь за злотыми, ловила по шинкамъ и студентовъ Академіи.

Сердце болитъ при подобномъ изображеніи духа молодежи, приготовлявшейся къ обязанности будущихъ сыновъ и обывателей отечества. Однакожъ, нельзя пропустить того, что дѣйствительно происходило, для объясненія послѣдующихъ событій. Теперь уже институтъ казенно-коштныхъ воспитанниковъ сдѣлался предметомъ, на который устремлены вниманіе правительства и начальства мѣстнаго. Институтъ сей, составясь изъ старыхъ учениковъ, былъ вмѣстилищемъ тѣхъ же старыхъ обыкновеній, привычекъ и пороковъ.

До сихъ поръ Евреи, проживавшіе въ сосѣдствѣ института, нажили много распродажею напитковъ и закусокъ. Нынѣ, слава Богу, оставивъ кабаки, переселились на другіе переулки и принялись снова за свойственное имъ ремесло, которое брошено было для содержанія шинковъ.

Все, что пишу, навѣрно останется въ рукописи, а потому для сокращенія не буду распространяться; въ случаѣ, ежели что нибудь пропущу, другіе со временемъ пополнятъ. За отступленіе же отъ правилъ исторіографа простятъ меня, ибо пишу не исторію. Въ послѣдствіи кто нибудь ее напишетъ.

Такое было состояніе Академіи до 1834, даже до 1835 года, когда въ эту Академію поступилъ *Францъ Савичъ*, будущая душа Академіи и страхъ деспотическихъ властелиновъ.

Такъ какъ все дѣло зависѣло и будетъ зависѣть отъ дѣйствій нѣсколькихъ лицъ, то и займемся лишь обширнѣйшимъ ихъ очеркомъ; это будетъ даже исторіею духа Академіи, который отъ нихъ зависѣлъ и на нихъ упирался.

Происхожденіе Савича было такое же, какъ и многихъ другихъ. При малыхъ свѣдѣніяхъ, небольшихъ связяхъ и вліяніи, не могъ онъ быть замѣтнымъ, отличеннымъ; жилъ въ недостаткѣ, въ кругу своихъ товарищей, упражнялся въ наукахъ единственно для удобства жизни и съ постоянною и непоколебимою памятью о Польшѣ. Происходя отъ бѣдныхъ родителей, еще въ дѣтствѣ остался сиротою и нашель, какъ самъ говорилъ, вторично отца въ ксендзѣ Францышканскаго ордена Францъ Махцынскомъ, бывшемъ смотрителѣ Пинскаго училища. Должно быть, что этотъ ксендзъ точно былъ для него хорошимъ отцемъ, когда изъ подъ его опеки онъ вышелъ съ такимъ неукротимымъ никакими превратностями духомъ и вѣрою въ будущее, сильнѣйшее существованіе Польши. Отъ роднаго отца наслѣдовалъ онъ

хорошее здоровье, посредственный ростъ, крѣпкое тѣлосложеніе и близорукость. Отъ опекуна честность, недурную голову и характеръ столько же неукротимый, сколько откровенный. Прибыль онъ въ Вильно въ 1834 году, почти уже совершенный въ отношеніи нравственномъ, съ собственнымъ умомъ и сужденіями о вещахъ.

Прошелъ первый годъ. Въ слѣдующемъ, въ 1835-мъ г., Савичъ перешелъ въ институтъ казеннокоштныхъ воспитанниковъ. Состоя въ Пинскѣ въ теченіи четырехъ лѣтъ старшимъ ученикомъ и домашнимъ учителемъ, онъ имѣлъ уже нѣсколько съ обывателями знакомствъ. По образу мыслей былъ онъ извѣстенъ съ хорошей стороны, при томъ обладалъ счастливымъ даромъ не только нравиться, но и пріобрѣтать даже каждаго почтеніе, и потому знакомые невольно открывались передъ нимъ. Это составляло пищу его души: этимъ пріобрѣталъ онъ часть знакомствъ, которыя постепенно возрастали, и наконецъ это было причиною обращенія на него взоровъ людей, которыхъ онъ долженъ былъ опасаться. Онъ былъ всегда готовъ говорить, когда разговоръ касался возстанія и Польской исторіи, былъ непримиримымъ врагомъ не только Русскихъ, но даже Русскаго языка, преслѣдовалъ его и чуждался имъ; но это можно простить ему, какъ еще молодому, но самаго лучшаго сердца, юношѣ. Былъ онъ дѣятеленъ, всякаго старался склонить къ своему образу мыслей и согласить съ своими понятіями. Послѣ возмущенія студенты Академіи были лучше, нежели съ 1835 или 1836 года. Видно, сначала болѣе было обращено вниманіе на ихъ образъ мыслей. Но Савичъ не могъ успѣвать, ибо они, зараженные духомъ деспотизма, не легко связывались съ молодыми, развѣ только при игрѣ въ карты или въ бѣлиардъ.

Заграничная сатира въ устахъ и выговорѣ Савича приняла двойной ядъ для Русскаго правительства. Громко объ этомъ разговаривали до тѣхъ поръ, пока разсказовъ этихъ не заглушилъ слухъ о какомъ-то манифестѣ Австрійскаго князя Эрнеста въ пользу Поляковъ и скоро ожидаемомъ объявленіи независимости Польши. Савичъ, услыша изъ десятихъ устъ, что новость эта вышла отъ важной въ Вильнѣ особы, и потому достовѣрна, пилъ за здоровье будущаго Польскаго короля и, возвратясь вечеромъ домой, въ изступленіи радости и самопожертвованія, кричалъ: „Пусть меня хоть сейчасъ тащутъ въ Сибирь, пусть Польскій король будетъ еще больше тиранъ нежели Русскій, лишь бы Польша сдѣлалась независимою“. Таковы были понятія въ началѣ Апрѣля 1836 года, но потомъ смѣялись надъ ними.

Уже проблеснула въ золѣ искра, уже вѣтерокъ потихоньку раздувалъ ее въ будущій огонь. Часто поговаривали, сами не зная о чемъ,

не зная что изъ этого произойдетъ, созрѣетъ; но говорили съ чувствомъ, съ радостію. Довольно того, что повсюду возродилась надежда. Въ это же время, понынѣ неизвѣстная въ институтѣ, а можетъ быть и въ цѣлой Академіи, книга проблеснула не какъ молнія, но какъ комета, ибо книга сія дала вновь сильнѣйшій полетъ мыслямъ, бросила свѣжіе уголья на очагъ молодого духа. Это была первая часть пилигримства Польскаго народа, сочиненіе Мицкевича. Еще таился страхъ въ умахъ слабыхъ, еще свѣжи были въ памяти несчастія мятежа и помнилось запрещеніе читать подобныя книги. Поэтому на первый разъ много успѣха, что нѣсколько десятковъ прочло ее, и того болѣе, что еще нѣсколько осмѣлилось переписать, хранить у себя и сообщать товарищамъ. Это озарило высшимъ свѣтомъ молодые умы, но небольшое еще число, потому что не всѣ успѣли читать. Съ сихъ поръ старались повсюду пріобрѣтать, какія бы то ни было, книги и съ жадностію читали. Читая исторію, многіе озлоблялись, ибо читая, постигали всѣ промахи, всѣ ошибки Поляковъ, кричали, что сами ввергли въ гробъ отечество и на изъявленіи этой злости, на этихъ чисто-судорожныхъ порывахъ, все оканчивалось, даже духъ надежды упалъ. Естественное дѣло, что молодые умы, усмотрѣвъ замѣчательнѣйшія пятна въ дѣйствіяхъ соотчичей, должны были негодовать на промахи Жолкевскихъ, Замоискихъ, не говоря уже о Сигизмундовыхъ и позднѣйшихъ близшихъ къ нашему времени ошибкахъ. Несвѣдущіе въ исторіи, зная ее только по школьному, не могли догадываться о истинномъ духѣ и основныхъ причинахъ прошедшаго возстанія; не было никого, кто бы просвѣтилъ ихъ. Многіе чувствовали истину, но не могли ее совершенно разгадать. Сочиненіе Воронича, Наполеоновы рѣчи, потомъ конституція 3-го Мая, пробѣжавъ по рукамъ нѣсколькихъ десятковъ студентовъ, только раздували огонь, подобно вѣтру, колеблющему пламя, пока оно, усилившись, не получитъ вѣрнаго направленія.

Послѣ такого чтенія рождались разсужденія и распри, для чего тогда же не признавали равенства для мужиковъ? Почему не изгнали Евреевъ, почему непременно не составили стотысячнаго войска? Потомъ познакомились съ причинами, когда прочитали „Замѣчанія о Польшѣ“. Свѣдѣнія изустныя и газетная ложь занимали умы уже приготовленные и перекрещивались въ разныхъ направленіяхъ, почти безъ всякой цѣли. Англія и Чарторійскій были звѣздой и Моисеемъ, ожидаемымъ Израильтянами съ горы Синайской.

Таково было состояніе Академіи до исхода учебнаго 183⁵/₆ года.

Въ этомъ духѣ молодежи существовала еще разни́ца и раздѣленіе на губерніи и училища, какъ и должно было быть. Къ Кременецкому училищу принадлежавшіе Подоляне и Волынцы были просвѣщеннѣе другихъ, имѣя лучшихъ учителей, имѣя передъ глазами во время мятежа много событій и совѣщаній, а потому ознакомленные болѣе съ стремленіемъ и духомъ народовъ, были горды своими свѣдѣніями и по своей гордости не легко соединялись съ Литовцами.

Изъ Царства Польскаго и Курляндіи были почти одни лишь Евреи подъ личиною Нѣмцевъ, не пользовавшіеся уваженіемъ.

Минское училище, отличавшееся отъ другихъ, было часто въ презрѣніи и недовѣріи, за сильное его стараніе о первенствѣ и низкопоклонность предъ начальниками. Изъ Пинска и Слуцка мало было учениковъ, но за то они были согласны. Литовскія и Бѣлостокское училища были нераздѣльны; мало чванства, немного свѣдѣній, но за то царствовало между ними согласіе и готовность къ добруму. Въ этомъ различномъ состояніи не было сборищъ, не было взаимнаго сообщенія мыслей, и потому существовало какое-то усыпленіе, единообразіе; не было еще случая, чтобы лучшіе могли съ собою соединяться и составлять одно тѣло. Сіе произошло въ слѣдующемъ 1837 году. Удивительно, что люди иногда мимо воли и желаній дѣйствуютъ на умъ другихъ, не зная откудова и какимъ это образомъ случается. Нѣмецъ Шмидкофъ, не находя для себя нигдѣ пристанища, нашелъ пріютъ у гостепріимныхъ Литовцевъ. Ему дозволили сдѣлаться директоромъ съ начала Нѣмецкаго, а потомъ и Польскаго театра. Оперы, представленныя нашей публикѣ, были приняты съ рукоплесканіемъ, какъ дѣтьми, не издавшими еще пляшущихъ деревянныхъ въ шарманкѣ фигурокъ. За общимъ гласомъ пошла большая половина Академической молодежи, Нѣмцы, Жиды и мѣщане. Въ нѣсколькихъ десяткахъ душъ возродилось сопротивленіе. Вода попала на раскаленное желѣзо. Мало по малу началась двусторонность. Оперы воспламенили головы. Составляются двѣ партіи, большая и маленькая, становятся одна противъ другой, хотя съ неравными силами и сражаются. Со стороны истины остаются крѣпость духа и сила. Усиливается Польская сторона, но должна смириться и быть тихою. Только лишь по заламъ ведутся постоянныя пренія и похвалы, осмѣиванія и доказыванія заблужденій. Мало того: Нѣмцы актеры имѣютъ своихъ газетныхъ хвалителей, Польскіе совершенно оставлены. Театръ этотъ чрезъ несогласіе партій и личныя ссоры съ ума сходящихъ актеровъ окончательно упадетъ. Молодежь, хотя со страхомъ, но съ большими впрочемъ безнужными осторожностями, въ поощреніе своихъ актеровъ, пишетъ похвалы. Смѣши-

ваются мнѣнія. Польскій театръ хотя упалъ, но, можетъ быть, поэтому приверженцы его умножены. Вознесся духъ, началась жизнь и движеніе въ городѣ между молодежью; много думали, передумывали разные проекты прогнанія Нѣмцевъ, стращали публику и актеровъ опасеніями, что будетъ заведенъ Русскій театръ.

Этимъ занимались, объ этомъ думала молодежь, не давно еще возродившаяся духомъ. Хорошо и то, что этимъ начали соединяться и ближе узнавать другъ друга. Но Савичъ съ нѣсколькими товарищами возвратились изъ ваканціи уже другими; они имѣли высшія понятія, для нихъ этого было мало. Будучи знакомъ съ Родзевичемъ, онъ долженъ былъ пріобрѣсть многія свѣдѣнія. Въ этомъ году онъ началъ сильно дѣйствовать, къ чему приступили и другіе. Клеванъ былъ средоточіемъ заговора (Клеванъ такъ прозывался отъ того, что нѣсколько человѣкъ изъ Клевани квартировали вмѣстѣ). Теперь знакомится онъ съ Рабчинскимъ, будучи уже прежде того знакомъ съ Загорскимъ. Въ это время былъ онъ уже другимъ Зандомъ, имѣлъ мало книгъ, сидѣлъ по ночамъ и занимался переписываніемъ разныхъ прокламацій, разсужденій и преній заграничныхъ выходцевъ, собиралъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ болѣе знакомыхъ и довѣреннѣйшихъ, читалъ и научалъ (апостолилъ). Въ этомъ 1837 г. Савичъ снялъ съ себя маску. Попалась къ руки исторія Мохнацкаго. Этотъ спиртъ, этотъ огонь возжегъ въ ихъ сердцахъ пожаръ, развилъ умы, придалъ новый блескъ и усовершенствовалъ ихъ. Его мысли, превосходящія его понятія, необыкновенныя мысли, политика, знаніе дипломатики и всѣхъ обстоятельствъ удивили нѣсколькихъ, а потомъ и всю читавшую его молодежь. Наконецъ разгадали, объ чемъ шло и идетъ дѣло. Въ это же время появились сочиненія: „Праотцы“ (части I и III-я) Мицкевича, Коранъ Юлія Словацкаго, Панъ Тадеушъ, разсужденія Гржималы, Вѣщія слова ксендза Ламенэ и журналы Парижскаго Польскаго общества. Возрастаетъ жизнь. Уже Савичъ, Рапчинскій и Лукьянъ (такъ его будемъ называть, объ этомъ послѣ*), взяли за руки, дали себѣ слово стараться въ институтѣ направить на лучшую дорогу духъ и первоначально изгнать картежную игру, которой болѣе всего тогда предавались. Придумывали и разсматривали средства. Изъ числа рѣшительныхъ и жестокихъ избрали средство отвлекающее, вѣрное и безопасное, заключающееся въ снисходительномъ напоминаніи, удерживаніи отъ пороковъ и въ стараніи разнообразными честными упражненіями доставить занятіе праздной молодежи. Теперь родилось въ ихъ головахъ большое намѣреніе учредить собственную типографію, о которой, какъ

*) Лукьяномъ авторъ называетъ себя.

оказалось въ послѣдствіи, думали Канарскій и многіе другіе. Были готовы наняться хотя работниками, не спать цѣлыя ночи, пожертвовать здоровьемъ.

Въ этомъ предположеніи еще болѣе утвердились, когда Лукьянъ прочиталъ имъ свое произведеніе, хотя не болѣе какъ только изрядное, но для нихъ казалось, что и оно много можетъ подѣйствовать, лишь бы распространять кругъ читателей. Юноша Лукьянъ, прежде невѣровавшій какъ Ома, недавно воскресшій съ новою сильною вѣрою, посредственныхъ способностей, слабаго тѣлосложенія, но пламеннаго духа, не находя ни откуда писменныхъ пособій, самъ старался заводить съ товарищами разсужденія. Почти всегда находилъ противниковъ своимъ мнѣніямъ, возражалъ, доказывалъ, бранилъ; но это мало пособляло, ибо онъ не умѣлъ попадать въ человѣческія сердца. Полагалъ и надѣялся найти всѣхъ равными и подобно какъ онъ мыслящими. Не зналъ хорошо людей, и потому въ раздраженіи, вредномъ для здоровья, бросался иногда на постель и въ безсонницѣ хваталъ перо, писалъ и рвалъ написанное. Рабчинскій, старше возрастомъ, пройдя уже разные случаи жизни, проповѣдуя съ амвона, подобно ксендзу Доминиканскаго ордена Барковскому и опять поступивъ въ студенты медицины, былъ самаго лучшаго сердца, пламеннаго духа, однакожь не дальновидный и не знающій хорошо людей, познакомился въ этомъ 1837 году съ Лукьяномъ и Савичемъ въ короткое время, ибо въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ, по сходству своего образа мыслей, сдружились коротко искреннею дружбою. Рабчинскій былъ честнѣйшая душа, всякому успѣвалъ понравиться своею готовностію къ услугамъ и посвященію себя для общаго блага. Это была истинно-поэтическая душа. Болѣе неукротимый нежели Савичъ, часто опрометчивый, онъ не зналъ ни въ чемъ преграды, однимъ словомъ „или имѣть все или ничего“ былъ его девизъ, но слишкомъ откровененъ. Лукьянъ, на противъ того, скрытенъ и твердъ къ признанію, холоднаго вида и мало общающей физіономіей. Чтобы оцѣнить его, нужно было прежде узнать его. Савича товарищи почитали, Рабчинскаго любили; Лукьянъ не далъ себя близко узнать, дѣйствовалъ, но рѣдко явно; ежели просвѣщалъ и убѣждалъ, то просвѣщавшіеся не знали откудова сей свѣтъ истекалъ на нихъ. Въ собственныхъ мнѣніяхъ былъ неоспоримъ, твердъ и нелегко доступенъ. Зная духъ почти всѣхъ товарищей, самъ едва былъ извѣстенъ.

Въ это время, имѣя связи съ обывателями и предусматривая изъ обзора подвиговъ Канарскаго, къ какой точкѣ пришли дѣла, надѣялись уже на новое сильное возстаніе, долженствовавшее совершиться съ

обдуманіемъ и съ бѣльшимъ приготовленіемъ умовъ. Это мнѣніе раздѣляли Савичъ и нѣсколько другихъ на Клевани. Лукьянъ надъ этимъ смѣялся, ибо хотя не зналъ хорошо хода дѣла, но, занимаясь только собою, взоромъ предчувствія часто видѣлъ лучше другихъ свѣдущихъ. Въ Клевани стоялъ Загорскій съ нѣсколькими другими хорошими товарищами изъ Воынцевъ и Подолянъ, въ числѣ которыхъ было тоже два Пинчука (уроженцы Пинска).

Учебный 1837 годъ почти на томъ кончился. Выѣзжая на каникулы, нѣсколько лицъ имѣли намѣреніе дѣйствовать на мужиковъ и на что случится; ибо слышали о посвященіи многихъ умныхъ людей, приписавшихся въ крестьянство единственно для удобнѣйшаго распространенія подъ личиною крестьянской одежды спасительныхъ истинъ и мыслей Европейскихъ народовъ. Впрочемъ было смирно, весело; никто болѣе объ этомъ не думалъ.

Съ возвращеніемъ изъ ваканцій 1837/8 года воскресли въ нѣкоторыхъ уже новыя понятія. Причина объяснится въ послѣдствіи. Еще Чарторійскій почитался за добраго, и почти вся на немъ полагалась надежда. Бѣдный Мицкевичъ теряетъ понемногу довѣріе, несогласіе заграничныхъ обществъ дѣлается намъ соблазномъ, Лелевелъ соблазнителемъ. Отторженіе его отъ Парижскаго общества поразило всю молодежь; не могли постигнуть причины, ибо не имѣли еще для объясненія своего источника.

Между тѣмъ какъ это происходило, президентъ Академіи былъ не доволенъ поведеніемъ нѣкоторыхъ академиковъ за ихъ разбродъ по улицамъ и трактирамъ. вмѣстѣ съ прибытіемъ своимъ въ Вильно, онъ объявилъ настоящее повелѣніе князя*) запретить свободу молодежи, которою до того времени еще пользовались по возможности. Для достиженія предположенной цѣли президентъ Академіи вознамѣрился ввести казенный столъ. Все уже было къ этому приготовлено, недоставало только утвержденія министра; но, не дожидая разрѣшенія по этому предмету, Кучковскій, подстрекаемый болѣе инспекторомъ Гелингомъ, рѣшился ввести казенный столъ подъ видомъ будто опыта. Студенты, рѣшившись во что бы то ни стало, не допустить этаго нововведенія, угрожавшаго ихъ свободѣ, условились ожидать только случая, чтобы оказать явное ослушаніе. принявъ за основаніе своихъ дѣйствій поводъ, что настоящій проэктъ не былъ еще утвержденъ министромъ. Собравъ

*) Князя Николая Андреевича Долгорукаго (который не устоялъ передъ соблазномъ Польской женщины, и потому Николай Павловичъ перемѣстилъ его генералъ-губернаторомъ въ Харьковъ). П. Б.

по нѣсколько человѣкъ студентовъ изъ старшихъ четырехъ классовъ, президентъ и Гелингъ оба несмѣлымъ голосомъ представляли студентамъ всѣ недостатки содержанія изъ ограниченнаго мѣсячнаго жалованья. Усиленные труды и занятія, а отъ нихъ случаи большой смертности между вами (продолжали они) суть слѣдствія теперешней вашей жизни. Подъ предлогомъ устраненія недостатковъ, происходящихъ отъ содержанія изъ десяти рублей, президентъ предлагалъ этимъ студентамъ (въ которыхъ не надѣялся встрѣтить сопротивленія) поступить временно на общій наемный столъ съ заплатою отъ казны впередъ, пока не учредится постоянный казенный столъ. Но, несмотря на свои надежды и краснорѣчивыя увѣщеванія, Кучковскій въ намѣреніи своемъ не успѣлъ. Попала коса на камень. Большая половина была слабыхъ и уже готова была принять его предложеніе; но находившійся здѣсь Лукьянъ съ нѣкоторыми подобнаго ему духа (удачно прикрывая себя маскою лицемѣрія) кричалъ, убѣждалъ до потери голоса и успѣлъ въ томъ, что выходившему президенту, послѣ бесполезнаго въ продолженіи часа увѣщеванія, закричали большинствомъ голосовъ: „не желаемъ, не пойдемъ, будемъ ожидать утвержденія“. Президентъ вышелъ и, стараясь скрыть свою злость, объявилъ, что онъ еще разъ соберетъ студентовъ и повторить свои предложенія, но вѣрно по совѣту Гелинга, знавшаго лучше духъ Академіи, уже болѣе срамитъ себя не приходилъ. Студенты достигнули своей цѣли; но кромѣ сего, обстоятельство это послужило поводомъ къ пробужденію усыпленныхъ, къ вооруженію противу уничтоженія приготовляемой имъ участи и къ возобновленію сходбищъ для разныхъ совѣщаній, имѣвшихъ одну цѣль: собственную оборону.

Вскорѣ послѣ того случилось другое событіе. Запрещеніе курить трубки, объявленное по случаю сожженія вещей одного студента, было подтверждено раздраженнымъ инспекторомъ съ прежнею строгостію. Впрочемъ для дѣятельнаго его ума не доставало занятій, ибо поступавшія прежде отъ студентовъ взаимныя жалобы теперь почти прекратились. Желая возобновить и поддержать свои со студентами отношенія, онъ настаивалъ, чтобы подынспекторы ходили по комнатамъ и отнимали трубки, табакъ и пр.

Одинъ изъ подынспекторовъ, нерасторопный, не знавшій еще духа молодежи, между которой являлись иногда дѣтскія шалости, желая прислужиться Гелингу усерднѣйшимъ исполненіемъ его повелѣній, преимущественно надоедалъ. Нѣсколько разъ студенты имѣли съ нимъ малозначительные споры, но карты все портили: онъ часто находилъ играющихъ, нельзя было искоренить этого. Встрѣтятся однажды съ сту-

дентомъ вспылчивѣйшаго характера, они разбранились порядочно; послѣдовала отъ подынспектора жалоба и взысканіе съ студента. Мстѣщій подынспекторъ приходилъ ежедневно читать именныя списки. Однажды, когда онъ вошелъ въ залъ послѣ хирургіи, его приняли со стукомъ и крикомъ; начали свистать, подняли крикъ; „прочь, вонъ, трусь!“ Онъ побѣжалъ съ жалобою къ инспектору, который какъ будто о чрезвычайно важномъ и необыкновенномъ дѣлѣ вошелъ съ рапортомъ къ президенту и, радуясь настоящему случаю, успѣлъ вооружить его къ мщенію и униженію гордыхъ студентовъ. Президентъ послушался, надѣясь, что обида, причиненная чиновнику, штабъ-лѣкарю, отличенному орденомъ, устраситъ молодежь. Въ слѣдствіе сего, того же дня послѣ обѣда приказываетъ онъ задержать на терапіи 3 и 4 классы и самъ для бѣльшаго страха, взявъ съ собою старца Снядецкаго, запыханный явился въ залъ съ бумагою (рапортомъ Гелинга) въ рукахъ. Нельзя было ни къ чему привязаться: почти всѣ находились на урокъ. Студенты, предвидя послѣдствіе этой грозы, многіе приготовились говорить. Появленіе сѣдаго голубя, старца Снядецкаго, удивило студентовъ; но они знаютъ его доброжелательство, и страхъ уступаетъ. Президентъ вбѣжалъ запыханный, бросился на кресло и отъ слова „Господа!“ началъ читать полученный имъ рапортъ. Представляя всю важность тяжкой обиды, причиненной подынспектору, штабъ-лѣкарю, съ крестомъ отъ Государя!!! произнесъ онъ: „Или падайте на колѣни и просите прощенія, или я тотчасъ войду съ представленіемъ къ министру объ исключеніи вонъ изъ Академіи десятаго по очереди“. Студенты молчатъ, нѣкоторые трепещутъ, лучшіе же смѣются. Президентъ въ бѣшенствѣ гнѣва произноситъ тоже въ другой разъ, и опять мертвая тишина. Изъ угла кто-то отозвался тихо, это привело президента къ изступленію. По лицу его разлилась багровая краска, и конвульсическая судорга пробѣжала по его членамъ. Инспекторъ смѣялся. Наконецъ, употребляя послѣднія силы, закричалъ: „въ третій и въ послѣдній разъ призываю, или просите прощенія, или горе вамъ! Вы обидѣли Государя!“ Воцарилась тишина, студенты стоятъ на подобіе каменныхъ. Бѣшенный побѣжалъ къ дверямъ. Студенты молчатъ. Инспекторъ, слѣдуя позади президента обще съ профессоромъ терапіи, убѣждаютъ студентовъ отозваться съ просьбою. Снядецкій постоянно молчалъ. При дверяхъ возвращается президенту разсудокъ: забывъ свою надменность, возвращается и въ четвертый разъ уже просительнымъ голосомъ умоляетъ студентовъ, чтобы просили извиненія. Опять молчаніе... Въ это время нѣсколько испуганныхъ вольнослушателей отзываются несмѣлымъ голосомъ: „просимъ“. Жизнь возвратилась въ грудь президента. Обрадованный, зовеги онъ въ пятый разъ, но вновь молчаніе, а въ

слѣдъ за тѣмъ раздались уже непросительные голоса, но шумъ и крики: „все представлено ложно, подынспекторъ злой грубіянь“. Президентъ возвращается къ кресламъ, смягчается и почти насильно исторгаетъ нѣсколько просительныхъ голосовъ. „Пусть всѣ просятъ“, кричитъ онъ на это молчаніе. Видя наконецъ, что ничего не успѣетъ, онъ вышелъ, отдавъ приказаніе, чтобы классы выбрали изъ среды себя депутацію, которая, отъ имени всѣхъ студентовъ, должна была идти просить у подынспектора прощенія. На это крикнули: „не пойдемъ“. Президентъ выбѣжалъ.

На другой день прошедшее было уже забыто, никто и не думалъ о приказанномъ посольствѣ. Въ 12-мъ часу, пришелъ отъ президента инспекторъ, спрашивая, для чего до сихъ поръ не пошли просить. Въмѣсто отвѣта слышались стукъ и свистъ. Но съ безсовѣстнымъ челомъ инспекторъ этимъ не сконфузился, прочелъ списокъ назначеннымъ въ депутацію студентамъ и самъ вышелъ. Времени оставалось едва нѣсколько часовъ; однакожъ нужно же было на что нибудь рѣшиться: ибо назначенные въ депутацію могли бы за все отвѣчать. Хитрая инспектора выходка! Нѣкоторые изъ шалуновъ кричатъ: „не пойдемъ!“... Расторопнѣйшіе и тѣ, которые имѣли на отчетъ совѣсти уже не такія ребячества, совѣтуютъ хотя наружно покориться необходимости. Къ этому склонить было трудно; но нѣкоторые требуютъ настоятельно, чтобы идти. Передъ послѣобѣденными уроками, Савичъ, по обыкновенію своей разсѣянности, выскакиваетъ на середину и, не зная еще бѣльшей половины духа товарищей, начинаетъ говорить, что нужно идти просить; ибо извѣстно, какъ Русское правительство готово ко всему придратся. Лукьянъ осторожнѣйшій, желая загладить публично произнесенныя Савичемъ слова, сказалъ: „Худо совѣтуешь! Иди!“ Его поддержали и другіе. Савичу же сдѣлано въ свое время замѣчаніе впередъ быть осторожнѣйшимъ. Постановили послать назначенныхъ съ тѣмъ, чтобы только явились, ничего не говоря на счетъ извиненія; если ихъ спросятъ, зачѣмъ пришли, отвѣчать, что такъ имъ приказано. Такъ и случилось. Пошли, и на упреки подынспектора за ихъ невѣжливость они разбранили его въ другой разъ (въ этомъ посольствѣ было нѣсколько порядочныхъ малыхъ) и сами вышли, исполнивъ приказаніе начальства. Обиженный въ другой разъ обратился къ инспектору; но тотъ послѣ долгаго обдумыванія и разсужденія призналъ благоразумнѣйшимъ прекратить настоящее дѣло, которое безъ дальнѣйшихъ послѣдствій и кончилось.

Наступилъ день ангела Снядецкаго (1837, Ноября 29-го). Молодежь двухъ послѣднихъ классовъ этотъ день желала ознаменовать под-

несеніемъ Снядецкому обновленнаго его бюста. Вечеромъ, иллюминировавъ залъ клиники, студенты торжественно и съ истинно-дѣтскою привязанностію приняли своего патріархальнаго профессора. Желая придать болѣе великолѣпія празднику и доставить удовольствіе старцу, котораго почти на рукахъ носили, они вознамѣрились освѣтить площадками дворъ; но узнавшій объ этомъ президентъ, изъ зависти и опасенія, этаго сдѣлать не дозволилъ, а самъ между тѣмъ поѣхалъ на вечеръ къ ректору Духовной Академіи Осинскому. Студенты, квартирующие въ институтѣ, въ восторгѣ, радости, чтобы доказать Снядецкому безпредѣльное уваженіе, велятъ по всѣмъ окошкамъ зажечь свѣчи. За примѣромъ старшихъ послѣдовали младшіе. Рабчинскій ходилъ по всѣмъ комнатамъ и всѣхъ объ этомъ просилъ. Институтъ иллюминировался. Узнавшій объ этомъ инспекторъ далъ знать президенту, который послѣ бала, какъ бѣшеный, влетѣлъ въ институтъ съ цѣлымъ шгатамъ своей полиціи и съ солдатами съ губвахты, крича впереди: „у насъ штыковъ много!“ Къ несчастію онъ находитъ, не скажу въ которомъ классѣ, играющихъ въ карты. Стыдно даже вспомнить, что въ то время, когда одни съ невиннымъ сердцемъ, съ духомъ простоты и христіанской любви, угѣшаются тѣмъ, что молодежь еще способна обратиться къ добруму, имѣеть еще какія нибудь сѣмена добродѣтели и общается лучшія надежды, другіе между тѣмъ убиваютъ ихъ настоящую веселость и удовольствіе, убивая въ себѣ все, и обдираютъ другъ друга по дружески до послѣдней копѣйки.

Это обстоятельство представило ему справедливую ко всему прицѣпку, не взирая, что въ другое время онъ не былъ слишкомъ строгимъ гонителемъ картежной игры, ибо въ собственномъ домѣ онъ учредилъ у своего лакея продажу для молодежи картъ. Началъ взыскивать за иллюминацію, всѣхъ бранить и разгонять, черновые книги замаралъ записываніемъ жалобъ на тѣхъ, на окнахъ которыхъ горѣли свѣчи. Почти никто этого не боялся, ибо знали, что настоящій поступокъ ихъ было ребячество, и знали, что дѣйствія Кучковскаго были слѣдствіемъ его вспыльчивости. Одно лишь горестно, что настоящія минуты восторговъ молодежи были для Кучковскаго предлогомъ къ злопамятнымъ и обиднымъ о Снядецкомъ разговорамъ, продолжавшимся даже послѣ его смерти. Никто въ зажиганіи свѣчей не признавался; тѣ, которыхъ требовали признанія, объявили готовность сидѣть за Снядекаго въ карцерѣ. Президентъ смекнулъ, что въ настоящемъ случаѣ студенты имѣютъ болѣе его ума. Вскорѣ послѣ того онъ совершенно оставилъ настоящее дѣло, получивъ только, какъ говорилъ онъ, замѣчаніе отъ военнаго губернатора за безнужное приведеніе съ

гаубтвахты солдатъ, какъ равно и за прежнее взятіе изъ института солдатами нѣсколькихъ ветеринарныхъ учениковъ и содержаніе ихъ на гаубтвахтѣ. Весь выигрышъ молодежи былъ тотъ, что дружище начали между собою жить, внимательнѣе разсматривать свое положеніе и убѣдились, что гдѣ дружно дѣйствуютъ, тамъ трудно имъ повредить. Это случилось предъ Рождествомъ Христа 1837⁷/₈ года. Въ сіе время появились въ рукахъ молодежи сочиненія: Французская революція, Ляпонаре, разсужденія изъ 17 столѣтія Боатѣ и нѣсколько другихъ журналовъ, Вротновскаго Возстаніе на Волыни и проч. Съ Ляпонаре дѣти соблазнялись, а совершеннѣйшіе получали большую пользу.

Савичъ, проводя постоянно время у Клеваницевъ, долженъ былъ принимать разныхъ въ своей квартирѣ, долженъ былъ гдѣ нибудь говорить, совѣщаться, увѣдомлять и пр. Въ настоящемъ году избралъ онъ лучшую квартиру. Сталъ на квартирѣ вмѣстѣ съ Рабчинскимъ и нѣкоторыми другими, не совершенно еще приготовленными, желая ихъ усовершенствовать окончательно. Савичъ и Рабчинскій для удобнѣйшаго дѣйствія намѣревались соединиться съ Лукьяномъ, но его была другая политика. Смотря на все глазами дальновидными, онъ не похвалилъ настоящаго по комнатамъ соединенія, во первыхъ, что этимъ болѣе обратятъ на себя взоры и вниманіе товарищей (нѣсколькимъ нельзя было довѣрять) и академическаго начальства, предъ которымъ Савичъ считался невѣжею и упрямымъ молодымъ человѣкомъ, по случаю ссоръ его съ инспекторомъ и выходокъ, и во вторыхъ, что, собираясь въ одно мѣсто института, не въ состояніи будутъ смѣло и безъ подозрѣнія ходить по комнатамъ для смотрѣнія за товарищами; ибо ежели за десятью злыми станетъ смотрѣть одинъ непоколебимо-добрый, то на вѣрно, если не всѣхъ, то хотя одного успѣетъ передѣлать на свой образъ. Они его не слушали; онъ же, настаивая въ своемъ мнѣніи, остался при немъ и расположился по прежнему на квартирѣ съ нѣсколькими товарищами, какъ это было и въ продолженіи послѣднихъ двухъ лѣтъ.

Савичъ, занимаясь въ Клевани важнымъ дѣломъ, не могъ ни самъ, ни его подражатели слѣдовать по той дорогѣ, по которой слѣдовали другіе. Разсматривали и разбирали подробно каждый пунктъ Пилигримства и другихъ сочиненій, имѣя притомъ уже лучшія изъ заграницъ свѣдѣнія, думали глубокомысленно о проэктѣ новыхъ законовъ и объ образѣ управленія будущаго общества, надъ которымъ трудятся. Савичъ, не умолимый гонитель помѣщиковъ, взвѣсивъ участь крестьянина, его настоящее состояніе и будущее, какое быть можетъ и должно быть, какъ человѣка, часто посягалъ на лютую месть помѣщикамъ:—

всѣхъ повѣсить, всѣхъ вырѣзать. По его мнѣнію, всѣ должны были быть безусловно равными. Онъ имѣлъ перевѣсъ надъ умами товарищей, которыхъ воскресилъ духомъ и которые, живя чужими мнѣніями, легко съ нимъ соглашались. Нѣкоторые только, лучше понимающіе это равенство, существованіе котораго полагали найти въ вольности всего, повинувшись одному закону, не соглашались съ нимъ окончательно и слѣдовали по другой дорогѣ.

Продолжались нѣкоторымъ образомъ совѣщанія и составлялись партіи, но всѣ смотрѣли на общую цѣль дружно, подавали другъ другу руки и подвигались впередъ, одинъ желая себѣ Польши конституціонной, другой Польши вольной, а съ нею вольности всѣхъ Европейскихъ народовъ. Все это ничего не значитъ, были бы только равны духомъ и желаніемъ, были бы равны въ лучшихъ желаніяхъ возстановленія единства въ умахъ, въ стремленіи къ возрожденію самостоятельности и существованія Польши. Савичъ, принадлежа прежде къ низшему разряду, нынѣ возвысилъ свой духъ, далеко распростеръ свои крылья надъ деспотическою системою Европы, могущей быть вольною и христіанскою. Для несвѣдующихъ и нежелающихъ переходъ этотъ изъ подлога честолюбія и личности весьма труденъ; нѣсколько однакожъ молодыхъ людей исполинскій этотъ переходъ свершили вдругъ и вдругъ сдѣлались людьми мыслящими истинно похристіански, полюдски. Думали часто и разсуждали, приступали къ собранію голосовъ, на какихъ именно законахъ основывается это счастье человѣковъ, эти равенство и вольность. До сихъ поръ выраженія: вольность и равенство, казавшіяся для молодыхъ всеобъемлющими, начали показываться неясными и тщетными, какъ и много другихъ выраженій общихъ, въ которыхъ, убѣждая другихъ, не могли въ случаѣ нужды отдать себѣ отчета и удовлетворительно отвѣтить на вопросъ. Нѣкоторые почитали лучшимъ средствомъ разоренія помѣщиковъ возложить на нихъ бремя податей, постоянно возвышая платежъ. Другіе предполагали ввести Ликурговъ законъ о раздѣленіи земель; но какъ первое такъ и другое предположеніе не могли быть удобноисполнительны въ настоящемъ нравственномъ состояніи Европы. Были еще и другія въ подобномъ содержаніи разсужденія, не разрѣшенныя по недостатку времени и обширнѣйшихъ къ таковымъ заключеніямъ свѣдѣній. Не знаю, по какому случаю, но лишь недавно Польское Парижское общество предложило въ этомъ смыслѣ къ разрѣшенію вопросъ. Нѣкоторые толкуютъ подъ общимъ выраженіемъ равенства и вольности прекращеніе обычая стрѣляться; однакожъ необходимость предстоить ближе войти въ смыслъ сихъ выраженій и, постигнувъ ихъ, дать понятъ свѣту, чего долженъ до-

бываться и требовать отъ деспотовъ. Иванъ Чипьскій, въ своемъ якобинизмѣ, правильно порицаетъ Мицкевича, говорившаго въ 1-й части Пилигримства Польскаго народа: „не думайте о будущемъ, но только вѣруйте, желайте, и будетъ хорошо!“ Но, порицая Мицкевича, онъ и самъ того не разрѣшилъ; ибо въ сочиненіи своемъ онъ повторилъ лишь дикія, глупыя Вольтеровскія мысли о вольности и равенствѣ. Поэтому желательно было бъ, чтобы кто нибудь у насъ разрѣшилъ этотъ вопросъ со всею ясностію, коротко и положительно, тѣмъ болѣе, что истину этого вопроса народъ сильно чувствуетъ, но только чувствуетъ и вздыхаетъ по ней.

Наступили праздники Рождества Христова. Савичъ и Загорскій, а съ ними еще другіе, проповѣдуя (апостолюя), не могли еще разрѣшить многихъ представлявшихся имъ вопросовъ. Не находя въ частныхъ случаяхъ объясненій своихъ сомнѣній, они приняли намѣреніе просвѣтитъ себя и другихъ. Поэтому встрѣтилась надобность въ пріобрѣтеніи книгъ; надѣялись, что чтеніемъ книгъ еще незнакомыхъ найдутъ искомый свѣтъ, а выпиской извѣстныхъ уже сочиненій, только въ гораздо большемъ количествѣ экземпляровъ, полагали умножать число читателей.

Собираютъ деньги и съ ними (нѣсколько десятковъ рублей серебромъ) Савичъ, исходатайствовавъ увольненіе на праздники, поѣхалъ къ Родзевичу въ Пинскій уѣздъ, въ надеждѣ получить тамъ или книги, или же какія нибудь другія новыя вещи. Предпринявъ это, онъ сознался предъ нѣсколькими въ своемъ намѣреніи; тѣ пересказали другимъ и чуть все не рушилось: забыли, или лучше сказать не знали о томъ, какъ то въ послѣдствіи обнаружилось, что какъ бы кто ни былъ хорошъ, но все таки онъ не совершененъ, много еще отъ него требуется скромности и постоянства. Савичъ выѣхалъ, за нимъ Загорскій, не знаю за чѣмъ, развѣ только, чтобы познакомиться съ Родзевичемъ и его знакомыми? Загорскій, уроженецъ Волыни, умный малый, хорошихъ склонностей, пріобрѣталъ надъ прочими первенство тѣмъ, что имѣлъ крѣпкій и не легко колеблемый духъ. Слѣдующіе ожидаютъ ихъ возвращенія съ нетерпѣніемъ. Они пребываютъ въ отлучкѣ цѣлую недѣлю. Между тѣмъ въ головѣ Рабчинскаго составилъ новый проэктъ; онъ, подъ предлогомъ своей скуки и шутокъ, ходилъ по квартирамъ товарищей, узнавалъ короче ихъ духъ. собиралъ газетныя и ученыя свѣдѣнія, разсказами неучей и лѣнтяевъ старался преклонить на свою сторону. Черезъ него большею частію получались книги. Но все это мало пособляло. Онъ постигалъ лишенія и скуку даже между лучшими по недостатку занятій. Все развлеченіе заключалось въ картежной игрѣ

и обученію по школьному медицинѣ. По этому Рабчинскій подаетъ Лукьяну проэктъ составленія складки (по два злота въ мѣсяцъ съ каждаго) на предметъ поддержанія бѣдныхъ товарищей, желая этимъ показать предъ людьми и свѣтомъ, что и медики умѣютъ чувствовать и что они не похожи на хладнокровныхъ мясниковъ: тѣмъ болѣе, что и предъ тѣмъ были случаи подобнаго употребленія складовъ.

Это намѣревались объявить всѣмъ. Лукьянъ соглашается, беретъ на себя сдѣлать предложеніе половинѣ своихъ товарищей; ибо видитъ въ этомъ другую, лучшую цѣль направленія умовъ студентовъ на путь размысленія и усматриваетъ въ томъ источникъ пріобрѣтенія нужныхъ сочиненій. Рабчинскій другую половину товарищей склоняетъ принимаетъ на себя. Изъ складокъ деньги должны были обращаться на бѣдныхъ вольныхъ студентовъ, коихъ образъ мыслей былъ извѣстенъ, съ обязательствомъ выдавать росписки, не принимая денегъ. Уже это предложеніе разошлось по ученикамъ, уже собирались доложить начальству объ этомъ (безъ него нельзя было ничего дѣлать), не наводя впрочемъ подозрѣнія на счетъ составленія общества, хотя въ томъ была единственная цѣль сего предпріятія. Ожидали только прибытія Савича, который имѣлъ болѣе знакомыхъ между бѣдными студентами съ хорошимъ духомъ. Между тѣмъ появился „Панъ Тадеушъ“ и романъ Чипьскаго „Константинъ и его жена“. Нельзя было предполагать въ академической молодежи, чтобы Чипьскій могъ найти такихъ ребятъ. Тайное сіе общество, не имѣющее еще даже названія общества, было примѣромъ не только христіанской вѣры, но даже понятій довольно чистаго католицизма. Чипьскій вольтеріанскою своею философіею совратилъ многія молодыя головы. Студентъ Станисл. Станисл. (который впослѣдствіи оказался столь не благодарнымъ, чего и ожидать было должно, судя по его женской головѣ и трусливому характеру, еслибы только Савичъ внимательнѣе узналъ этого человѣка) очень умно началъ философствовать, черпая изъ разсужденій Чипьскаго, помѣщенныхъ въ концѣ помянутаго сочиненія. Весьма малое число, и то молодыхъ по лѣтамъ студентовъ, не измѣнило прежняго образа мыслей, не смотря на прельщавшіе совѣты Чипьскаго, которые во многихъ отношеніяхъ были прекрасны, но въ большой половинѣ чудныя и бѣшенныя. Теперь родились религіозныя разсужденія тѣмъ болѣе, что въ предпріятіи студентовъ долженъ былъ часто отражаться духъ религіи и служить имъ руководствомъ.

Вольность, или лучше сказать вольность въ обращеніи съ женщинами и вольность религіозная (какъ будто вольность на этомъ основалась) прекрасно отражались въ дѣтскихъ ушахъ. Бѣдный Мицкевичъ

потерялъ у нихъ много достоинства, тѣмъ болѣе, что въ то же время попалось въ ихъ руки разсужденіе о вольности женщинъ, вѣроятно сочиненіе женщины, что можно замѣтить и по слогу. Рабчинскій, сильнѣйшій духомъ, и Лукьянъ смѣялись надъ этимъ, но опасались возмущенія въ молодыхъ умахъ; ибо въ особенности сочиненіе это всѣ съ жадностію читали. Для того принужденные отражать возраженія товарищей, въ числѣ которыхъ находился даже и Савичъ, они должны были по своимъ догадкамъ объяснять, для чего Мицкевичъ окончательно не объяснился, и рѣшительно утверждали, что негодовать на Мицкевича, за то, что онъ упомянулъ о свят. Польскихъ ангелахъ есть величайшее заблужденіе и невѣжество; ибо вѣрно Мицкевичъ стократъ лучше изслѣдовалъ сердце человѣческое и истину, нежели Чипьскій и лучше, нежели сей послѣдній, успѣетъ приноравливаться къ умамъ. Здѣсь началось между студентами опять нѣкоторое раздѣленіе мнѣній, пока вторая часть Пилигримства, выжавъ слезы, не уничтожила невыгоднаго мнѣнія о Мицкевичѣ. Чтеніе происходило по ночамъ, подъ предлогомъ приготовленія къ экзаменамъ и хотя собиралось только по нѣскольку, но прозорливый инспекторъ спрашивалъ, для чего въ квартирѣ горятъ до поздняго времени свѣчи. Отвѣтомъ служилъ предлогъ предстоящихъ экзаменовъ. Часто для отвлеченія товарищей отъ праздности и картежной игры, заводили они пренія религіозныя, учебныя и о проповѣдяхъ Тринковскаго. Собирались многіе, спорили до изнеможенія, смѣша даже своихъ товарищей. Но что было дѣлать! Вводили даже въ сіи споры постороннихъ. Лукьянъ болѣе всѣхъ представлялъ къ спорамъ матеріаловъ, успѣвая самый даже непонятный предметъ представить въ ясномъ свѣтѣ, а тѣмъ самымъ дѣлалъ его цѣлю продолжительныхъ разсужденій. Пріѣхалъ Савичъ, и ничего не привезъ кромѣ нѣсколькихъ свѣдѣній объ обществахъ въ Краковѣ, Лембергѣ и проч. Савичъ уничтожилъ намѣреніе Рабчинскаго, представляя, что это бесполезная затѣя, и что представляясь предъ начальствомъ, можно обратить на свои поступки строжайшее вниманіе. Мало по малу, проэктъ этотъ пришелъ въ забвеніе, и товарищи, скупясь деньгами, болѣе объ немъ не припоминали.

Преслѣдованія въ 1838 году въ Кіевскомъ университетѣ, разжалованіе Павла Богдановича въ солдаты, поразило здѣшнюю мыслящую молодежь; тѣмъ болѣе, что постоянно страшились молвы о имѣющей послѣдовать ревизіи книгъ. Изъявляли состраданіе надъ Дерптскими дуэлями, тамошнимъ буршеванствомъ, приготовляясь поощрить ихъ при первомъ свиданіи, что и исполнилъ Рабчинскій прежде его арестованія.

Страсть молодежи посѣщать каждое представленіе въ театрѣ послужила въ пользу Савичу. Онъ записался въ число часто выходящей и празднои молодежи, и пользуясь этимъ, могъ выходить въ городъ и поздно возвращаться, не навлекая на себя подозрѣнія. Въ это время, передъ праздниками Пасхи 1838 года, вѣроятно по внушенію Родзевича, онъ старался въ кругу своихъ товарищей составить демократическое общество и въ этомъ духѣ распространять его по мѣрѣ возможности. Самъ былъ избранъ секретаремъ, по уваженію обширнѣйшихъ своихъ связей. Но какъ демократическое общество Родзевича и ему подобныя, такъ и настоящее общество молодежи, было злоумышленіе безъ вѣрнаго обдуманія. Послѣдствія вскорѣ убѣдили въ сей истинѣ. Еще питалась сильная вѣра въ ненарушимость клятвеннаго обѣщанія, а притомъ не обращали вниманія на будущность, и даже не желали видѣть тигровъ, ихъ караулившихъ. Составилось общество формальнѣйшимъ порядкомъ, но безъ всякаго размышленія. Горькая для послѣдователей наука! Занимаясь чтеніемъ разныхъ сочиненій, студенты ознакомились съ опасностями, выучились видѣть во всемъ несчастіе, а здѣсь не могли предвидѣть слишкомъ обыкновеннаго и разительнаго промаха. Кто лишь оказывалъ хорошія желанія, во мнѣніи ихъ былъ уже хорошъ, и имѣлъ безусловное право на поступленіе въ общество. Умноженіемъ числа заговорщиковъ хотѣли сдѣлать то, что должны были выполнить самого закаленнаго духа и выбора люди. Имъ казалось, что большое число людей необходимо для распространенія духа. Еще разъ говорю, что упустили изъ виду случаи измѣны или нечаяннаго открытія, долженствовавшіе все погубить. Каждый изъ нихъ почти обо всѣхъ зналъ. Не зная людей, безъ выбора набрали сволочь, которая потомъ покрыла позоромъ и навлекла общее негодованіе на общество основателей.

Можно подозрѣвать, что здравой мысли не было у самого Савича, который во время праздниковъ Пасхи, когда Лукьянъ лежалъ почти при смерти боленъ, приходитъ къ нему и увѣщаетъ, чтобы онъ, хотя передъ столь вѣрною смертію, записался въ общество. Холодная дрожь проходитъ при самомъ воспоминаніи! Лукьянъ видѣлъ въ этомъ предметѣ худую его сторону и потому замѣгилъ Савичу, что неосновательно дѣлаетъ, ежели подобнымъ образомъ всѣхъ принимаетъ. Какое же находишь во мнѣ ручательство, сказалъ онъ, въ случаѣ открытія нашего общества, когда я слабъ, умираю и по одной слабости могу все открыть и погубить всѣхъ? Развѣ надѣнешся на мой прежній духъ? Помни, что духъ и тѣло находятся въ тѣсномъ соединеніи, и самосильнѣйшій духъ съ совершеннымъ ослабленіемъ тѣла ослабѣваетъ

и упадаетъ. Савичъ ушелъ, признавая справедливость его заключенія. Рабчинскій выѣхалъ на праздники развозить сочиненія и мысли.

Между тѣмъ Снядецкій, послѣ тяжелой болѣзни, приближался къ смерти. Послѣдній день его былъ въ концѣ Апрѣля 1838 г. Студенты почитали его, достойнаго старца, при жизни и еще болѣе оказали дѣтскую привязанность послѣ его смерти. На мѣстѣ разставанія съ его тѣломъ, которое несли на себѣ студенты, они собственными руками насыпали временно курганъ на возвышеніи холмика, названнаго отъ его имени Ендржеіоковкою. Сія восторженность молодежи, оказавшей такую привязанность къ своему наставнику, многимъ была не по вкусу. Старецъ сей былъ извѣстенъ какъ хорошій Полякъ. Посему вся молодежь попалась въ подозрѣніе. Нѣкоторые даже изъ самой молодежи порицали этотъ признакъ наружнаго уваженія, предусматривая вредныя послѣдствія; но въ то время не было мѣста совѣтамъ. Не знавшіе объ обществѣ и ходѣ его дѣлъ предполагали въ вѣчную память умершему соорудить чугунный монументъ, надѣясь, что такимъ образомъ тронуть умы и убѣдить, что молодежь умѣетъ чувствовать, мыслить и вознаграждать; но напротивъ того нужно было опасаться, чтобы такимъ поступкомъ не открыть своихъ замысловъ. Мало по малу, съ измѣненіемъ обстоятельствъ, миновала сія восторженность, и намѣреніе соорудить монументъ, послѣ воспрещенія со стороны правительства, было забыто. Нѣкоторые составляли прекрасные планы и помышленія, собирались на совѣщанія къ кургану; предполагали заняться собратіемъ огромной складки. Самъ Рабчинскій прилежно этимъ занимался, пока не пробилъ послѣдній часъ его прекраснѣйшихъ предложеній.

На похоронахъ Снядецкаго при надгробной рѣчи Тринковскаго, въ которой онъ превзошелъ изящностію краснорѣчія прежнія свои рѣчи, находились Родзевичъ и Канарскій. Савичъ зналъ уже объ этомъ. Но прежде сего Рабчинскій, Загорскій и Краковскій уроженецъ Александръ Грицыкевичъ, тоже студентъ медицины, постановили непременно познакомиться съ ремесленниками и учредить между ними въ демократическомъ духѣ общество. Они успѣли въ этомъ, чрезъ добраго, но очень слабаго человѣка.

Потомъ Рабчинскій рвалъ на головѣ волосы за ошибку въ своемъ выборѣ и за свое откровеніе. Предварительно пошелъ самъ и не ошибся въ довѣренности, какую имѣлъ между ремесленниками его проводникъ. Сей послѣдній свелъ Рабчинскаго къ способнымъ и порядочнымъ молодымъ людямъ, въ которыхъ имѣлъ совершенную довѣренность. Не долго ожидая, Рабчинскій приступилъ къ дѣлу. Представилъ имъ въ черныхъ и ужасныхъ, какія только могъ изобрѣсть, выраженіяхъ,

все обращеніе съ ними правительства, представилъ, чѣмъ они есть, чѣмъ могутъ и чѣмъ должны быть. Говорилъ о духѣ заграничныхъ народовъ, объ обществахъ Кіевскомъ, Краковскомъ и Лембергскомъ. Воскресилъ въ нихъ надежду и получилъ достойнѣйшую въ своей жизни награду. Сіи простые люди, въ умиленіи благодарности и братняго почтенія на крыльяхъ вольнаго духа полетѣли къ нему на встрѣчу, лобзали его и со слезами радости и счастья цѣловали ему руки и лицо. Богоявленный образъ!

Блаженство вамъ люди, которые умѣете раздѣлять душевное наслажденіе этаго мужа-апостола Рабчинскаго! Въ другой разъ былъ съ Загорскимъ; далъ имъ обширнѣйшее понятіе и объясненіе о движеніи всего предмета и указалъ образъ будущихъ дѣйствованій. Но всегда сохранялась въ памяти слабость ихъ проводника; хотя онъ не такъ-то имъ много сдѣлалъ худаго. Савичъ свелъ Рабчинскаго и Загорскаго на квартиру Родзевича. Здѣсь Канарскій, знавшій уже о ихъ духѣ, показавъ только во всемъ пространствѣ обширность своихъ свѣдѣній и чувство истинно божественное, восхитилъ своимъ краснорѣчіемъ, такъ что Рабчинскій не зналъ, какимъ образомъ оказать ему свое безпредѣльное почтеніе и благодарность.

Канарскій желалъ знать орудіе дѣйствованія ихъ на ремесленниковъ. Посему идетъ къ нему съ Рабчинскимъ и послѣ короткаго тамъ разговора просить, чтобы его познакомилъ еще съ Розенталемъ, о которомъ много хорошаго слышалъ. Рабчинскій и Савичъ прежде его занесли къ нему прокламацію къ Евреямъ Лелевеля и были съ нимъ довольно коротко знакомы. Пошли къ Розенталю на вино. Тотъ, надѣясь на свою оборотливость, безъ дальнѣйшихъ околичностей приступаетъ къ дѣлу, открывается даже въ томъ, чего не сдѣлалъ передъ Загорскимъ, Савичемъ и Рабчинскимъ; ибо передъ ними назвался Янушемъ, Виріонемъ, Вороничемъ. Здѣсь нельзя разгадать, на кого долженъ упасть позоръ открытія и преданія Канарскаго, на Розенталя ли. столь славившагося хорошимъ образомъ мыслей, или же на бывшего тогда у Розенталя одного изъ полицейскихъ чиновниковъ, который могъ знать Канарскаго по описанію его примѣтъ и портрета. Довольно того, что чрезъ нѣсколько минутъ послѣ выхода ихъ отъ Розенталя берутъ проводника. Канарскій объ этомъ еще не знаетъ. Рабчинскій и Савичъ, находясь при арестованіи перваго и полагая, что по частой ихъ въ его домѣ бытности, безъ сомнѣнія навлекли на себя вниманіе шпионовъ, которыхъ въ ту минуту много вертѣлось, прячутся въ академическія зданія, но предварительно Савичъ спѣшитъ еще на квартиру Родзевича и, увѣдомивъ о случившемся, почти прогоняетъ ихъ за городъ.

Канарскій съ Родзевичемъ бѣгутъ, но въ недалекомъ разстояніи скоро были пойманы. Родзевичъ, потерявшійся духомъ, Канарскій же со всѣмъ присутствіемъ духа подъ личиной непросвѣщеннаго простака, возвращаются съ жандармами въ Вильно.

Замѣтили свою ошибку въ формированіи общества, не могли даже скрыть своего страха и смущенія передъ проницательнымъ глазомъ Лукьяна, который, проникая будущность, утѣшалъ ихъ дивною какою-то надеждою, для того только лишь бы утѣшать. Еще до арестованія Канарскаго, по пріѣздѣ Трубецкаго, студенты намѣревались, прежде чѣмъ онъ начнетъ свои извѣстныя дѣла, по тихоньку затянуть его въ Вилію. Съ этимъ намѣреніемъ открылись даже передъ другими, которые хотя не измѣняли тайнѣ, но уже объ оной знали. Канарскаго совѣты отвели ихъ отъ исполненія сего умысла; ибо тлилась еще надежда, что все хорошо и незамѣтно окончится, и Канарскій уйдетъ благополучно изъ Вильны, въ которой о пребываніи его правительство очень хорошо знало и старалось разными способами его открыть.

Тѣмъ временемъ велѣно было опорожнять Базиліанскія зданія. Бѣдняки трепетали, зная очень хорошо, для кого дѣлались эти приготовленія. Сверхъ ихъ чаянія, дѣла приняли худшій оборотъ, къ которому не были еще приговорены и освоены съ мыслию окончить такимъ образомъ свою нравственную жизнь.

Спустя три дня послѣ арестованія Канарскаго и Родзевича были взяты Савичъ, Рабчинскій, Загорскій и Грицыкевичъ. На нихъ было донесено, что они видѣлись съ Родзевичемъ; Рабчинскій же, который былъ извѣстенъ шпионамъ по призванію и знали его квартиру, обвинялся какъ наставникъ ремесленниковъ. Савичъ не надѣялся, чтобы могъ быть арестованнымъ вмѣстѣ съ Рабчинскимъ, не знаю по какой причинѣ. Лукьянъ, зная, что въ эту ночь придетъ полиція, не спалъ и кромѣ того въ эту же ночь, прятая бумаги, былъ свидѣтелемъ похищенія своихъ друзей. Савичъ, по словамъ Рабчинскаго, послѣ послѣдняго разговора съ Лукьяномъ, имѣлъ послѣ арестованія Рабчинскаго открыть какое-то намѣреніе и дѣло къ исполненію, но все это кончилось со взятіемъ подъ арестъ обоихъ. Вѣроятно дѣло заключалось объ оставленныхъ бумагахъ, которыя въ послѣдствіи, по признанію ихъ, полицмейстеръ отыскалъ и забралъ.

Весь институтъ былъ застигнутъ въ расплохъ, исключая Лукьяна. Онъ началъ бѣгать по квартирамъ, утѣшая лучшихъ, чтобы не теряли надежды, ибо арестованные подвергнуты заключенію за глупости и навѣрно въ скоромъ времени будутъ освобождены, вралъ по возмож-

ности, не терялъ бодрости и воскрешалъ духъ лучшей унывшей молодежи. Это происходило въ первыхъ дняхъ Іюня 1838 года.

Съ сихъ поръ, несвѣдущіе ожидали скорого освобожденія узниковъ: другіе тосковали, что все уже погибло; слабыхъ черезъ чуръ было много.

Съ началомъ Іюля наступила новая въ людяхъ потеря.

Общество помѣщиковъ, будто сформированное въ Вильнѣ, открылось чрезъ его секретаря Козакевича. Этотъ человѣкъ хорошихъ мыслей и сердца, былъ слабого духа, страдалъ черною меланхоліею, ибо не могъ освободиться отъ предразсудковъ и причудъ въ дѣлахъ религіозныхъ и потому, читая заграничныя сочиненія, одушевленные смѣлыми выраженіями богохуленія, не понималъ ихъ и не постигалъ самъ себя; по этой причинѣ прибѣгалъ часто къ ксендзамъ, ища душевной отрады въ ихъ бесѣдѣ. Сдѣлавшись начальникомъ общества помѣщиковъ, имѣвшаго цѣлью поддержать сношенія съ Родзевичемъ и заграничными, онъ имѣлъ отъ Канарскаго переданный ключъ для переписки и получилъ планъ партизанской войны, когда въ слѣдъ за Родзевичемъ былъ привлеченъ (чего причина мнѣ неизвѣстна), вовлекъ за собою еще семь человѣкъ, въ числѣ которыхъ находился и каноникъ Людвигъ Тринковскій.

Виленское общество, составлявшееся изъ богатыхъ помѣщиковъ, не имѣло и не могло имѣть столь благородныхъ плановъ. Богачъ всегда любитъ богатство и для него очень трудно вдругъ сравняться съ братомъ-мужичкомъ. Они желали лишь возмущенія, довольно и того, хотѣли поддержать Польскій языкъ, Польскій духъ, а можетъ быть не были даже большими врагами пугалища Польши, аристократіи.

Но благодареніе имъ и за настоящій подвигъ! Когда другіе погружаются во снѣ, или ползаютъ въ грязи подлости и тиранскихъ правилахъ жизни, они хотя немного выше вознеслись мыслями, забывая, или лучше сказать привыкая забывать честолюбіе, эту отличительную черту характера людей не просвѣщенныхъ и съ подлыми сердцами. Одинъ лишь Тринковскій, который даже невольно былъ вовлеченъ въ это общество и безъ надобности погибъ, думалъ иначе. Заблужденія его жизни, которыми правительство, чрезъ наркотическія средства, лишивъ присутствія ума, обезчестило его священнической санъ и возвышенную благородную душу въ глазахъ разсудительныхъ людей, должны большею частію быть извинены.

Что онъ былъ человѣкъ, дѣло естественное, но человѣкъ, какихъ дай Богъ побольше. Слѣпая публика, будучи отголоскомъ и эхомъ клеветы правительства, стократъ повторяетъ въ своемъ ослѣпленіи и сто-

кратъ приписываетъ Тринковскому новыя заблужденія, которыхъ не было, а если и были, то во уваженіе заслугъ должно предать забвенію и самой заняться упражненіемъ въ полезномъ.

Онъ, съ нѣсколькими другими ксендзами, какъ нибудь возвысилъ честь и почтеніе къ священному по своему званію сану, столь непросвѣщенному и пагубному въ отношеніи духа. Цѣлая духовная наша іерархія, подъ управленіемъ своихъ нечестивыхъ начальниковъ, на подобіе духовенства во Французской революціи, темная, глупая и отуманенная видами корыстолюбія, возстаетъ на разореніе зданія вольности народовъ. Этотъ санъ, съ которымъ, въ отношеніи дѣятельности, могутъ сравняться два состоянія, лѣкарское и учительское, которыя доставляютъ обширнѣйшія связи съ людьми разнаго званія, должны всевозможно стараться подкапывать у насъ въ корнѣ дерево тираніи, если хотятъ достойно наслѣдовать Іисуса Христа. „Люби искренняго“, „кто хочетъ быть высшимъ, пусть будетъ малѣйшимъ“, въ этой истинѣ всякъ уже убѣжденъ. Но чтобы вѣще доказать подлость духовнаго правительства, приведу здѣсь выраженія глупой учености и будто христіанской религіи, очень легкія для опроверженія.

Всякое вѣроломство, въ столь важномъ предметѣ, какова присяга монарху, не только по уложенію Государственныхъ законовъ предастъ клятвopреступниковъ сугубому наказанію въ семь животъ; но и въ будущей вѣчности; на основаніи Божія закона, наша Католическая Церковь, какъ вамъ извѣстно изъ Богословіи, клятвopреступниковъ запрещаетъ разрѣшать на исповѣди*). Можетъ ли быть болѣе не христіанское посланіе какъ настоящій циркуляръ? Не понимая нравъ человѣчества, не понимаютъ и Св. Евангелія, а если понимаютъ, то можно ли изобрѣсти имя для ихъ названія?

Тринковскій, выѣхавъ въ началѣ Іюля къ Друзкеницкимъ водамъ, послѣ памятныхъ его распръ съ епископомъ, вѣчнымъ и недостойнымъ его врагомъ, былъ задержанъ, одновременно съ прочими, задержанными въ другихъ мѣстахъ сочленами общества. Лукьянъ, будучи съ нимъ знакомъ, если-бы доѣхалъ до Друзкеникъ прежде захваченія его, то вѣрно выпроводилъ-бы его за границу, ибо не было нужды добровольно предаваться на истязанія и испытывать крѣпость своего духа. Здѣсь потянулся рядъ многихъ узниковъ разнаго состоянія и званія.

*) Циркулярное предписаніе управляющаго епархіею, Виленской Римско-Католической Консисторіи къ бѣлому и монашествующему духовенству, Виленской Римско-Католической епархіи 1832 года 3 Іюля въ Вильнѣ.

Академическое общество, въ головѣ котораго, послѣ арестованія Савича, сталъ молодой способный и соотвѣтственный своей обязанности Иванъ Манковъ, начало уменьшиваться; стали одинъ другаго выдавать. Въ арестованіи нѣкоторыхъ вина должна пасть на Савича и Рабчинскаго, но не въ столь большой мѣрѣ, какъ это распространили непросвѣщенные и безразсудные кликуши. Всегда въ надобныхъ случаяхъ у людей ничтожныхъ изъ мухи дѣлаютъ слона, первая примѣта подлости и низкой души. Для лучшаго краткаго описанія привожу здѣсь выписку приговора изъ Виленскихъ Губернскихъ Вѣдомостей, опубликованнаго послѣ произведенія надъ арестантами слѣдствія и суда.

(Здѣсь слѣдуетъ выпись изъ Губернскихъ Вѣдомостей, въ которой показывается мѣра преступленія злоумышленниковъ и заслуженное ими наказаніе *).

Слава вамъ, слава въ грядущемъ, слава вашимъ внукамъ, слава сердцамъ, умѣющимъ чувствовать ваше пожертвованіе и страданіе!

Не отдавая всѣмъ похвалу, я согрѣшилъ, и согрѣшилъ бы всякій, если бы кто отдавалъ имъ равную похвалу. Одни изъ нихъ, которыхъ не назову по фамиліи, имѣли лишь хорошія желанія, но большую слабость. Другіе вмѣсто чести достойны презрѣнія. Таковымъ былъ между прочими Оржешко, который, погубивъ себя, погубилъ и многихъ другихъ, въ числѣ которыхъ и почтеннаго малаго, Русскаго офицера Караванева. Казакевичъ оказался тоже недостойнымъ принятой на себя большой обязанности. Чтѣо относится до академиковъ С. Станиславскаго, сужденнаго въ Кіевѣ, и Малѣцкаго, сужденнаго въ Варшавѣ, на нихъ пусть упадетъ вѣчный позоръ, пусть всѣ узнаютъ ихъ съ презрѣнной стороны.

Казакевичъ, равно какъ и генералъ Гельгудъ, люди, занимавшіе столь высокія мѣста и въ столь критическихъ обстоятельствахъ требовавшихъ неусыпнаго бдѣнія и прозорливости, останутся всегдашнимъ примѣромъ и поученіемъ, что самые лучшіе люди съ худыми привычками никуда не годятся. Развѣ былъ здравый умъ и благородное обузданіе страсти къ картежной игрѣ, когда эти два игрока проигрывали въ карты и деньги, и время, и себя, и все дѣло отечества? Проклятіе имъ будущаго поколѣнія! Проклятіе ихъ послѣдователямъ, вѣчное проклятіе!

И какимъ же образомъ можетъ возстать Польша, какимъ образомъ должно подвигаться ея дѣло, когда оно находится въ рукахъ столь ничтожныхъ людей? Изучимся ли мы когда нибудь пользоваться опыт-

*) Приговоръ по дѣлу Канарскаго.

ностію и привыкнемъ ли избѣгать подобныхъ страшныхъ промаховъ въ борьбѣ нашей противу тирановъ? Промахи слѣдуютъ за промахами, до нынѣ еще большая половина, униженная въ духѣ, не вѣруетъ въ собственныя силы, ожидаетъ сторонней помощи. Правда, посторонніе желаютъ намъ добра; но лишь желаютъ и совѣтуютъ, чтобы мы на ихъ пособіе мало надѣялись. Доказательствомъ этого служить отвѣтъ общества на воззваніе Поляковъ 1837 года. Горестъ, отчаяніе объемлетъ душу, не видя конца нашему ослѣпленію. Перестанемъ думать и вѣровать по старому; прошедшія желанія, обычаи насъ не спасутъ: въ нихъ болѣе заключается ошибокъ, нежели добродѣтели; намъ необходима революція совершенная, перемѣна основная, съ корнемъ непремѣнно нужно вырвать дубъ деспотизма, иначе вновь вырастутъ его отрасли. Будемъ трудиться, желать и вѣровать, что солнце дѣйствительной вольности возсіяетъ, созиждется на незыблемомъ основаніи всемірный храмъ, будемъ вѣровать! О, я вѣрую во всемірный храмъ, вѣрую въ пророчество одного писателя, что нынѣшняя идолопоклонническая Европа содѣлается истинно-христіанскою. Мы содѣлаемся только истинными христіанами, примемъ въ сердца истинно-божеское, христіанское въ отношеніи другихъ самоотверженіе,—любовь къ ближнему. а тѣмъ самымъ и любовь къ себѣ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ вѣрую въ непремѣнную и ничѣмъ незамѣняемую необходимость другаго Константина, возстановляющаго христіанизмъ вольнымъ. Необходимъ мужъ съ сердцемъ Вашингтона и Ипсилантія, а съ силою и умомъ Наполеона. Не для чего отчаяваться: изъ Пинскихъ болотъ и курныхъ хатъ вѣрно произойдетъ этотъ герой. Не такъ ли родился Іисусъ Христосъ? И много ли посланниковъ разнесло по свѣту истину Его науки, которою побѣдили весь міръ? Можемъ ли послѣ этого не вѣровать въ собственныя наши силы, когда насъ въ тысячу разъ больше двѣнадцати?

Упрекаютъ нѣкоторые Рабчинскаго въ подлости за то, что онъ просилъ правительство объ облегченіи наказанія и что даже открылъ нѣкоторыхъ. Знаю этого человѣка какъ нельзя лучше. Если онъ выдалъ Вояковскаго, то въ семъ отношеніи не столько былъ онъ самъ виновенъ, сколько стеченіе обстоятельствъ и вытерпѣнное имъ наказаніе; слѣдовательно, онъ заслуживаетъ признательность за свою рѣшимость и молодечество. Я ручаюсь за него своею совѣстію. Если онъ просилъ объ увольненіи, то единственно съ тою цѣлью, чтобы продолжать дѣйствовать. Непоколебимый таился въ этомъ человѣкѣ духъ; подъ личиною подлости и среди презрѣнія къ мнѣнію слѣпаго свѣта онъ хотѣлъ дѣйствовать всѣми способами, лишь бы продолжать свое дѣло.

До 1-го числа Сентября 1838 года, всѣ почти означенные академики были взяты подъ арестъ. Не знавшіе обстоятельствъ и причинъ арестованія упали духомъ до того, что стыдно даже говорить. Имъ казалось, что правительство знаетъ объ всякомъ и арестуетъ каждаго. Это было причиною, что, послѣ возвращенія съ вакаціи, трудно было убѣдить къ приношеніямъ въ пользу арестантовъ. Нѣкоторые съ крѣпчайшимъ духомъ принимали на себя всю отвѣтственность за благотворителей, лишь бы они давали. Лукьянъ хотѣлъ даже послать прокламацію, но, сообразясь обстоятельно съ трусливымъ духомъ товарищей, предвидѣлъ, что воззваніемъ симъ онъ еще больше перепугаетъ всѣхъ и отниметъ всякую охоту отъ пожертвованій.

При изложеніи этихъ происшествій я долженъ привести еще одинъ поступокъ нѣкоторыхъ академиковъ; правда, онъ по наружности дышетъ великодушіемъ, но все-таки онъ дѣтскій. Нѣкоторые изъ отчаяннѣйшихъ воспламенились до того, что имъ самимъ хотѣлось быть арестованными, но для того только, чтобы сидѣть въ тюрьмѣ, хотя бы пришлось отъ этого бесполезно погибнуть. Будто отъ сего зависѣло все дѣло? Это есть зародышъ грубаго честолюбія, желающаго снискать незаслуженную похвалу и награду. Поэтому, когда разрушилось общество, то въ замѣнъ его начало формироваться другое изъ дѣтей еще въ высшей степени. Какая цѣль этихъ самопожертвованій? Они сами того не знали, и едва по увѣщанію старшихъ, которые были вовлекаемы дѣтьми, общество сіе расторглось. Для какой же пользы формировать подобное общество? Вѣдь вредныя послѣдствія худаго его образованія слишкомъ очевидны. Изъ этого слѣдуетъ извлечь пользу и стараться другими средствами и совершенно на другихъ основаніяхъ соорудить это зданіе просвѣщенія человѣчества. Никто не долженъ знать и не долженъ стремиться узнать его. Пусть будутъ заговорщики люди мыслящіе, но одни о другихъ пусть не знаютъ: тотъ только можетъ знать о многихъ, кто многихъ привлекъ, кромѣ его никто; кто многихъ привлекъ, тотъ имѣетъ уже обширнѣйшія связи и будетъ болѣе дѣйствовать и болѣе знать. Но и привлекавшаго въ случаѣ опасенія въ открытіи имъ себя и другихъ должно умерщвлять: страхъ противу страха, нынѣ единственное средство; тѣмъ болѣе для лицъ съ большими дарованіями, прозорливыхъ, способныхъ и сильнаго духа. Я снисходителенъ, но лишь въ отношеніи къ слабымъ; если кто изъ выбирающихъ не умѣетъ выбирать, тотъ достоинъ быть судимъ. Но если упадетъ духомъ мощный, если начнетъ бредить предъ судомъ, о! такого безъ суда прямо бросить въ адъ; тогда нужно Робеспьера. Съ слабымъ не должно заходить въ далекія дѣла, ибо можетъ тебя

погубить, сильнаго, упадающаго духомъ, перваго тащи на висѣлицу: для того носимъ голову.

Во все время содержанія арестантовъ, городъ и студенты Академіи старались какъ нибудь усладить ихъ страданія и заключенія посредствомъ собиранія складокъ и посылки къ нимъ разныхъ вещей. Въ это время несвѣдущіе узрѣли хотя небольшой свѣтъ, ибо, узнавъ о причинахъ, за которыя подвергались преслѣдованію, начали постигать нынѣшній духъ народовъ и начали сами принимать этотъ духъ и думать, какъ должно дѣйствовать для своего счастья. Но все это должно было заключаться въ степенныхъ предѣлахъ, не смотря на то, что говорить объ этомъ не было воспрещено; ибо трудно воспретить говорить объ томъ, что дѣлалось предъ глазами. Все, какъ говорю, заключалось въ тѣсныхъ предѣлахъ Вильны, по уѣздамъ и по парафіямъ мало раздувалось. Картежная игра и глупости въ институтѣ явно уменьшились, ибо имѣли что дѣлать и о чемъ думать.

Пришло наконецъ ожиданное время, неисповѣдимое въ отношеніи происшествія и судьбы лицъ,—время суда и высылки.

Въ Среду передъ великимъ постомъ, 8 Февраля 1839 года, прочитанъ приговоръ; въ 12 и 13 дни вывезли болѣе десяти студентовъ Академіи на Кавказъ, 14-го въ полдень трехъ студентовъ въ вѣчные солдаты: Савича, Рабчинскаго и Загорскаго.

По прочтеніи приговора, позволено было всѣмъ видѣться съ узниками, проститься въ послѣдній разъ съ знакомыми и ссудить ихъ на дорогу. Прекрасно нашелся весь городъ, прекрасно наплась вся Академія, не смотря на раздраженное на нее правительство. Кромѣ собранныхъ складовъ и пособій, трогательно было прощаніе съ товарищами; солдаты даже плакали, а у нѣкоторыхъ старшихъ, волчьаго сердца, офицеровъ на жирныхъ ланитахъ изображались уничтоженіе и злость. Трудно описать эти зрѣлища. Кто ихъ видалъ, въ вѣкъ не забудетъ.

Наступило 15-е число Февраля, день незабвенный для Вильны. Поутру президентъ Академіи, созвавъ студентовъ въ залъ, со слезами крокодила давалъ свои отеческія наставленія, предваряя при томъ, чтобы не ходили смотрѣть на смерть Канарскаго. Этотъ президентъ человѣкъ малой души и малаго ума, придворный; молодежь не могла его понять. Но кромѣ сего не было въ немъ ничего: малый умъ свой стараясь прикрыть придворною политикой, невольно выказывалъ его еще меньшимъ, въ чемъ можно удостовѣриться изъ многихъ доказательствъ. Во время незабвеннаго разговора, до вослѣдованія еще

приговора, когда ходили къ нему просить книгъ, отзывался: „Состояніе лѣкаря самосчастливейшее; ибо, когда велятъ ему быть Полякомъ, Евреемъ, Цыганомъ,—всѣмъ равно онъ будетъ и всѣмъ равную оказываетъ пріязнь.“ Прекрасно изобразилъ состояніе своей души. Слѣдовало бы что нибудь сказать о профессорахъ; но ихъ низкій духъ, кромѣ навлеченія презрѣнія и жалобъ учениковъ, ничѣмъ не замѣчательнъ. Ссоры ихъ (на первыхъ порахъ прибытія президента) съ президентомъ, хотя и снискивали имъ уваженіе у студентовъ, узнавшихъ уже о коварствѣ президента, но потомъ, когда всѣ начали за одно дѣйствовать, всѣ, кромѣ сколько нибудь отмѣнныхъ двухъ, сдѣлались негодными. Настоящая моя похвала сдѣлается, можетъ быть, для нихъ немало уважительной причиной для представленія къ орденамъ.

Несмотря на запрещеніе не ходить смотрѣть на смерть Канарскаго, большая половина студентовъ видѣла ее; они поспѣшали учиться изъ примѣра, какъ должно умирать.

1839 г. 15 Февраля, къ 9-ти часамъ по утру, уже множество народа наполняло улицы и толпилось при могилѣ осужденнаго, чтобы по крайней мѣрѣ взглянуть на этаго великаго человѣка. Канарскій ѣхалъ въ саняхъ съ Кальвинскимъ священникомъ (онъ былъ Кальвиннетъ), чрезъ конный рынокъ, отдавъ бывшія у него деньги караульнымъ солдатамъ при арестангахъ; онъ проѣзжалъ, какъ на торжественной колесницѣ, полный мыслей и чувствъ къ людямъ, которые его сопровождали. О зрѣлище! Никогда тебя не забуду. Я видѣлъ три зрѣлица. Кто можетъ забыть васъ, бывъ свидѣтелемъ васъ однажды?

Нѣсколько ротъ солдатъ подъ ружьемъ и съ барабаннымъ боемъ окружили квадратъ, въ которомъ была выкопана яма. Позади ихъ, какъ уже выше сказано, толпилось несмѣтное множество народа, толнувшаго въ глубокомъ снѣгу. У всѣхъ трепетали души. У всѣхъ глаза были устремлены неподвижно въ сторону, откудова ожидали его прибытія, мысли cadaго перенеслись на лобное мѣсто, тамъ онъ трогались и сливались въ дикую смѣшанную гармонію боязни, состраданія, ужаса. безпредѣльнаго почтенія! Наконецъ прибылъ. Всѣ поднялись на ципочки; въ эту минуту каждый желалъ подрости, чтобы его увидѣть. Я видѣлъ его. Да будетъ благословенна та минута! Я видѣлъ тебя, всемірный герой, великій ученикъ Христовъ! Я видѣлъ твое красивое румяное лицо, твои прекрасные локоны, мужественную осанку; видѣлъ всю твою великую душу. Вижу до сихъ поръ и буду видѣть. Для чего въ то время не дали мнѣ въ руки пера. для чего тогда не могъ я тебя прославлять, когда во мнѣ струились небесныя мысли, когда душа

моя, соединяясь съ твоею душею посредствомъ небесной любви, величайшаго уваженія и счастья, представляли собой юнаго орла при орлѣ зрѣломъ и въ состояніи была къ произведенію твореній высокихъ въ тогдашнемъ, говорю, вдохновеніи, я воспѣлъ бы тебѣ похвалу болѣе достойную твоего величія. Вижу, какъ ты съ благородною гордостію принималъ оказываемыя тебѣ знаки почтенія вражескими генералами и старшими офицерами.—Вижу тебя въ голубой шапочкѣ, стоящаго предъ ними и слѣящагося надъ силой ихъ величія и низкой подлости. Вижу тебя, какъ ты съ удовольствіемъ слушалъ приговоръ смерти за свою жизнь. Вижу тебя, какъ ты самъ вкладывалъ на себя смертную рубашу, самъ ее застегивалъ и не хотѣлъ дозволить завязывать себѣ глаза.

Брызги крови, пролившейся отъ залпа 12-ти ружей, на разстояніи 10-ти шаговъ, народъ бросился собирать въ знакъ памяти, началъ рвать платье и драть окровавленную землю. Но полиція стала разгонять народъ, тѣло было брошено въ яму и засыпано землею съ уровнемъ поверхности.

Кто не видѣлъ его передъ смертію, можетъ узнать его изъ письма, писаннаго къ Бринку. Стихи, которые онъ написалъ во время своего заключенія, нѣкоторымъ молодымъ головамъ очень понравились, а нѣкоторымъ показались подлыми: однимъ нравилась выпренность отчаянія, которую онъ украшалъ смѣлыми выраженіями въ богохульной бесѣдѣ съ Богомъ; другимъ, напротивъ, богохуленіе не нравилось. Не считаю нужнымъ заниматься обширнѣйшими объ этомъ предметѣ сужденіями. Кто сколько нибудь знаетъ человѣческое сердце и состояніе отчаяннаго человѣка, тотъ не будетъ ни удивляться ему, ни негодовать на него.

На семъ долженъ окончить; ибо со смертію Канарскаго всѣ будто бѣды на время прекратились, такъ какъ со смертію Снядецкаго возымѣли начало. Могилы двухъ великихъ людей лежатъ на противоположенныхъ сторонахъ города, какъ два полюса, на которыхъ должны вращаться мысли и сердца живыхъ людей. Я долженъ еще присовокупить что нибудь о дѣтствѣ нѣкоторыхъ учениковъ: ибо какъ добрыя дѣла, такъ и пороки ихъ считаю долгомъ показать. Во время высылки арестантовъ и дѣлаемыхъ имъ ссудъ, нѣкоторые преимущественно занимались собираніемъ складокъ; но это дѣлали тайно, давая вмѣстѣ съ тѣмъ замѣтить, что сіе дѣлаютъ потому, что другіе недостойны объ этомъ знать. Упрекъ этотъ относится къ тѣмъ, которые по наружности какъ будто стремятся къ равенству и вольности, а въ самомъ зародышѣ и на первыхъ шагахъ уже ошибаются. Всегда проявляется въ

людяхъ какое-то желаніе первенства, никогда не могутъ восторжествовать надъ собственнымъ честолюбіемъ. У насъ люди до того испорчены, что даже подлость своего духа почитаютъ за счастье, этимъ гордятся, желаютъ даже жить подло. О, какъ трудно у насъ выбиться изъ этого круга подлости и корыстолюбія! Когда человѣкъ усовершенствуется и припомнить прежній свой образъ желаній и мыслей, долженъ стыдиться за прежній свой духъ и смѣяться надъ нимъ. Поэтому изъ сихъ тайныхъ и скрытыхъ дѣйствій и разговоровъ произошли споры. Тѣ, которые могли знать объ этомъ, высшіе даже надъ первыми духомъ, обидились возвышеніемъ ихъ, и началось несогласіе. Тѣ, которые уже совершенно бросили покровъ честолюбія, старались поссорившихся примирить; ибо, говоря истину, совершенно излишнею была здѣсь всякая предосторожность и таинственность: всѣ должны были знать обо всѣхъ, ибо это было позволено. Чтѣ происходитъ нынѣ, пусть кто нибудь опишетъ въ послѣдствіи, пополнить мои недостатки и исправить ошибки, которыхъ не могъ я избѣжать.

*

Вотъ эта-то именно разногласица и была основною причиною паденія Польши, какъ самостоятельной державы. Въ ней же роковой залогъ невозможности ея возрожденія. Это сознавалъ и лично заявлялъ мнѣ знаменитый Делевель, когда (1858) навѣщалъ я его въ Брюсселѣ, на его чердакѣ, установленномъ сверху до низу книгами. По его словамъ, у Поляковъ никогда не было общины. Польша немыслима безъ рабства низшихъ сословій и безъ нетерпимости къ инославію.

Мнѣ неизвѣстна дальнѣйшая судьба Каспера Мостовскаго, повѣствованіемъ котораго вызывается невольное состраданіе. Очень можетъ быть, что онъ былъ выпущенъ изъ тюрьмы и даже прощенъ. По всему вѣроятію о немъ рассказано въ Запискахъ Н. Э. Писарева. Черезъ мое посредство неизданныя доселѣ эти Записки были выписаны изъ Болоніи отъ жившей тамъ пріятельницы его и переданы его наслѣдникамъ; но они просили за нихъ деньги, которыя не оказались подъ силу „Русскому Архиву“, и мы лишь мелькомъ могли познакомиться съ ихъ содержаніемъ. П. Б.

